

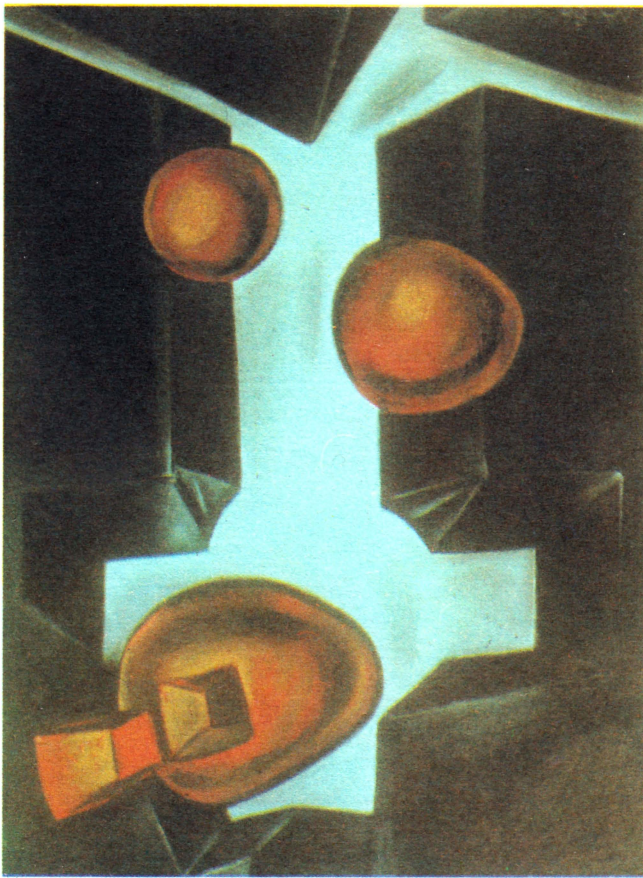
МАРТ 1991

3

уральский

С Л Е Д О П Ы Т

НУЖЕН ЛИ

Майя Марьина

НАМ

СЕГОДНЯ

ХУДОЖНИК?

Человек не хочет умирать. Искусство приобщает его к вечности. Он выходит за рамки физического времени, отпущенного ему природой. В этом смысл, или, вернее,— движущие силы любого творчества.

А. А. Лебедев
(из записной книжки)

...искусство XX века, многим пожертвовав, многое утратив, научилось давать метафорическое тело вещам незримым.

Н. А. Дмитриева
«Опыты самопознания»

Как может выжить человек, если против него все: время, пространство, люди? Как может выжить художник, если его искусству нет места в его времени? Как может выжить искусство, если его время в нем совсем не нуждается? Это понять трудно. Но выживает — это очевидно,— и это что-то значит.

На сцене три действующих лица: Художник, Художественное творчество, Общественное сознание.

Общественное сознание уверено в себе, оно не подвержено сомнениям. Оно полагает, что нуждается в искусстве. Но только в таком, которое бы утверждало прекрасное, положительный идеал, учило бы чему-нибудь приличному: патриотизму, коммунизму, коллективизму и повышению производительности труда. И никаких сомнений. Сомнения и колебания — это буржуазное разложение искусства. То, что непонятно — то вредно!

А вот и Художник. Он мучается в поисках истины, он многое осознает на этом пути, он почти постигает истину, но ему не с кем разделить достигнутое постижение.

Окончание на стр. 19

фото Олега Капореико

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2
ПО КЕНОЗЕРУ

М. Стежкина

4
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

6
«БУХАРИНЕЦ» БЕССОНОВ
Первый ректор УПИ — жертва сталинской
машины репрессий.
В. Дубленных

8
ВЫХОД В ЭФИР. Рассказ
А. Варламов

14
Я ВОСПОЮ БЕЛОКОПЫТНИК
РЕЦЕПТ СЕРАФИМЫ. Рассказы
Н. Вигорова

19
НУЖЕН ЛИ НАМ СЕГОДНЯ
ХУДОЖНИК?
М. Марьина

20
ИОНАС В КАЛИФОРНИИ
М. Лебедев

22
«ВСЬМА СЕКРЕТНО.
ДЕЛО О ТЮЛЕНЯХ»

Тайное оружие русских в первой мировой войне, так и не нашедшее применения. Знаменитый дрессировщик и военное ведомство, диверсия в секретной лаборатории.

И. Быховский

25
ЛОВЛЯ ВЕТРА
Фантастическая повесть

Промышленный шпион, разыскивающий тайный камень алхимиков, попадает в руки террористов. Повесть продолжает «шпионскую» серию новосибирского писателя.

Г. Прашкевич

45
НИЧТО НЕ НОВО — ТОЛЬКО МЫ
Фантастическая повесть. Окончание
А. Чуманов

52
ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ
Фантастический рассказ
А. Етоев

53
ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

57
ИСКУССТВО ЖИТЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ
Древний город Аркам — загадка архео-
астрономии — упрек нашей нынешней жи-
зни.
Е. Радченко

59
СОЛОВЕЦКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ
ЕСЕНИНУ
Узники СЛОНа пишут стихи на смерть
С. Есенина
З. Мекш

61
МЕСЯЦ СНОВИДЕНИЙ
Ю. Шинкаренко

69
«С НОВЫМ ВИРУСОМ В КЛЕТКАХ...»
Интервью с И. Кормильцевым о «Наути-
лусе»
А. Калужский

72
НАРОДНОЕ ПОГОДОВЕДЕНИЕ
Какую погоду нам предсказывает Луна.
Г. Рыженков

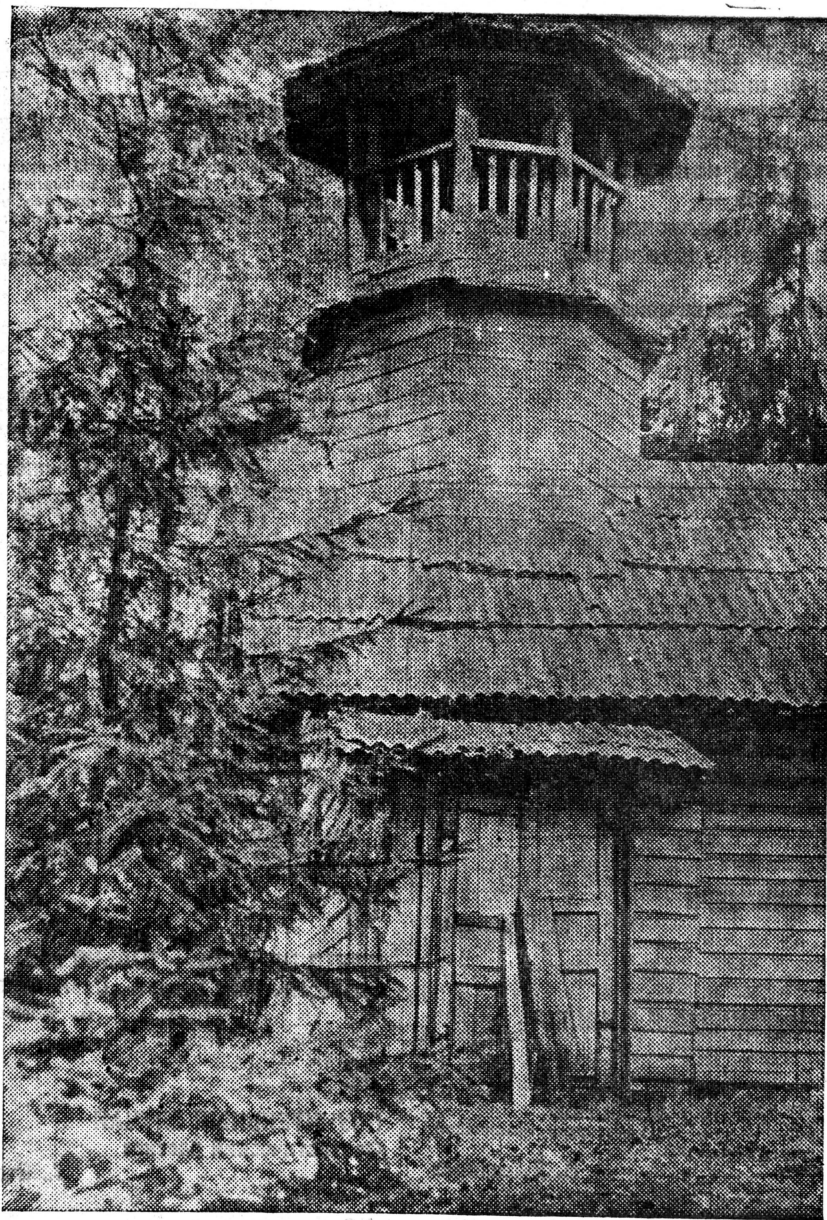
73
НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
Н. Кулешов

73
ЗАЯЦ — НЕ ТРУС!
А. Иглин

74
ОПЕРАЦИЯ ВАН ДЕР БЕКА
Филателистический детектив о земских
марках.
М. Минский

76
ОРУЖИЕ В РУКАХ ЧЕЙЕНОВ
Этнографический очерк об обычаях индей-
цев Северной Америки.
Д. Кононов

уральский
МАРТ 1991
СЛЕДОПЫТ 3

По Кенозеру

ДОМ У ЧАСОВНИ

В село Бухалово я попала не случайно: знала, что в нем и в его окрестностях есть старинные часовни, которые мне хотелось сфотографировать.

Мчит моторка по Кенозеру, а мысли вокруг бытовых вопросов крутятся: дня на три надо устроиться, чтобы задуманное выполнить.

Вот и берег близится, часовня на бугор выпрыгнула, а у часовни, рукой заслоняя от солнца, пожилая женщина за лодкой наблюдает. Рыбак, который согласился меня подвезти до Бухалова, кивнул головой: «Вон, уж тетя Настя встречать вышла...»

Ступила я на берег. И точно — женщина подошла ко мне, поздоровалась, поинтересовалась, откуда я

родом, по каким делам приехала. Говорила она медленно, держалась с достоинством, а глаза светились детским интересом ко всему происходящему.

Мне сразу показалось, что рядом с ней я в полной безопасности. Все беды и несчастья остались позади, а спокойствие и тишина — с нами.

Вступила я в избу — все мне знакомым показалось, будто бывала я здесь уже много-много лет назад и вернулась обратно после долгих странствий. Так состоялась встреча с Анастасией Александровной Богдановой.

Всю ночь мы проболтали, как давние друзья. Она мне свою жизнь рассказывала. Как потеряла одновременно двух малолетних детей (утопили весной в протоке, напротив

дома), а вскоре похоронку получила на мужа...

Выстоять, все пережить и улыбку приветливую сохранить, блеск глаз не замутить, доброту сердечную не растерять!

«Ну, далече шагать будешь? С какой часовни начнешь? А ты в окно посмотри: вон она стоит, напротив... Ключ от часовни у меня висит. Много людей ездит... все часовни смотрят... Значит это очень нужно, что люди к нам издалека едут! Вот на этой часовне, когда ученый приезжал, написали: «18 век. Охраняется государством». А где ж государство все сможет сохранить! Я вот напротив живу и решила за ней приглядывать. Нас целая жизнь связывает, как родные стали. Людей в наших деревнях мало осталось. Вот мы с Матвеевной часовни и прибираем...»

В часовне чистые полы, крахмальные рушники по стенам, сухие травы развешаны, иконки небольшие в подобие иконостаса составлены. Колокол, единственный по кенозерским часовням, начищен до блеска. Крыта часовенка шифером, на окнах сделаны решетчатые ставенки. Смотрится она обихоженой.

«После обеда в Карпову гору можешь сбежать. Там две часовенки стоят. Одна — совсем развалилась: не убергли, а вторую мужики шифером накрыли и замок врезали. Давно там уже деревни нет — все жители разъехались. Мы туда к празднику с Матвеевной бегаем — полы намоем да трав луговых повесим.

А вот знаешь, почему мой дом напротив часовни стоит? Веселый был у меня свекор... Перебрался он из Першлахты сюда еще до революции. Семей обзавелся — решил своим хозяйством жить. Часовня тогда одна на бугре стояла. Священным холмом место называлось. На праздники молодежь со всех окрестных

деревень сюда съезжалась. Тут и гулянки проходили. Вот свекор и решил здесь дом ставить, чтоб перед домом молодежь хороводы водила да песни пела...

...Утром я тебя пораньше разбужу... Дорога до Тыр-Наволока не ближняя, да и поплутать можешь. Тропкой не ходи — это старая дорога, заросла она. Иди по тракторной колее — вернее будет. Часовенка в густой роще стоит, ее, как гриб, разыскивать надо. Мала она. Раньше там развилка дорог была — вот придорожную часовню и поставили.

Да очертя голову не несись! Знаю, как в городах вы носитесь. На гряде поднимаешься — задержись. С эхом поразговаривай: там оно живет. Далее перелесок березовый будет. В это время там гомон птичий стоит — всяк свою песню поет. Вскоре и ели старые увидишь, а в них часовенка.

Знаешь, как ее в темном бору разыскать? Ты как на поле выйдешь — родничок примет. Он по краю леса чистой струйкой льется. В бор свернет, а ты за ним. Он под ель старую нырнет и из-под корней ее опять вынырнет — тут и часовенка тебе явится. Да не торопись обратно бежать: посиди у родничка, водицы его испей».

Через три дня уезжала я из Бухалова — путь мой дальше лежал по Кенозеру.

...Лодка отплывала от берега — вот уже мы и на середине протоки. Четко память зафиксировала картину: небо в облаках, часовенка, холм зеленый, тропинка по нему сбегает, а на ней — тетя Настя, рукой мне машет...

ЖИВИ, ТЫРЫШКИНО

Село стоит на взгорке, а за ним дальними кулисами — острова, лахты, перелески, зеленые луга. Было село раньше большое: до ста домов

смотрело в кенозерскую синь. А теперь уж едва ли и с десяток насчитаешь. Жилых-то три дома осталось. Живут две старушки да ветеран с сыном и внуком.

Стоят в Тырышкине дома с балкончиками, с выточенными баясинами, с резными полотенцами и кружевными наличниками. Заколочены окна, приперты посохами двери: мол, не стучите, нет нас дома!

А под угором в зарослях черемушника, склонившегося над ручьем, поют от зари до зари тырышкинские соловьи. Но рано ложатся спать в деревне, да и гулять в Тырышкине некому. Отдоив коров, справившись по хозяйству, укладываются до завтрашних сует старушки.

Тишина над Кенозером...

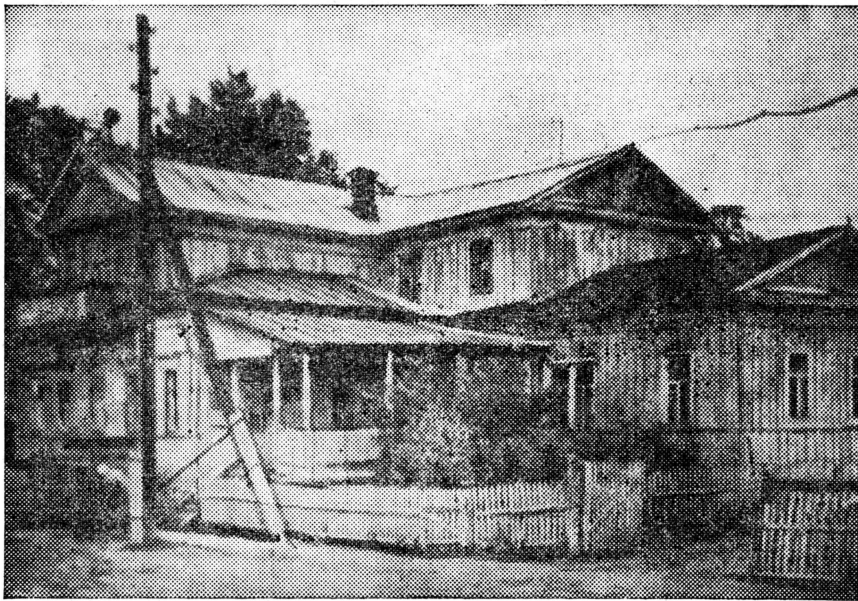
Сидит ветеран на старом срубе. Спокойно раскуривает трубку, вдыхая в темную даль лесов. Тишина... Но вот и он уходит в избу. Скрипнула калитка, замерцал огонек в окошке.

Вот и прошел день! Живи, Тырышкино. Встречай восходы, провожай закаты! Не умирай, не исчезай. Прошу тебя... Очень...

Фото автора

“ИВАКИНСКИЙ КОНТОРЩИК”

Игорь МИЛЛЕР,
краевед

«Одну зиму я прожил во Всеволодо-Вильве, на севере Пермской губернии, в тех местах, которые некогда посетил Чехов». Так писал Борис Пастернак в воспоминаниях «Люди и положения». Они напечатаны в «Новом мире» в 1967 году. Никаких других мемуарных свидетельств он не оставил.

Десять лет спустя пермские журналисты В. Бубнов и Л. Могиленский предположили, что уральской у Пастернака была зима 1916—1917 годов.

Скажу сразу, что старожилы, которые бы помнили здесь такого чиновника военного стола, найти не удалось. Это и понятно. Борис Леонидович был молод, ему исполни-

лось 25. Он опубликовал тогда свой первый поэтический сборник «Близнец в тучах» — с дружеским напутствием тоже молодого Н. Асеева. И жители Всеволодо-Вильвы о литературном даровании чиновника не подозревали.

По впечатлениям недолгой жизни в Прикамье поэт написал целый цикл стихотворений: «Урал впервые», «Рассвет над Камой», «На пароходе», «Ледоход», «Сосны», «Отплытие» и другие. В романе «Доктор Живаго» многие события тоже происходят на Урале.

Во Всеволодо-Вильве, как принято считать, он жил с середины января до лета 1916 года. Сын поэта Евгений Борисович сообщает, что

Летом прошлого года Челябинск принимал участников традиционных, девятых по счету Бирюковских чтений. Особенность нынешней краеведческой конференции, уже давно ставшей по составу участников всесоюзной, в том, что прошла она под знаком памяти писателя и краеведо-подвижника Александра Андреевича Шмакова. Именно он был инициатором и долгие годы душой Бирюковских чтений. Неслучайно несколько краеведов посвятили ему свои доклады и сообщения.

Девятые чтения собрали около 120 участников. Кроме уральских краеведов, историков, архивистов, приехали их коллеги из Москвы и Ленинграда, Воронежа и Кирова, Алма-Аты и Лесосибирска, Уральска и Тюмени. На пяти секциях было прочитано более 100 докладов и сообщений.

На заключительном пленарном заседании стал известен 33-й лауреат Чтений, посвященных известному уральскому краеведу. Это бывший учитель истории, организатор общественного музея в пос. Чесма (Челябинская обл.) Андрей Николаевич Беликов. Ему вручена памятная Бирюковская медаль.

Мы предлагаем вниманию читателя несколько сообщений, прозвучавших на краеведческой конференции в Челябинске.

сюда отец прибыл по приглашению инженера завода Бориса Збарского, московского знакомого Пастернака. Поселился в так называемом «морозовском» доме, том самом, где некогда обитал А. П. Чехов.

Это было время первой мировой. Семьи провожали на войну своих кормильцев. А Пастернак имел право освобождать от воинской повинности рабочих химических заводов, каковыми были Всеволодо-Вильвенский и Ивакинский заводы — они работали на оборону. Надо думать, что освобождал он от рекрутчины охотно.

Непосредственно здешним местам посвящены стихотворения «Ивака» и «Станция». Первое живописует небольшую горную речку, впадающую в Вильву. На ней в то время стоял построенный Всеволожскими завод и поселок при нем. Известный миллионер и меценат Савва Морозов перестроил завод в химический, и он действовал до Великой Отечественной войны. В звучании этого стиха мы явственно слышим ликование солнечного утра, видим «стеклярус» росынок, еще не осыпавшихся «сереежек аметистовых и шишек из сапфира».

Второе стихотворение написано в 1919 году. В нем отражены воспоминания поэта о хлебосольной станции Копи недалеко от города Александровска.

В те времена станция утопала в зелени. Вековые деревья складывались через заборы. На перронах всегда было свежо, «будто только от колодца». Пастернак вспоминает «клинья столетних елей», «реки и клькы ушей». Но однажды память подвела поэта. Он упоминает туннель, который «висел» на ушедшем поезде. А вблизи станции Копи туннеля никогда не было. Ближай-

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТАТИЩЕВА

**Александр
САВЧЕНКО,
действительный член
Географического
общества СССР**

шие — значительно южнее, между Усвой и Чусовой. Может быть, это у поэта метафора: когда поезд уходит, втягиваясь в зеленые куши деревьев, кажется, что он уходит в туннель...

Стихотворение завершается гимном каменному углю — местному богатству. В начале века уголь был главным грузом на станции Копи. Он поступал сюда из Луньевки, где с 1807 по 1951 год велась его добыча. Но в самом Александровске копей никогда не было и нет. И у всех приезжающих возникает вопрос: почему город — Александровск, а станция — Копи? По-своему отразился он и у Бориса Пастернака:

*Этой станции меж гор
Не к лицу название Копи.*

Пермский поэт Владимир Радкевич (1927—1987) написал стихи, посвятив их уральской зиме Пастернака. Радкевич изобразил ту среду, которой сторонился поэт, и противопоставил ей скромного конторщика.

*В Москве эстрада рожки корчит,
Рожая «гениев» на свет,
А он — ивакинский конторщик —
Почти неведом как поэт.*

И далее автор передает черты, характерные для творчества молодого Пастернака:

*Ты сам и критик свой, и автор,
Твори, ораторствуй, гвозди!
И как обилие метафор,
На горы горы громозди!*

На снимке: «морозовский» дом, в котором жил Б. Л. Пастернак. Из архива автора. Публикуется впервые.

г. Александровск Пермской обл.

лели даже в самые лихие годы повальных переименований. А такие города, как Троицк, Златоуст, Челябинск, привлекали нежелательное внимание ретивых конъюнктурщиков.

3 августа 1989 года «Вечерний Челябинск» поместил заметку краеведа и журналиста Э. Подтяжкина, где описывалась «инициатива» челябинских тракторостроителей, предложивших в 1931 году переименовать Челябинск, присвоив ему имя «Коба» (одна из партийных кличек «великого вождя и учителя»). «Инициатива снизу» была поддержана соответствующим решением Челябинского горисполкома, но дальнейших последствий это, однако, не имело — город остался Челябинском.

Двумя годами раньше аналогичная история произошла в Златоусте. Существует официальное издание, заглавие которого говорит само за себя: «Перспективные наметки индустриального развития Сталинского (б. Златоустовского) округа на Урале» (Златоуст, 1930). В этой брошюре напечатан документ следующего содержания (приводим его полностью):

«Выписка из протокола №3 торжественного заседания Пленума Златоустовского Окрисполкома совместно с членами Горсовета, рабочих Златоустовских заводов и общественных организаций города и округа 21 декабря 1929 года.

Слушали: Ходатайство Златоустовского Горсовета, рабочих заводов и крестьян округа о переименовании города Златоуста.

Постановили: Учитывая желание рабочих Златоустовских заводов и трудящихся округа о переименовании города Златоуста, название которого связано с религиозным дурманом («Иван Златоуст»), — ходатайство Златоустовского Горсовета и рабочих поддержать и в ознаменование пятидесятилетнего юбилея со дня рождения вождя и руководителя Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и Коминтерна тов. Сталина И. В. переименовать гор. Златоуст в город Сталинск (на Урале) и округ — Сталинский (на Урале).

Просить Уралоблсполком и ВЦИК РСФСР об утверждении данного постановления.

Председатель Златоустовского Округного исполнительного комитета

Галкин
Отв. Секретарь Окрисполкома

Тозиков»
Такова история. Кстати, в номере «Правды» от 24 декабря 1929 года была опубликована краткая информация о переименовании Златоуста. Но, слава богу, и Златоуст остался Златоустом.

г. Челябинск

Большие открытия можно делать и за письменным столом. Например, мятежный князь-географ Петр Кропоткин предсказал новые земли в океане, не посетив для этого Арктику...

Выйдя на пенсию, доцент Горного института Виктор Бауман стал чаще бывать в отделе редких книг библиотеки учебного заведения. Его интересовала коллекция книг из личной библиотеки Татищева, а точнее «Всемирный атлас», изданный в городе Амстердаме в 1567 году. Как он попал в библиотеку? Василий Никитич Татищев, государственный деятель, историк, переводчик, был в свое время также управляющим казенными горными заводами на Урале и основал Екатеринбург. В 1737 году он передал в дар тамошней горнозаводской школе 269 книг из своей личной библиотеки. А екатеринбургский бергамт в 1774 году передал книги Горному институту.

Какая же это находка, скажете вы, если известно, что книга из татищевской коллекции? Дело в том, что во «Всемирном атласе» был утерян титульный лист и вместе с ним монограмма Татищева. Поэтому атлас не отнесли к его коллекциям. Но почерк заметок на полях оказался татищевским.

Напечатаны карты на плотной бумаге, наиболее изношенные подклеены на ткань, в медальонах — панорамы средневековых городов и надменные лица вельмож. Широты и долготы на некоторых вынесены за рамку, но даны «картушки» — розы ветров для ориентации.

Именно образцом карт, изданных в Амстердаме, видимо, пользовался Татищев при составлении атласа «Книга размерная градусных карт».

г. Ленинград

ИМЕНИ СТАЛИНА...

**Борис УТКИН,
библиограф**

Процесс возвращения старых, исторических названий городам страны, переименованным в годы сталинщины и застоя, затронул и Уральский регион. Исчезли с карты Молотов, Чкалов, Устинов, уступив место освященным вековой историей названиям — Пермь, Оренбург, Ижевск.

К счастью, в Челябинской области старинные названия городов, горных заводов и других поселений уце-

«БУХАРИНЕЦ» Бессонов

Виктор ДУБЛЕННЫХ,
ст. преподаватель УПИ

В экспозиции музея Уральского политехнического института привлекла мое внимание плохая копия с фотографии и скудная аннотация к ней. «С. А. Бессонов — ректор 1924—1927 гг.». Мелькнула мысль: не тот ли, что проходил по «делу Бухарина»?

Открываю «Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока, рассмотренному Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 2—13 марта 1938 г.». 21 подсудимому были инкриминированы действия с целью ликвидации общественного и государственного строя, реставрации капитализма путем шпионажа, диверсионной, вредительской и террористической деятельности.

В списке обвиняемых С. А. Бессонов стоит одиннадцатым, а допрос подсудимых на суде начался именно с него:

«Председательствующий. Подсудимый Бессонов, вы подтверждаете показания, которые были на предварительном следствии?»

Бессонов. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Бессонов, сообщите суду коротко, в нескольких словах, биографию.

Бессонов. Я родился в 1892 году в городе Киржаче Владимирской губернии. Учился во Владимирском духовном училище, в духовной семинарии, затем был направлен за границу.

Вышинский. Кем вы были отправлены за границу?

Бессонов. Московским меценатом Шаховым в 1912 году. Затем я вернулся в Россию, чтобы получить диплом. Был выслан в Вологодскую губернию вследствие того, что принимал участие в эсеровской организации.

Вышинский. Вы вступили в эсеровскую партию в 1912 году?

Бессонов. Да... В августе 1918 года я порвал с эсерами и в октябре 1918 года об этом заявил официально...

Вышинский. Когда вы вступили в Коммунистическую партию?

Бессонов. В 1920 году, в мае месяце...»

О работе Бессопова на Урале в стенографическом отделе никакого намека нет.

В фондах музея УПИ, в рукописи одного из первых студентов А. А. Борецкого обнаружил список преподавателей, пострадавших в годы репрессий. Первой в нем стояла фамилия Бессопова. Окунул в архивные документы отдела кадров института. Однако эти усилия оказались безуспешными.

Может быть, что-то сохранилось в УрГУ? Именно здесь начинал Бессонов работу на Урале. Но и в архиве госуниверситета о Бессопова тоже ни единого документа.

Зато кое-что удалось найти в Государственном архиве Свердловской области. В материалах студенческой секции сказано, что 8 декабря 1924 года на общем собрании студентов избрано новое правление университета во главе с ректором Бессоновым. 10 декабря Бессонов избран ректором на общем собрании профессорско-преподавательского состава. А еще один документ сообщил, что новый состав правления УрГУ во главе с ректором Сергеем Алексеевичем Бессоновым (полностью названы фамилия, имя, отчество) согласно приказу Уполномоченного вступил в исполнение обязанностей.

И все же биографических данных найти не удалось. Оставалась, правда, надежда на партархив. «Его данных у нас не может быть, — ответили мне, — ректор института — это хозяйственник, а не партийный деятель». — «Тогда поищите личное дело, он же был коммунистом».

Личного дела не нашли.

Снова обращаюсь к рукописи А. А. Борецкого: «Из новых профессоров УрГУ особо выделялся С. А. Бессонов. Он, окончив Институт красной профессуры, получил двухгодичную наградную командировку в Германию, Францию, Англию. В Англии работал над докторской диссертацией. После окончания командировки получил назначение к нам...»

Уральский политехнический как самостоятельный вуз начал свою жизнь с приказа № 123 от 6 мая 1925 года, под которым стоит подпись Бессопова.

«С его приходом в УПИ, — продолжает А. А. Борецкий, — институт стали посещать иностранные рабочие делегации. Для них устраивались встречи с преподавателями и студентами, говорил на европейских языках и выступал в качестве переводчика Сергей Алексеевич».

Работу в УПИ Бессонов начал заведующим кафедрой общественных наук (читал курс «Капитализм и пролетарская революция»), был деканом рабфака, возглавлял редакционный комитет им же созданного научно-технического альманаха «Известия Уральского политехнического института». Кроме того, возглавлял предметную комиссию общественных наук на Урале и одновременно заведовал кафедрой экономики Комвуза в Свердловске.

В 1923—1929 годах в стране разгорелась острая дискуссия о сущности переходного периода — путях развития советской экономики. В ней участвовали видные деятели Н. Бухарин, А. Кон, И. Рубин, А. Богданов, Н. Сквор-

цов-Степанов, Я. Берзтыс и другие. С. А. Бессонов выступает лидером одного из направлений — «механистов». Именно тогда печатаются работы Бессонова-экономиста: в «Уралкниге» выходит монография «Современная Англия», в издательстве «Московский рабочий» — книга «Развитие машин». В 1929 году в первом номере журнала «Проблемы экономики» печатается фундаментальная работа Бессонова по политической экономии.

«В памяти студентов УПИ 20-х годов ректор — С. А. Бессонов остался воплощением редких талантов, — писал другой выпускник вуза В. В. Константинов. — Все притягивало к нему молодежь — тончайший ум дипломата, широкая эрудиция, гражданская убежденность. И все качества в превосходной степени. Но самым удивительным его даром был талант оратора».

В партийном архиве удалось-таки обнаружить учетную карточку члена РКП № 527. Черными чернилами заполнены данные: фамилия, имя, отчество — Бессонов Сергей Алексеевич. Год рождения — 1892. Национальность — великоросс. Социальное происхождение — из семьи рабочего-ремесленника. Социальное положение — интеллигент. Основная профессия — преподаватель. Образование общее — Институт красной профессуры. Образование политическое — нет. Состоял ли в других партиях — эсеров по 1918 г. Партстаж — 1920 г. Партийный билет № 24936. Домашний адрес — Коробковская, 1. Место работы — Урал-университет — УПИ. Занимаемая должность — ректор. С какого времени — 20 декабря 1924 г.

Итак, ректор УПИ и член «бухаринского процесса» — одно и то же лицо. А какова же судьба Бессонова после суда?

Однажды, просматривая вузовские учебники, обнаружил в качестве одного из авторов С. А. Бессонова. Неужели тот самый? Неужели выжил? Хотя известно, что оставить живого свидетеля по столь шумешемому во всем мире процессу не могли. И точно: автор учебника оказался однофамильцем.

А в журнале «Звезда» (1989) мне попали на глаза воспоминания Сурэна Газаряна. Наконец-то я прочитал рассказ о ректоре УПИ, прошедшем вне круга сталинского ада. Автору очерка пришлось провести вместе с Бессоновым долгие месяцы в одной камере на Соловках. Сразу же написал в Тбилисский горком партии с просьбой сообщить координаты известного в городе С. Газаряна. Такое же письмо послал в редакцию журнала «Звезда». Но, очевидно, в связи с апрельскими событиями в Тбилиси, письмо затерялось. А из редакции очень быстро пришел ответ: «К сожалению, помочь не можем — С. Газарян не дождался опубликования своих воспоминаний. Адресом родственников С. А. Бессонова не располагаем...»

В пятом номере «Известий ЦК КПСС» появились краткие биографии тех, кто проходил по «бухаринскому процессу». По данным Комиссии ЦК Сергей Алексеевич состоял в партии эсеров в 1911 году. В 1912-м в Швейцарии он вступил в Международную организацию социалистической молодежи. По возвращении в Россию был арестован и выслан в Вологду. В 1915—1917 годах служил в армии, после февраля 1917 г. избран председателем полкового Совета. В 1917—1918 годах — член исполкома Вологодского губсовета и эсеровского губкома. В 1919 году вступил добровольцем в Красную Армию.

Еще в начале 1926 года Наркомпрос решил отозвать Бессонова с Урала в Москву, но секретарь Уралобкома ВКП(б) Д. Е. Сулимов воспротивился: «Придавая серьезное значение высшей технической школе на Урале, мы не можем согласиться на уход тов. Бессонова до того времени, пока Уральский политехнический институт не станет совершенно на ноги».

Бессонов в это время часто ездит в Москву: в СНК, в Наркомпрос, в различные наркоматы, выбивая деньги для свердловского вуза. Больше всего беспокоила материяльная база — лаборатории, кафедры, учебные классы. Сергею Алексеевичу удалось сделать многое.

Член коллегии Наркомпроса А. Я. Вышинский — тот самый, что на процессе допрашивал и судил Бессонова — хорошо знал его еще по наркомату просвещения. Будучи в Свердловске в феврале 1929 года, он согласился, что «основной минус УПИ — недостаток помещений и оборудования, поэтому постройка нового здания — вопрос назревший...»

Самому Сергею Алексеевичу не удалось осуществить все замыслы, но главный учебный корпус УПИ — это его заслуга.

В 1927 году Бессонова все-таки отозвали в распоряжение Наркомпроса и направили работать в Институт красной профессуры. Затем началась дипломатическая карьера. По предложению Н. Н. Крестинского был послан в Англию, затем — в Германию в качестве советника Полпредства СССР.

В феврале 1937 года он получил телеграмму со срочным вызовом в Москву и 28 февраля, ступив на московскую землю, тут же был арестован.

«Я не подозревал никакого подвоха, — пересказывает С. Газарян объяснения С. А. Бессонова. — Но, поверьте, если бы я знал, что меня вызывают в Москву для того, чтобы арестовать, все равно приехал бы».

Пять с половиной месяцев продолжалось «следствие». «Перед процессом, — рассказывал ветеран партии Н. К. Илюхин, сидевший в одной камере с Сергеем Алексеевичем в Бутырской тюрьме, — Бессонова семнадцать суток заставляли стоять, не давая спать и садиться. Потом стали методически избивать, отбили почки и превратили здорового, крепкого человека в изможденного инвалида. Предупредили, что пытать будут и после суда, если откажется от показаний». Сергей Алексеевич «согласился» дать «чистосердечные» показания.

«Приговор суда моей Родины я безропотно приму», — это были последние слова С. А. Бессонова на суде.

13 марта 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила «Бессонова Сергея Алексеевича, как не принимавшего прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий, — к тюремному заключению сроком на 15 лет с поражением в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего личного имущества».

Сразу же была арестована жена С. А. Бессонова Антонина Дмитриевна.

С. Газарян отмечает, что в камере «Бессонов оказался самым инициативным человеком. Он предложил не тратить время даром, а заняться полезным делом и приступить к изучению немецкого языка, сказал, что возьмется за руководство занятиями. Все согласились. Мы быстро научились говорить, читать и писать по-немецки, не зная правил грамматики...»

В связи с эвакуацией Соловецкой тюрьмы 17 ноября 1939 года Бессонова вместе с другими заключенными посадили на пароход. Вместе с ними ехали и репрессированные члены Германской Коммунистической партии, эмигрировавшие в Советский Союз. Среди них С. А. Бессонов встретил знакомого — секретаря Эрнста Тельмана — Гирша. На станции Кемь их поместили в состав «стольпинских» вагонов и привезли в орловскую тюрьму.

Антонина Дмитриевна, жена Бессонова, будучи в лагере, получила посылку от своей матери и в двойном дне коробки из-под конфет обнаружила письмо Сергея Алексеевича. «Напрасно я пишу по всем разрешенным мне адресам и спрашиваю, где Тоня. Ни от кого не получаю ответа. В настоящее время я лежу в больнице орловской тюрьмы с очень северным плевритом. Ваш несчастный муж и отец».

8 сентября 1941 года его заочно приговорили к расстрелу.

Фото из музея
Уральского политехнического института

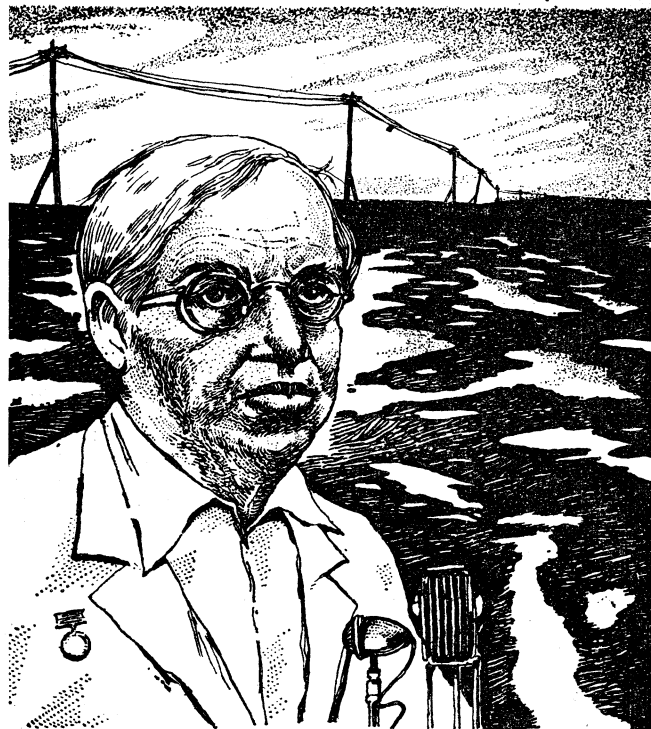
ВЫХОД В ЭФИР

Рассказ

**Алексей
ВАРЛАМОВ**

*Рисунки
Сергея Григорькина*

Род Голубятниковых принадлежал к одному из самых древних шаровских родов, только едва ли Дмитрий Иванович Голубятников об этом знал, хотя всю жизнь в Шаровске прожил и ни разу, за вычетом трех лет службы в армии, из города не уезжал. Предки Голубятникова держали небольшой маслобойный завод, и их масла и сыры, не столь известные, как вологодские или костромские, имели устойчивую славу в южноуральской степи, где среди озер возник в семнадцатом веке форпост России город Шаровск. Род был немногочисленный, славился своей незаметностью, трудолюбием и редким послушанием властям: никогда ни в какой смуте Голубятниковы замечены не были. В восемнадцатом веке они не примкнули к захватившим город бандам Пугачева, за что трое поплатились жизнью; были равнодушны ко всем новомодным поветриям, верно служили государю-императору, не дали Отечеству ни великих

людей, ни великих смутьянов, жили смиренно и тихо, и разлад в существование рода внес лишь семнадцатый и последовавшие за ним годы, когда стало неясно, какой власти надобно теперь служить.

Шаровск захватывали то красные, то белые, Голубятниковы гибли и от тех, и от других, и к тому времени, когда укоренилась в государстве новая власть, из всего рода остался один шестидесятилетний Иван Фокич Голубятников, потерявший братьев, сыновей и дочь, растерявший все свое богатство, выселенный из просторного родового дома и в довершение ко всему лишенный избирательного права, что более всего угнетало несчастного старика. Однако не смея роптать ни на новую власть, ни на Бога, давшего эту власть и ею разоренного, Голубятников смиренно просил о том, чтобы на старости лет у него родился сын и не дал угаснуть роду. Жена, пятидесятилетняя Марфа Никитична, его отменно ругала и позорила, звала кобелем, но, помолившись, неуступчивый старик делал свое дело, и в тридцать третьем году Марфа Никитична затяжелела. Она стыдилась выйти на улицу и показаться людям, но время пошло такое, что ничем уже никого удивить было невозможно.

В ноябре Марфа Никитична почувствовала, что пристало ей рожать. Иван Фокич побежал за доктором, но был канун октябрьской годовщины, гололед, старик расшибся и всю ночь пролежал без сознания. Только наутро его принесли в дом и обнаружили, что Марфа Никитична родила, лежит без сил, а подле нее благозвучно орет красный младенец с вызывающим родимым пятном на ягодице. Кинулись помогать всем троим: и младенцу, и роженице, и старика, но Иван Фокич лишь ненадолго к вечеру очнулся, ему поднесли к лицу ребенка, однако по замутненным глазам старика не было никакой возможности прочесть, увидал ли он, что просьба его

к Небу услышана. В ту же ночь он скончался. Опасались также за здоровье Марфы Никитичны, но она на удивление всем скоро выздоровела и впоследствии рассказывала бывшей монахини шаровского Успенского монастыря старухе Солдатовой, что уже ангел повел ее за мужем, но она упросила Божьего посланника дать ей ровно столько лет, сколько требуется, чтобы поставить дите на ноги. Бывшая монахиня — женщина весьма трезвая и разумная — отнеслась к рассказу Марфы Никитичны с недоверием и положила, что у той помешался от несчастья рассудок, но Марфа Никитична была здорова и полна сил.

Поначалу мать не знала, как будет одна поднимать ребенка, но, верно, было что-то счастливое в его судьбе, вскоре все образовалось: Марфа Никитична сумела найти себе работу, что было по тем временам нелегко, а ребенок, названный Дмитрием в честь Дмитровской родительской субботы, рос поголубятниковски смиренным, не орал, не болел, хоро-

вернулся домой, Марфа Никитична почувствовала, что время ее кончилось. Она перекрестила своего последыша, попрощалась с ним и рано легла спать. Наутро он нашел ее холодной, с покойным и благостным выражением лица.

Похоронив мать, молодой человек впал в какую-то странную задумчивость, несколько дней он не выходил из комнаты, ничего не ел и не отвечал на расспросы соседей из-за двери, пока те силой ее не взломали и не растолкали его, лежащего в оцепенении на материнской кровати. Ухаживали за ним по очереди старуха Солдатова, шофер Александр Александрович Митрофанов, его замотанная вечно, чем-то недовольная жена тетя Варя, а больше всех — ровесница и подруга во всех его детских играх Олечка Лузгина, тихая, добрая дочка учителя гимназии, исчезнувшего из города в глухую декабрьскую ночь тридцать четвертого года.

Дмитрий Иванович вскоре снова растолстел, стал как прежде походить на упитанного теленочка с

шо спал ночами и по нужде с малых лет просился на горшок. Когда мальчик немного подрос, он быстро выучился читать, проводил много времени в уединении, о чем-то разговаривая сам с собой, подкармливал тайком от матери ободранных шаровских кошек и голубей, и был похож на маленького херувима — кудрявый, золотистый, упитанный. Нежданную Марфину радость, награду за потерю троих детей, огорчало только то, что не вместе с нею радуется Иван Фокич.

Мать и сын прожили в одной комнате восемнадцать лет, пережили войну, пережили голод, а потом, в тот день, когда совершеннолетний Дмитрий Иванович, по счастью никогда не знавший слова «лишнее», отправился голосовать и, осуществив первейшее право и долг верноподданства, благополучно

крупными, влажными губами, еще мягче и добрее стало его лицо и не претерпевало с тех пор почти никаких изменений, но никому он так и не открыл своей души, жил незаметно и нелюдимо. Вернувшись в пятьдесят четвертом году из армии, он устроился работать на молокозаводе, сделав это отнюдь не сознательно (о своем прошлом Дмитрий Иванович по понятным причинам знал немного), а скорее повинувшись родовому инстинкту, велевшему всем Голубятниковым служить властям, но держаться подальше от власти и заниматься каким-нибудь сугубо мирным и полезным делом, необходимым для всех людей без исключения. Так бы и прошла его жизнь в сытости и негрешном довольстве, когда бы сам Шаровск однажды не претерпел весьма значительных изменений.

В пятьдесят восьмом году в Шаровске начали строить огромный завод минеральных удобрений. Стройку объявили ударной комсомольской, и по осени в городок приехало сотни три молодых и энергичных мужчин и женщины, которые споро взялись за дело. Добровольцы поселились в большом палаточном городке, и этот городок, как магнит, притягивал шаровскую молодежь, которая оставляла заготконторы, мелкие мастерские, пекарни, магазины, близлежащие колхозы и совхозы и всеми правдами и неправдами бежала под знамена светлого будущего. А стройка, как резиновый мешок, поглощала и требовала еще и еще рабочих рук. Голубятников долго держался, но в конце концов угодил на строительство и он, хотя это решение далось не без непонятной ему самому внутренней борьбы.

Сперва он был простым рабочим, но через полгода жизнь его изменилась куда более круто. Голубятников познакомился случайно с молодой женщиной Жанной Стародубцевой, чьи глаза горели таким же сумасбродным огнем, как у всех строителей, но именно в этих глазах молодой человек почувствовал сердцем какую-то болезненную пустоту и потянулся к женщине. Она отнеслась к его неуклюжим знакам внимания благосклонно, хоть была не ровня ему, работала в комсомольско-оперативном штабе строительства, и через некоторое время устроила приглянувшегося ей юношу к себе на расплывчатую должность замзавсектора по оргвопросам. Голубятников и Жанна ходили целыми днями по стройке, пробирались через рытвины и завалы, взбирались на леса, и Жанна сорванным, хриплым голосом рассказывала ему, что очень скоро пыльный провинциальный город станет индустриальным центром, их именами назовут улицы, а в огромных стеклянных колбах будут переливаться и отсвечивать всеми цветами радуги минеральные удобрения. Горели ее глаза, вздрагивало и волновалось худое, гибкое тело, и в сердце Голубятникова укреплялась нежность к ее походке, к поношенному комбинезону, к мятым шароварам с пузырями на коленях, жалость сродни той, что он испытывал в детстве к ободранным кошкам. Как голодную кошку, он привел ее в свой дом к неудовольствию супругов Митрофановых и огорчению Олечки Лузгиной. Лишь старуха Солдатова, оглядев избранницу своего крестника, изрекла, что долго та здесь не задержится.

— Да уж подольше твоего! — ответила Жанна, имея в виду преклонный возраст бывшей монахини.

Однако домашней жизнь молодоженов назвать было никак нельзя. До полуночи штабисты сидели в своем вагончике, срывали глотки и спорили о том, как назвать новые улицы, когда отменят деньги, как помочь борющемуся Алжиру, как строить новые города на Венере, сколько лет будет жить человек в будущем и станет ли он бессмертным, научатся ли люди летать без летательных аппаратов и когда победит пролетариат Америки. Потом, всласть наговорившись, срывались и шли смотреть на продутую леденящими степными ветрами ночь, где при свете костров мускулистые мужчины и женщины откидывали лопатами землю и бегали туда-сюда с носилками.

— Боже мой, как нам будут завидовать наши дети, которые ничего этого не застанут, — говорила

лирическая Жанна, опираясь на Голубятникова.

Впрочем, каких наших детей она имела в виду, было неясно, своих же у них не было и быть не могло. Приходя домой, Жанна падала без сил, и Голубятникову казалось неудобным ее беспокоить. Он уходил в соседнюю комнату к Олечке Лузгиной и рассказывал ей про аврал и счастливое будущее, а Олечка штопала ему носки и рубашки, и все было в этой комнате мягким и удобным: старинный диван, Олечкины полные ноги и груди, чистая клеенка и мягкий свет дворянской люстры, уцелевшей с гимназических времен. Дмитрий Иванович солидно ел борщ и говорил Оле, что она не имеет права работать прачкой, что должна идти трудиться на завод, учиться в институте, он осуждал ее за обывательство и мещанство, за пристрастие к уюту и вышитым на подушках узорам. Олечка слушала его с уважением и испугом, и потом, когда Голубятников уходил, учительская дочка доставала из сундучка учебники и, всхлипывая, их читала.

Через три года завод построили, торжественно открыли, комсомолцы, как-то незаметно ставшие еще моложе, с гитарами ринулись дальше за Урал перекрывать могучие сибирские реки, а на их место привезли угрюмых работяг, собранных со всех городов и весей державы. Работяги пьянствовали, матерились, резались в карты и в ножички, и в городе зароптали от того, что стало нехорошо гулять вечерами, а в бане появились вши и начали пропадать шайки.

— Это все временные трудности, — сказала Жанна брюзжащим Митрофановым. — Это сырой человеческий материал... Но они обязательно переменятся.

Супруги отвечали что-то нелюбезное, а Жанна потащила Голубятникова за собою в недавно выстроенный временный барак и стала убеждать несимпатичных обитателей длинного жилища в том, что им не должны быть нужны ни водка, ни карты, потому что скоро в городе будет своя филармония, свой дворец спорта, своя опера...

— А свои вши тоже будут? — насмешливо спросил кто-то из темного угла, где и висели пеленки.

— Товарищи, товарищи, ну дорогие мои, хорошие, — звонко ответила Жанна, — как же вам не стыдно! Мы живем в такое время, мы должны быть выше этого.

— Выше вшей не залезешь, — сказал тот же голос, и все грубо захохотали плоской шутке.

Голубятникову стало нехорошо от того, что люди не умели видеть и понимать друг друга, и когда Жанна выдохлась, а в бараке наступило недоброе затишье, готовое вот-вот взорваться истерикой и матерной руганью, — Дмитрий Иванович неожиданно для самого себя заговорил. Он говорил те же слова, что говорила Жанна, про филармонию и дворец спорта, про потребность и счастье трудиться, про то, что очень скоро настанет совсем иная жизнь, но говорил это, согревая нежностью каждое слово и обращаясь не к массе, но к каждому человеку по отдельности, видя их лица, мужские, женские, детские, молодые и старые, пьяные, трезвые, неверчивые, злые, и в бараке стало тихо, но совсем иначе, его слушали, и Голубятников, сам пугаясь и мягкости, и очарования своего голоса, говорил с таким чувством, будто за ним следили, как за футболистом Стрель-

цовым, бежавшим в прорыве к чужим воротам.

Когда он остановился, чья-то рука поднесла ему стакан, и изменившийся голос из темного угла сказал:

— Ты это, слышь, приходи, только без бабы.

Голубятников оставался задумчивым несколько дней после этой встречи и почти ни с кем не разговаривал. Потом его жизнь вернулась в прежнюю колею.

Завод работал с перебоями, то не было сырья, то вагонов, ломалось оборудование, «сырой материал» и не думал улучшаться, но исправно размножался, так что не хватало мест в детских садах, поликлиниках и школах, о городе больше не писали в больших газетах, и оставшаяся одна без веселой, перекати-поле братии Жанна заскучала. Днем она еще находила в себе силы ругаться с мешанами Митрофановыми и осуждать крепкую и ироничную старуху Солдатову за отжившие свой век религиозные предрассудки, но лунными ночами Жанне плохо спалось, она плакала и говорила о новых рубежах, а потом внезапно уехала, торопливо чмокнув Голубятникова в щеку, как чмокала всегда, уходя на работу.

К тому времени оргсектор при комсомольском штабе строительства ликвидировали, и потускневший от переживаний Дмитрий Иванович некоторое время болтался в заводууправлении без дела, поскольку ни к чему серьезному пригоден не был, но числился худо-бедно номенклатурным работником, и отправить его просто в цех было нельзя. В конце концов ему предложили временно поработать диктором в местном радиоузле.

Заводской радиоузел находился в маленькой кособокой комнатке с протекающим потолком и работал без всякого расписания, когда бывала нужда сделать объявление или радисту взбрело в голову поставить песни композитора Пахмутовой. На расхлябанный динамик, из которого время от времени лилось «забота наша простая...», никто не обращал внимания, до тех пор, пока однажды сумрачным осенним полднем голос Голубятникова не начал зачитывать сводку по итогам соцсоревнования. Дмитрий Иванович говорил какую-то сущую ерунду, читал цифры, поздравления бригаде Парамонова и порицание бригаде Ильинского, но голос, его полный, проникновенный голос, чистой струей пролился в задымленные цеха. Все, кто были в этот момент в цехах, невольно подняли головы и недоуменно прислушались, а потом на их землистых безжизненных лицах засветилась тихая улыбка, бывающая только у детей, над которыми поет колыбельные песни мать. И точно такие же материнские чувства испытывал в этот момент Голубятников, еще более сильные и проникновенные, чем тогда в бараке, трено в эфир выходил не только его голос, но вся его душа. Так Дмитрий Иванович Голубятников сделал важнейшее открытие своей жизни: его голос, безотчетливо к тому, о чем он вешал, обладал целительным воздействием на людей.

После передачи, незаметно выскользнув с завода, Голубятников долго бродил по улицам Шаровска и задирал голову к мутному небу ноябрьских сумерек, в которых он видел звезды.

С этого дня Дмитрий Иванович каждый день

приходил в радиоузел и зачитывал небольшую передачу, которую сам любовно составлял по рекомендации парткома, где быстро оценили способности нового диктора. Прежде чем начать читать, он проговаривал программу про себя, пробуя на вкус и мелодичность каждое слово и имя, добиваясь того, что обыкновенные политические новости звучали из его уст, как симфония. И люди в цехах, прежде скучно жевавшие во время обеденного перерыва бутерброды, радовались теперь каждой новой стройке, новому полету в космос, победе левых сил в Гондурасе, успеху шоферов шаровской автобазы, переживали за события в Чехословакии и войну во Вьетнаме, осуждали бракоделов из пятого цеха, ревизионистскую политику итальянской компартии и писателя Солженицына, тянули руку дружбы газовикам Самотлора и строителям БАМа, где пела в это время новые песни неверная Жанна.

Слышишь время гудит — БАМ!

На просторах речных — БАМ!

И большая тайга покоряется нам...

И теперь рабочие знали, что они тоже делают большую и нужную всей стране работу, что они только часть громадного мира, напрягающего все свои силы в борьбе за правое дело.

Дмитрия Ивановича узнал и полюбил весь город. Когда он шел по улице к заводу, немного располневший и неторопливый, с нежными, во все влюбленными глазами, женщины кланялись ему, как попу, с ним здоровались за руку, почитая это за честь, передовики производства и инженеры, водили дружбу отцы города и выпивали пива рабочие вредных цехов, но тени самодовольства или тщеславия не увидел бы тайный недоброжелатель на лице шаровского диктора. Несколько раз его пытались сманить в область, обещали хорошую квартиру, повышение, серьезную работу в эфире, намекали на возможность со временем перебраться в Москву на большое радио, но Дмитрий Иванович деликатно и твердо от всего отказывался и ни на что не соглашался променять милую его сердцу комнатку в коммунальной квартире.

Он жил в этой квартире со своей семьей — законной супругой Ольгой Евгеньевной и сыном Иваном. Ольга Евгеньевна, когда-то вившая советам молодого штабиста, закончила заочно химико-технологический институт и работала инженером в цехе на производстве азотных удобрений. Они жили тихо и мирно и не могли нарадоваться на своего послушного сына, как две капли воды похожего на отца в детстве — такого же херувимчика с влажными губами и светлыми кудрявыми волосами. Были у них будни и были праздники. В будни ходили вместе на завод, покупали в магазине картошку, крупы, хлеб, мутно-розовую колбасу, маргарин и консервы. А в праздники Ольга Евгеньевна затевала стряпню, первого мая и седьмого ноября — в день рождения Дмитрия Ивановича — в колонне рабочих шли на демонстрацию и проходили мимо трибуны с отцами города и воздевшего десницу Ильича, принимали гостей; отмечали также все религиозные праздники вместе со старухой Солдатовой. Но самым большим праздником в семье, выпадавшим не каждый год, — был день выборов, когда вместе с Иваном, с утра, в лучших своих костюмах Дмитрий Иванович и Оль-

га Евгеньевна шли опускать бюллетень за народных избранников, и маленький Иван Дмитриевич мечтал дожить до того времени, когда и он опустит красивый плотный листок в таинственный ящик с гербом.

Так было днем на людях, но ночью Дмитрий Иванович иногда вставал с супружеского ложа и уходил в пустующую комнату матери, ложился на ее кровать и думал печальную свою думу. Увы, ни одно из Жаннинных обещаний не сбылось: не было в Шаровске ни театра, ни филармонии, ни стадиона; город-завод выпускал минеральные удобрения, и большинство рабочих жили все в тех же, но изрядно обветшавших бараках — только выстроили за две пятилетки новое здание горкома партии и ведомственную гостиницу. Долгие ночные часы проводил Голубятников в этой комнате и думал о несчастной жизни рабочих, об их больных детях, о грязном, уродливом городе, где ничто не менялось. И в этих думах у него рождалась необычно важная для него мысль, его оправдание, что ничего в этой жизни он изменить не может, что существует некий раз и навсегда установленный порядок вещей и всякие попытки изменить этот порядок бессмысленны, потому что ведут к новым жертвам. Человеку же остается только принимать этот ход жизни и по мере возможности согреть тех, кто находится рядом с ним, свою жену, детей, друзей, и коль скоро ему, Голубятникову, дан целительный голос, то этим голосом он призван утешить рабочих и скрасить их унылую, однообразную работу.

Он знал теперь, что самое главное на земле — это простая обыденная жизнь тысяч людей, с их радостями и тревогами, заботами о детях, о хлебе насущном, что больше всего люди ненавидят болезни, пожары, смерть близких, они боятся новой войны, и голос Голубятникова сообщал им самое важное — что в городе все тихо и покойно, что огромная страна живет в мире, борется за мир, о мире думают ее мудрые вожди и получают за это Звезды, и матери могут быть спокойны, войны не будет.

Так было, но с каждым годом, месяцем, от усталости или чего-то другого, Дмитрий Иванович чувствовал, как труднее становится ему выходить в эфир и согреть свои слова; они, точно невидимые провода, оголенные, тоненькие, резали по живому его кожу, горло, рвали кровеносные сосуды, он стал жаловаться на головные боли, но скрывал от всех свой недуг, потому что от его уверенности и спокойствия зависело спокойствие нескольких сотен людей, и только Ольга Евгеньевна, Олечка, знала, что, приходя домой, Дмитрий Иванович, уважаемый в городе человек, член горкома партии, в изнеможении садился на диван и просиживал недвижимо несколько часов. В эти часы он не думал уже ни о чем — он лишь представлял себе, как его голос, эти волны, расходящиеся веером от его души, проходят мимо людей, отдают им свое тепло и устремляются дальше, в другой, неземной эфир и там скапливаются и живут вместе с такими же неумирающими словами и голосами других людей, с их криками, слезами, шепотом, и когда он умрет, — сам уйдет в озеро эфира, и оттуда, из этого озера, странными и нелепыми будут казаться те сообщения, которые он читал в эфире земном. О золотых геройских Звездах, о юбилеях, достижениях, о неустанной заботе, о ре-

шающих, определяющих и завершающих годах пятилеток, о съездах, пленумах, о борьбе за мир, о соседней стране, попросившей оказать ей военную помощь, о злобных измышлениях некоторых государств в этой связи и снова об успехах, маршах, темпах, потом внезапно — о глубоком прискорбии, охватившем весь советский народ, о порядке и дисциплине, о взяточничестве, снова о глубоком прискорбии, о каких-то реформах и опять о прискорбии, но как бы теперь не очень глубоко, о переменах, новом курсе, новом мышлении, об ошибках и извращениях в известный период, о квартирах к двухтысячному году, о неприятной аварии, об ускорении, еще об одной аварии, об аренде, национальной розни, антирестроечных силах, партконференции, выборах — все нереальнее становилась эта земная жизнь, все дальше и туманнее, и Дмитрий Иванович уже почти не замечал, что вокруг него происходит, пока не почувствовал, что его перестали слушать.

В городе опять замаячил призрак Емельяна Пугачева.

Появились странные молодые люди с волосами и без волос, с металлическими булавками, шприцами, крашеные, вздыбленные, женоподобные рок-группы, самодельные художники, проститутки, кооператоры, рэкетеры — и все это выплеснулось на бульвар Коммунаров, где совсем недавно сидели одни пенсионерки и выгуливали детей мамыши.

Потом в яркий июльский полдень неожиданно из какого-то тумана сооткалась постаревшая Жанна, вцепилась в него и стала рыдать:

— Нас обманули, Дима! Нам говорили, что мы строим нужный завод, а мы делали яды. Мы возводили электростанции, а губили реки. Мы возвели дорогу, а она ржавеет. Мы никому не нужны. Но теперь пришло наше время, теперь мы сможем за себя отомстить, мы отомстим за себя!

Прокричала и исчезла, опять ушла в марево, а Ольга Евгеньевна больше не работала на заводе, тяжело больную, ее уволили по инвалидности, как увольняли втихую многих. Пятидесятилетняя, в том самом возрасте, когда Марфа Никитична произвела на свет Голубятникова, Ольга Евгеньевна выглядела хуже старухи Солдатовой. Она каждое утро на рассвете уходила из дома. Как сомнамбула, собирала на бульваре Коммунаров окурки, мусор и бутылки, оставшиеся с вечерних тусовок, и отвозила это в детской коляске за город на свалку. Несколько раз ее забирали в милицию, как бродяжку, но потом с извинениями отпускали, провожали домой и мягко внушали супругу, чтобы он внимательнее смотрел за женой.

Но вскоре исчерпали себя и тусовки, в Шаровск пришла эпоха митинговой демократии и массовых разоблачений. За три недели была разоблачена вся городская верхушка, создано три неформальных организации, проведены демонстрации и выбиты окна в домах и машинах номенклатуры. Город гулял, опыненный волей, а Голубятникова спасла лишь его изначальная демократичность: в затхлом райончике за рынком стекол не били. Громили кооператоров, громили частников, требуя справедливости, а Дмитрий Иванович, которому все было тошно, читал из своей заводской будочки какой-то фиговый листок, не подозревая даже, что заводское радио давно без-

действует и слова его прямым ходом, нигде не задерживаясь, уходят в любезный его сердцу небесный эфир.

Он не замечал ничего до тех пор, пока его восемнадцатилетний сын, уходя навсегда из опостылевшего дома, прокричал ему в ухо:

— Это ты во всем виноват! Это ты им служил и обманывал нас! Ты, ты, ты! Ты был их голосом!

Только тогда Дмитрий Иванович надорвал свой баритон, из его горла выбился хрип.

Когда он очнулся, то увидел, что сидит, привалившись к стене, на желтой травке, а около него хлопочет кто-то в белоснежной одежде, очень странной, мужчина или женщина — Голубятников сразу не разобрал.

— Отдохните, — ласково сказала это существо Голубятникову.

— Надо работать, — прошептал Голубятников.

— Не надо, Дмитрий Иванович, — ответило существо нежным голосом. — Вы очень устали. Все кончилось, теперь вам будет хорошо.

— А люди где?

— Они остались там, на площади.

Голубятников встал.

— Отпустите меня, — сказал он. — Мне надо.

— Только недолго, — вымолвило существо, как говорила когда-то в детстве мать, отпуская его на улицу.

И Голубятников пошел по пустынному городу, страшному, как во сне. Он шел, держась за стены, качаясь, как пьяный, весь измазанный в пыли, но ни один милиционер его не остановил, — милиции в городе не было. Он шел и вдруг вспомнил, как когда-то он говорил людям нечто очень важное, то, что их каждый день успокаивало, он искал эту фразу в своем затухающем сознании, и наконец вспомнил:

— Только бы не было войны! — шепнули его крупные губы.

И теперь он понял и узнал, что и зачем он делает, зачем он вернулся, вспомнил, где находится площадь, и пошел туда. Но внезапно его остановила чья-то рука.

— Дмитрий Иванович!

— А? Что! — выкрикнул застигнутый врасплох Голубятников.

— Нельзя вам туда, нельзя. Узнают вас — убить могут.

Голубятников присмотрелся к лицу говорившего и узнал в нем одного из свергнутых отцов города.

— Только бы не было войны, — как пароль, произнес Голубятников.

— Ай, бросьте вы, — вздохнул его собеседник, — хорошо их было войной десять лет назад пугать. А теперь они этого не боятся. Распустили мы их. Да что ж вы на меня так уставились? Не держу я вас, хотите идти — идите.

Теперь он шел и явственно представлял, как подойдет к площади, подымет на трибуну и скажет им эту заветную фразу, вложив в нее всю душу, всю свою жизнь, потому что, может быть, для этой только минуты он и жил, и был нужен его голос. И они ему поверят, как верили всегда, пусть после этого он все потеряет, — но они успокоятся.

Голубятников подошел к площади и увидел показавшуюся ему поначалу небольшой толпу. Толпа переминалась напротив белокаменного пятиэтажного здания с большими окнами. Она пульсировала, как громадная медуза, окрашиваясь то в угрожающе темные, то в бесшабашно светлые весенние тона, взрывалась хохотом, улюлюканьем и свистом. Она уже не извергала из себя ораторов, не спорила внутри себя, а была единым, сплоченным образованием, послушным, повторяющим одно движение. И увидев эту толпу, Голубятников решил, что лучше всего ему будет незаметно, со стороны здания подойти к трибуне, выбрать удачный момент и прорваться своим голосом в ее гул.

Он обошел пятиэтажное здание и стал незаметно приближаться к трибуне, уже почти поднялся на нее, но опоздал на мгновение. С толпой что-то случилось, еще секунду назад ровно урчащая, она вдруг взорвалась, в ее руках оказались камни, железные болты, куски арматуры, и все это с грохотом полетело вперед, в чистые, светлые окна, вломилось в них с хрустом и с жаром, и стекла с кусками железа посыпались Голубятникову прямо на голову. Но в первый момент он не упал, а распрямился и распротер руки, точно пытаясь обнять или остановить ухнувшую и вздыбившуюся медузу, и только после этого рухнул навзничь.

А люди повалили вперед, к дверям, набирая скорость, передние уже были готовы ворваться внутрь здания и вдруг наткнулись на лежащее в крови тело. И здесь толпа повела себя очень странно, она остановилась, осеклась и распалась на тысячи отдельных испуганных людей. Эти люди стояли безмолвные и присмирившие, они точно ждали, что Голубятников сейчас подымет и что-то им скажет, но его душа уже смотрела на них с любовью извне, смотрела, как бережно подняли его тело и понесли на руках по улицам маленького провинциального зачумленного Шаровска к дому, у которого стояла бессмертная старуха Солдатова с ясным и строгим лицом и поддерживала рукой Ольгу Евгеньевну.

Вечером в город прибыли для усмирения беспорядков военные части, но в Шаровске было покойно и мирно, убраны все стекла, смыта кровь с парадной лестницы, люди спали, и только немая душа Голубятникова не спешила покинуть город, она распротерлась над домами и незримо висела, как летающая тарелка, посылая сигналы из своего неземного эфира.

Я ВОСПОЮ БЕЛОКОПЫТНИК

Рисунки
Натали Ермолаевой

Когда я решил однажды, по совету папы, заняться серьезным времяпровождением, то достал общую тетрадь и, во-первых, зачеркнул на ней слово «общая» и написал «моя», а пониже вывел — «Стихи моего детства».

Папа заглянул мне через плечо и оживленно одобрил:

— Идея весьма оригинальна. Благословляю на труд! Однако извини, отчего у тебя упомянуто о каком-то детстве? Детство скоро наступит меня, у тебя же еще впереди лишь цветущая юность.

— Подумаешь, ошибся всего на одну букву! — отозвался я с досадой и исправил ошибку.

Папа сделал понимающий жест, трепанув меня ласково за ухо, и отошел от стола на цыпочках. Он обнял маму за плечи и вывел ее из комнаты. Было ясно, что он не желает мешать творческому процессу.

Я сосредоточился и подпер голову кулаками. Писательством я собирался заняться давно, еще с детского сада. Именно там, при поощрении воспитательницы были рождены мои первые строки:

Кто не кушает морковь,
У того плохее кровь,
Кто не кушает творог,
Упадет через порог.
Надо кушать все подряд,
А не только шоколад.

И хотя Вера Иосифовна когда-то горячо хвалила меня за них и, всплескивая руками, уверяла родителей, что из меня вырастет Пушкин, сейчас я хорошо понимал, что был еще мал и глуп. Стихи пишут не про еду, не про творог, простоквашу или кефир. В них должна идти речь о красивом и прекрасном — солнце, звездах, луне, океане. А посвящают стихотворения лучшим друзьям, например, Генке Рыклину, хотя он страшный засоня и всегда подводит меня, если мы собираемся на утренний сеанс в кино.

Цветы и солнце, день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг мой честный.
Пора, ленивец наш, проснись...

Начало показалось неплохим, но дальше затормозилось. Я не придумал, чем можно заменить кобылку резвую и сани в описании летнего дня. Кроме того, не хотелось воровать ни одной знаменитой строчки у Пушкина, но само получалось, что они так и встречали мне под перо. О чем бы таком написать, о чем еще никем не написано? Придется на этот счет консультироваться с папой, у которого всегда возникают идеи. Сам благословил на литературное творчество, пускай сам теперь его и поддерживает.

— О чем еще никем не написано в лирике? — переспросил папа задумчиво. Он так же, как и я, сперва подпер голову кулаками. И вдруг сорвался с места и зашагал по комнате, выкрикивая в горячке:

— Да большинство поэтов были просто малообразованными людьми! Они плохо представляли себе безграничность природы, бесчисленность ее порождений. На свете тысячи и тысячи минералов, растений, насекомых, птиц и животных. Любое дитя природы достойно стихотворения, а поэты даже не потрудятся вспомнить о них. Они пишут «летела бабочка» или «полз жук». А какая конкретная бабочка? Капустница, совка, пяденица или, может быть, махаон? А какой запечатлен у них жук? Жук-рогач, водоплав или жужелица? Или, к примеру, возьмем их любимую тему — цветы. Розы, тюльпаны, гвоздики, ландыши, незабудки... Да пусть хоть однажды они раскроют ботанический атлас и проштудируют его хорошо! Вот как я сейчас его раскрываю...

Он ханнул с полки толстенную книгу и начал энергично листать.

— Белокопытник лекарственный! — провозгласил он торжественно. — Тебе подалось когда-нибудь стихотворение про белокопытник? То-то же, что нет! А он излечивает людей от язвы желудка, и от гаск-

рита, ему надо быть благодарными. А вот, скажем, гравилат, гулявник, горечавка, галега. Разве им посвящена хоть одна рифмованная строка? Глубокие познания нашей восхитительной флоры остаются белым пятном в поэзии, и в этом ее настоящий позор. Вот почетная задача для тебя — исправить все упущенное, отблагодарить все несправедливо забытое. Тебя окрыляет такая идея?

Меня она пока что окрыляла, но ее нужно было еще и осуществить. Я усердно листал ботанический справочник, и у меня мельтешило в глазах, от разных прямостоящих и извитых стеблей, на которых помещались всевозможные листья. Вы и не представляете, какие мудрецы! Например, яйцевидные, крупновыемчатозубчатые, дважды перистосложные, черешковые. Или: неравномернозубчатые, копьевидные. Сущий кошмар! Я и не предполагал, что, прохаживаясь по зеленой мураве, наступаю на жуткое количество ученых названий. Да чтобы их только прочесть и хоть наполовину запомнить, надо полжизни просидеть взаперти, забыть про телевизор, велосипед и каток...

И все-таки отступить не хотелось. Мне попала в глаза небольшая статья про жень-шень. Его удивительный корень, оказывается, молодит человека. Вот такую диковину мне и захотелось прославить. Над рифмами я решил голову не ломать, а взял за примерный образец «Одиссею», где они вовсе отсутствуют. И, всерьез проработав статью, уверенно стал сочинять.

Я жень-шень воспою, многолетник,
растущий в Приморье.
Корень его утолщенный, ветвистый,
стержневой, ароматный.
Стебель его одиночный, прямой, а на нем
пятипальчатосложные листья.
И цветочную стрелку, и зонтик
из бледнозеленых цветочков.
И плоды ярко-красные, сочные,
с одним или тремя семенами.

Когда я закончил свой обстоятельный труд, то понес его папе на отзыв. Он прочел его удивленно, а потом потянулся за справочником, чтобы сверить факты. Все сходилось слово в слово, а если что-то и было переставлено, то лишь ради складности.

— Гениально! — сказал папа. — Вот что значит соединить поэзию и науку. Теперь тебе никогда не придется задумываться над темами для сочинений. Видишь, самое главное кроется в нахождении верного принципа, а дальше все идет как по маслу. Дерзай!

Отныне он каждый вечер спрашивал меня о новых произведениях. А их не прибавлялось, так как мы с Генкой решили построить гараж для его нового мопеда, и это захватило меня больше, чем ботанические опыты в стихах. Мы с приятелем пропадали на заднем дворе, сооружая сарайчик, а папа иногда забредал туда и, присев на чурбан, грустно упрекал:

— Я-то думал, что ты найдешь призвание в искусстве, а не в ремесленном труде. Ведь какое было замечательное начало! И на что ты променял творчество? На воняющий бензином драндулет!

Как-то вечером я разыскивал на его столе линейку и наткнулся на испечатанный лист с заглави-

ем «Лимонник китайский». А дальше знакомым мне слогом шло следующее:

Он снижает сонливость и повышает
работоспособность.
По достоинству входит в семейство
культурных растений.
Его листья и стебли используют
в виде заварки для чая,
А из ягод готовят варенье,
кисели и компоты.

Я понял, что папа заразился стихотворной болезнью. Это было на него похоже, так как любую идею, которую он мне старается подсунуть, он всегда втихомолку испробует сам. Что ж, зато я с удовольствием запрятал надоевшую общую тетрадь в дальний угол шкафа и начал собираться к отъезду на лето. Сначала на «закаливание» в пионерлагерь, а затем на «откорм и поправку» в бабушкину деревню. Там всякий день были гарантированы купание и рыбалка, а не корпение над бумагой с ботанической абракадаброй.

Осенью случился сюрприз. На мое имя пришла толстая бандероль из столицы, на которой стоял адрес книжного издательства, а в конверте лежало письмо на типографском бланке.

«Дорогой Александр Замятин! Твои опыты по переложению ботанических и медицинских сведений в стихи не могут быть опубликованными, так как не имеют ничего общего с поэзией. Надеемся, что они помогли тебе развить трудолюбие и любознательность. Рукописи высылаем».

Папа сильно смутился, когда я молча сунул ему кипу печатных листов и письмо и поглядел на него пристально.

— Ну прости, пожалуйста, Алька! — сказал он покаянно. — Мне же было неудобно посылать их от своего имени, я же взрослый. А стихи производят на людей такой разный эффект. Что если бы в издательстве посмеялись?

— Значит, надо мною можно смеяться?

— Но ты представь, что они издали бы настоящую книжку! Да я лопнул бы от счастья за моего сына! Я трудился все лето ради твоих успехов.

— Ага, развивая в себе трудолюбие и любознательность.

— А ты целое лето развивал в себе одну голую лень!

Мама не дала нам поссориться. Пригрозила обом, что немедленно бросит нас на произвол судьбы, если еще попробуем цапаться. Да и чего уж мне было обижаться? Папа горько переживал литературный провал. Просидел весь вечер без звука. Отказался смотреть телевизор. Потом тишком ушел в ванную сжигать там рукописи.

А знаете, ведь его увлечение даром совсем не пропало. Сейчас многие наши знакомые приходят к нему узнавать о свойствах лекарственных трав. Они выезжают вместе в лес на сбор растений и привозят оттуда душистые букеты ромашки, пижмы, тысячелистника и зверобоя. Видал и я тот самый белокопытник, с которого все началось. Я привык к таинственным запахам, витающим в доме, которые всегда вызывают счастливую память о лете. И если они вдруг исчезнут, то от нас уйдет что-то очень красивое.

Рецепт Серафимы

Папа возвратился с вечерней прогулки по чудиновским перелескам с охапками всевозможных веток и трав. Он бесцеремонно вывалил свою ношу на рукодельные половики бабы Дины и сосредоточенно занялся разборкой.

— Сено на зиму заготавливаешь? — неодобрительно фыркнула мама. — Или у тебя снова возник комплекс великого врачевателя? У нас дом и без того превратился в аптечный склад. И кого ты собрался лечить, если все абсолютно здоровы?

— Не мешайте, пожалуйста, заниматься мирной наукой, — бесстрастно ответил целитель. — Сегодня я добыл редкий и необычный рецепт и намерен его освоить. Алька, сослужи службу! В сенцах должны валяться ступка и пестик.

Я с интересом присоединился к сортировке стеблей и соцветий. Я люблю запах свежего сена и люблю, когда в комнатах хаос после сбора любимого приятного урожая. Мне нравятся рассыпанные по столам грибы, ягоды, овощи — они всегда создают обстановку праздничного базара. Я люблю вышелушивать из стручков игривые горошины, нанизывать на нитки румяный шиповник или бархатные шляпки грибов, обирать с кисточек лунную смородину или рубиновый барбарис. Когда наша семья предается таким занятиям сообща, то атмосфера становится мечтательной, а разговоры неиссякающими. Беседа движется мерно, как колесо древней прялки, руки

заняты сноровистой мелкой работой, глаза заморожены точеными формами нарядных плодов, и кажется, что мы трудимся вовсе не для будущей услады желудков, а лишь ради самой красоты, протекающей сквозь терпеливые пальцы.

Поэтому я удивился, что мама отказывается от прекрасного повода провести вечер с душой и со смыслом. Она все настороженнее приглядывалась к травяному развалу, а потом окликнула бабушку.

— Погляди, разберись! По-моему, он наташил ядовитых растений. Вот эти уж точно чемерица и лютики. На что они тебе сдались, признавайся! Алька, ты ступай вымой руки!

Бабушка Дина тоже близоруко склонилась к букетикам и снопам.

— Чернокорень, — определила она, обнюхав один из пучков. — Им из погребов отгоняют крыс и мышей. Вот вех, или цикута, это спорынья... Мать честная! Ты кого надумал травить?

— Ну и не шупайте мои травы, если их боитесь! — Папа бросил на женщин вороватый взгляд и быстро спрятал в отдельный пакет колоски с черными рожками. — И вообще не вмешивайтесь в недоступные для вашего понимания опыты. Я не замыслил никого отравить — можете успокоиться. Хочу изготовить один только состав, а проверять его буду не на вас, а отдам бабке Серафиме Коняшиной. Если он мне удастся, то она поделится со мной секретами народной медицины.

— Вон откуда ветер дует! — ахнула бабушка Дина. — Конечно, я так и ждала, что вы с нею спое-тесь. Ну, дожили! Наталья, да ты знаешь, кто эта презренная Серафима? Обманщица и шарлатанка. Сколько лет я с ней воевала и сколько разоблача-ла ее тлетворные суеверия! Лет тридцать она сеяла в Чудиновке религиозный дурман, бралась больную скотину лечить, а у самой четыре класса образова-ния. С кем связался, Егор, постыдился бы, а еще грамотным себя мнишь и чуть ли не ученым!

Папа сердито засопел и молча погрузился в кол-довство над корнями и листьями. Мама с бабушкой нарочито суетились, сновали туда и сюда челнока-ми и норовили якобы случайно сдвинуть что-нибудь в его путаном хозяйстве. Но он игнорировал их уси-лия и трудолюбиво растирал в ступе кору ивы и волчьего лыка, разбавлял кашу водой, фильтро-вал через воронку различные смеси, нагревал и вы-паривал, отмерял их в мензурках и вновь перемешивал.

Почти до полночи он был поглощен своей мудре-ной работой, а я улучал моменты, помогал ему. То притаскивал уголь для фильтров, то подкладывал сухой спирт под треножник, на котором булькала колба с отваром. Наконец папа завершил многосту-пенчатые опыты и тщательно прибрал следы знахар-ских упражнений. Результатом их была колба с бу-рой жидкостью, бережно заткнутая пробкой.

На следующее утро мы вдвоем собрались и по-шли навестить Серафиму. Папа был в приподнятом настроении, он едва не приплясывал, но хрупкая колба принуждала к степенности.

Знахарка жила в скособоченном доме, стоящем в конце пустынного переулка. Наискось от него начи-налась гора, покрытая изреженным сосняком и по-черневшими кладбищенскими крестами. Под уклоном виднелся край речного изгиба и пара низких банек, потонувших в бурьяне. Калитка дома была распах-нута, поперек входа трупом лежал поросенок, а за ним, вместо положенного колдуньям черного кота, вырисовывался захудалого вида грязнобелый петух. Через чушку мы перешагнули, петуха потеснили, а хозяйку дома нашли в огороде в довольно-таки стран-ной позиции.

Желтолицая старушонка в горошковом платочке стояла посреди гряд, растопырив черные юбки, как всполохнутая курица перья, и пыталась прикрыть ими высокую поросль. Дородный мужчина в голубой милицейской рубашке с погонами, пыхтя, врубался лопатой в пышную куртину цветущего мака, словно намеревался заготовить букеты для всего ансамбля Большого театра. Его безжалостное орудие все бли-же подбиралось к старухе, а та звонко костерила его как изверга и душегубца. И хотя ничьих живых душ он по всей вероятности не губил, но истекающие млеч-ным соком и отлетающие в воздух головки все же напоминали кровавую сечу.

Энергичное присутствие милиции на огороде силь-но смутило меня, и я предпочел бы поскорее уйти, чем выяснять, что здесь происходит. Но старуха уже воз-звала за помощью к папе.

— Спасите, люди добрые! Чем я его прогневала? За что казнит сироту! Пошто рушит травку невинную!

— А действительно, — шагнул папа к представи-телю власти, — чем вам так насолила эта бедная гряд-

ка? Неужели она заражена радиацией? Или на ней вырос какой-нибудь опасный мутант?

— Здесь вырос наркотик! — буркнул милиционер. — Я Коняшину еще весной предупреждал, чтобы не нарушала законодательство. Посев опийного мака или индийской конопли без надлежащего разреше-ния наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до од-ного года с обязательной конфискацией посевов.

— Так то уничтожается опийный мак, — заметил радостно мой родитель, — а вы косите самый обы-чный пищевой! Это же, как говорится, две большие разницы. Им сушки и бублики посыпают и делают прекрасную начинку для пирожков. Э, наконец-то мне понятно, почему в магазинах баранки с маком исчезли! А с коноплей вы так же рьяно сражаетесь? Бедные любители птичек, чем они будут кормить сво-их канареек!

— Слушайте, а вы кто такой? Вы имеете полно-мочия вмешиваться? Предъявите удостоверение и тогда будем беседовать хоть о птичках. А если вы посторонний, то стойте в стороне и молчите. Нам Коняшиной доверять не приходится, у нее и из хоро-ших продуктов может вредный отход получиться. Мы ее вынуждены держать под контролем, а то отравит весь район самогоном или наркотиками, или другой ерундой!

Папа шумно вздохнул, но дискуссию прекратил. И, присев на березовую чурку, стал наблюдать за-вершение конфискации. Участковый трудолюбиво до-рубил остатки наказанного растения, притоптал, как сплясал, сапожищами кучу и утер со лба пот. Затем он протянул бабке бумажный квиточек, должно быть, какую-то справку, но она его не взяла, а плюнула, перекрестилась и показала милиционеру сморщен-ный кулак.

— Зато, Коняшина, будет тебе впредь наука! — назидательно сказал участковый, облачаясь в китель и фуражку. Вид у него был благодушный, истомный, будто он всласть отпарился березовым веником в баньке. — Помозгуешь теперь поневоле, какой опиум сеяла ты для народа! Учти, так сказать, и запомни в целях своего морального просветления!

Папа горестно покачал головой, провожая его масштабную спину, Серафима монотонно постаныва-ла и воркотала, а подкравшийся к грядке петух на пробу клюнул маковую головку и негодующе кука-рекнул, будто тоже укорил Серафиму.

— Давайте отвлечемся от неприятных пережива-ний! — выждав приличную паузу, позвал вкрадчиво папа. — Поглядите, Серафима Егоровна, по нашему рецепту я составил микстуру, а вы уж мне расска-жите о ее применении. Все отмеряно и взвешано в точности, как вы диктовали. Чемерицы одна доля, спорыньи одна доля, волчьего лыка две доли...

Он перечислил весь длинный список компонентов микстуры и выставил под нос старухе литровую кол-бу. Однако она молчала и лишь моргала, как сова на свету.

— Эй, Серафима Егоровна! — тряхнул ее за су-хое плечико папа. — Похвалите же прилежного уче-ника. Ведь я все верно сделал, как вы указали.

Старуха пожевала губами и вдруг ответила вы-зывающим тоном:

— А больно я помню, чего я тебе диктовала и

указала! Отстань, не тяни из меня жилы! Накинулись, коршуны, на голубку. Один не велит мак растить, другому рецепты вынь да положь...

— Да очнитесь же, бабушка! Это я, Егор Павлович, я вам вреда никакого не причинил. Вспомните, как славно мы с вами вчера побеседовали. Вы мне еще про приворотное зелье рассказывали и про молодильный напиток!

— Нету, милоч, у меня самогонки, и не проси! — помраченно бубнила знахарка. — И бражки тоже не водится. На пенсию живу я, на тридцать целковых. Разве могу штрафы уплатить? Мне и на гроб не останется, а гробы ноне недешевы...

Она туго затянула платок вокруг маски египетской мумии, шумно выхлопала черные юбки и засемила от нас скорым ходом, оборачиваясь, фукая и бормоча.

— Пап, не вздумай ее догонять! — попросил я сердито. — Безнадежно с ней толковать.

— М-да, похоже на правду. Бабушка не в себе.

— Тебя ведь баба Дина предупреждала, что у нее не все дома.

— Думаешь, я так наивен, чтобы сразу все брать на веру? А все-таки в бреде тоже могут неожиданно сверкнуть озарения.

Он задумчиво поднял полусозревшую маковую головку, покрытую плоской коронкой с крохотными отверстиями, и поколыхал над ухом, слушая шорох легких семян.

— Вот цветок, посвященный богу сновидений и грез. Непрактичному божеству, которое могло одарить только мечтами и иллюзиями. Но иллюзии бывают так прекрасны, что если их уничтожить, то из жизни, пожалуй, исчезнет вся поэзия. А что останется? Взамен дерзкой мечты и фантазии нами будет руководить сухой свод законов и неукоснительных правил.

Он вытащил из горлышка колбы притертую пробку, понюхал, зажмурясь, густой и терпкий аромат и медленно вылил жидкость на источающую едкий и какой-то жалобный запах груды истребленного мака.

— Не жаль быть обманутым, — заметил он философски. — Возможно, что Серафима глупа и суеверна, а свой рецепт она мне дала с потолка. Что ж с того? Все равно, я знаю, что среди таких Серафим должны храниться остатки людского тысячелетнего опыта, направленного к добрым целям, а вовсе не к преступлениям. Но уничтожить его так же просто, как вырвать лопатой цветы...

Вздохнув, он оборвал размышление, хлопал меня по плечу, и мы двинулись обратной дорогой.

С полпути мне пришлось возвратиться за оставленной в огороде панамкой. Раздосадованный этой доукой, я галопом промчался по переулку, пунул в калитке мертвецкого пороса и попал на знакомые грядки. Панамка лежала, белея, в междурядье, но вместо того, чтобы подхватить ее и уйти, я замер, пораженный картиной. Маковая куртина стояла целехонь-

кая и стройная, будто ее и не касалась лопата, а все зеленые, коронованные головки были дружно направлены к солнцу. Лепестки тоже вспорхнули из праха и расправили, как бабочки, крылья. Бледно-лиловые, с чернильными основаниями, розовые и махровые, как пачки балерин, и самые ослепительные — алые, с черной бахромой в серединках. Живые, чуткие, трепетные, они перебрасывались веселыми бликами и были неописуемо хороши.

А через неделю мы все вчетвером расположились за общим столом, высеяв на газету черный маковый дождик и нахваливая добрую Серафиму, приславшую нежданый подарок. Я невольно похикивал в кулак, глядя на взрослых, увлеченно трясущих погрешками. Еще нацепить им слюнявчики, и они сойдут за ползунковый оркестр!

Болтали о всяческой всячине. О витаминах, о колорадских жуках, о целебности перепелиных яиц и о самоубийствах китов. И мне приходилось все время следить, чтобы папа не перескочил на какую-нибудь слишком спорную тему, которая опять послужит яблоком раздора и нарушит наш безмятежный уют. Из осторожности я скрыл от папы, как подействовала его микстура на порубленные растения, но вчера мне стало очень не по себе, когда я увидел, как худосочный Серафимин петух бодро взмыл в поднебесье, промчался на бредущем полете над крышами Чудиновки и исчез в лесной стороне.

А вот и Художественное творчество. Произведение Художника — результат его мучений и поисков, материализация его поисков истины. Им обоем противостоит Общественное сознание. Ему не понятен язык произведений искусства, ему не нужны никакие поиски истины, ему не нужны мучения Художника. Истина искусства — это, во все времена, постижение смысла существования человека в изменяющемся мире. Общественное сознание у нас имеет свою истину о человеке, это удобная истина, хотя она и лжива.

Так или приблизительно так были расписаны роли вчера. Во многом так сохраняются они и сегодня. Как здесь выжить Художнику? Но он выживает — и это многое значит.

Конечно, что-то уже меняется. Происходит движение Общественного сознания навстречу Художнику. И может быть, сегодняшний читатель в состоянии стать и Зрителем? Наполнимся такой надеждой и попробуем рассказать о художнике Алексее Лебедеве. И в общих чертах, и вдаваясь в подробности. Тем более, в его судьбе много типичного для Художников нашего времени и его поколения.

Он родился в 1938 году. Образование — художественное училище в Ташкенте и — Ленинградская Академия художеств по специальности искусствоведение. Работал в области дизайна, оформлял книги в Средне-Уральском издательстве. Сейчас зарабатывает средства к существованию проектированием конфетных коробок, детских игр, товарных знаков. Бывают периоды, когда долгу не имеет работы. Особенно, когда поглощен основной — творческой деятельностью. Этот период он, шутя, называет «запоём». Циклы работ (живопись, графика) следуют один за другим. От недостатка места даже огромные работы делаются на отдельных листах, впоследствии соединяемых вместе. Все они уложены в папки. Ими заставлена вся мастерская — комната в небольшой, малоудобной квартире. Участие в выставках очень редкое. Причины разные. Раньше — не пропускать выставкам. Сегодня — сложность «вписывания в экспозицию». Как-то не живут его работы рядом с другими, мешают им то ли повышенной

эмоциональной напряженностью, то ли иными принципами существования в пространстве.

Членом Союза художников не является. Не приняли. Не отвечает необходимым требованиям. В быту повезло: семья старается не мешать ему в его художественной деятельности. Но с товарищами по искусству отношения у него не складываются. Что-то такое есть в его характере. Работами своими живет, когда их делает; но когда они готовы — относится к ним с раздражением и неприязнью.

Всегда знал, что будет художником, но за десятилетие после окончания учебы не сделал ни одной творческой работы. Прошел большой путь в искусстве от работ, в которых осмысляются проблемы кубизма, к чисто абстрактным формам, а от них к художественному мышлению в категориях пространства-времени. Неоднократно испытывал полное разочарование в своем творчестве, и каждый раз начинал все заново.

Стилистическую принадлежность его художественного творчества при сегодняшней неизученности этого предмета в нашей стране определить сложно. Ясно одно, что она находится в области неофициального, так называемого «параллельного» искусства, и включает в себя движение от «модернизма» до «постмодернизма», если это для кого-нибудь важно.

Посмотрим его работы. Перелистаем с его разрешения его записную книжку, которую он ведет с 1988 года по сегодняшний день — в период работы над самым грандиозным своим циклом, посвященным Афганистану. (Опыт показывает, для того, чтобы понять художника, не обязательно расшифровывать его язык, не нужно пересказывать содержание его работ. Достаточно рассказать о принципах его мировоззрения, о его человеческой позиции, о том времени, в котором ему пришлось жить и работать.)

А. Лебедев (из записной книжки):

...Мы имеем дело с сообщающимися сосудами. Дух и тело — две формы одного и того же. Чего? Не знаю. Видимо, Бога.

...Искусство — материализация духовного. Художественный акт — как молитва, приближает человека к Богу. Само по себе искусство — бессмысленно, но через искусство совершается эмоциональный выход. Работа необходима. Без работы все перегорает. Это ужасно. Понятно, почему среди нашего брата столько алкоголиков, наркоманов... людям некуда деться.

...Я пьянею от формы и цвета. Музыка пожирает все вечное.

...Если форму и цвет воспринимать на слух, то художник сталкивается с чистой формой. Чистая форма живет по своим законам, обойти которые не удается. Да это и не нужно. У формы своя космическая жизнь, приобщение к которой — уже таинство.

...Форма — только переходное звено к духовной сущности, вернее — мост к ней. Почему надо противопоставлять частное общему? Ведь частное — это часть общего.

...Кончил Афганскую серию. Только теперь почувствовал всю тяжесть ноши. Серия никому не нужна. Есть над чем подумать. Прихожу к выводу, что ситуация логична. Другой быть не могло.

...Я опустошен, я устал. Неужели я — человек прошлого? На 99 процентов — да. И это ужасно. И с этим ничего не поделаешь. Где выход?

...Все начать сначала? Как родиться заново?

...Странная вещь: художник погиб. Но проходит время, и он снова воскресает. Происходит это как логическое завершение колоссальной внутренней работы. Работа, работа и опять работа. Но слово «работать» происходит от слова «раб». Хорошего мало. Однако ничего не поделаешь.

...Но где та форма, из которой все происходит? Где истоки? Наверное, во мне.

И я могла бы добавить к последней фразе: и в нем, и в том, и вот в этом — в каждом, кто может прислушаться к движению космоса внутри самого себя. Но знает ли, что он это может? Но осознает ли, что это необходимо?

Так чем же живет и держится Художник, когда всё против него? Той, очевидно, невероятной силой, той изначальной силой, которой он не может противостоять, которая сильнее неприемлющего его времени. Это всеобщность и единство природы, это истина, пронизывающая все сущее и каждого человека, пусть он и не знает об этом. Эта истина, наверное, и есть единство природы и всего сущего, что то же самое — ценность всего сущего, что то же самое — что и Бог.

А как же время, которому это знание не нужно? Что думает об этом художник Лебедев. Открою его записную книжку:

...В обществе наступает духовная революция. Она идет медленно, но верно, как Командор у Пушкина...

Ионас в Калифорнии

Михаил
ЛЕБЕДЕВ

Рисунок
Николая Мооса

С председателем колхоза «Прявна» Кайшядорского района Литвы Ионасом Начаюсом я познакомился близко в самолетных креслах Ил-62, летевшего в Нью-Йорк. Сразу после взлета он достал билет и стал его усиленно изучать. «Это что же такое,— повернулся он ко мне.— Действительно билет столько стоит? Это же корова—туда, корова—обратно!»— произвел он молниеносный финансовый расчет.

...С Ионасом мы раскланивались по утрам. Какой бы ни был тяжелый на встречи день, утром его пышущая здоровьем физиономия заставляла все позабыть и радоваться жизни. А в Лос-Анджелесе один день мы провели с Ионасом неразлучно. Наша поездка уже перевалила за половину пути. И на одной из встреч Ионас заявил нашим руководителям свой крестьянский протест. Дескать, всё горожане да горожане, а почему он не может встретиться с фермером? Выяснилось, что фермеров на наши встречи не приглашали. Да и занятой они, по слухам, народ. Так почему не поехать на ферму, разошелся Ионас.

И тут на счастье энтузиаста Ионаса нашелся энтузиаст с американской стороны. Оказалось, что бизнесмен средней руки Энтони Оланд готов составить Ионасу компанию и свозить его на ферму в окрестностях Лос-Анджелеса. Предложение было принято, но вышла маленькая заминка... Ионас хоть не расставался с разговорником, но в литовском все же чувствовал себя увереннее, нежели в английском. А Энтони в литовском, надо сказать, вообще никак. Тогда Ионас и вспомнил о своем соседе в полете над океаном, то есть обо мне. «А почему бы не ферма, и не фермер»,— решил я. И ранним утром мы покатали на поиски американского коллеги Ионаса.

В машине мы узнали об Энтони побольше. Он оказался представителем фирмы, импортирующей пиво со всего мира на западное побережье Америки. В его распоряжении машина, та самая, японской марки «Мицубиси», в которой мы ехали. Со своим патроном он связывается

по телефону в любой момент, когда у него возникает потребность. Так что он относительно свободен и смог позволить себе эту поездку. Энтони является активистом общества дружбы с СССР в Лос-Анджелесе, побывал уже в Советском Союзе. Ездил по «Золотому кольцу».

Видя в нас полномочных представителей Союза советских обществ дружбы, а не простых туристов, Энтони тут же завел с нами разговор на волнующую его тему. Он, например, на полном серьезе считает, что мог бы выполнять функции внештатного советского консула в Лос-Анджелесе. И может быть, мы поспособствуем ему в этом важном деле, которое послужит укреплению добрососедских отношений между СССР и США.

Мы были признательны Энтони, что он так высоко вознес наши персоны, но понимая свою некомпетентность в таких тонких дипломатических делах, мы постепенно перевели разговор на того предполагаемого фермера, к которому ехали. И надо сказать, хоть Ионас и полагался на меня как на переводчика, все-таки он свой истрепанный литовско-английский разговорник из рук не выпускал. Дескать, молодым доверяй, но проверяй.

В городок Окснард-сити мы въехали, когда солнце уже стояло высоко. Здесь фермерский центр, где сосредоточена вся информация о хозяйствах округа. После нескольких телефонных звонков Энтони выяснилось, что нигде нас принять не могут. Хозяев ферм почему-то в то утро на местах не было. А без хозяина...

Ионас не сдался. Он овладел справочником, луще-зарно, как только он это может, улыбнувшись женщине за стойкой офиса. Листая его, он упорно что-то искал. Оказывается, искал земляков на всякий случай. Делал он это тщательно и деловито, как, наверное бы, листал в Каунасе местный телефонный справочник, разыскивая бывших односельчан. Не знаю, как по калифорнийским меркам, но я предложил старый, как мир, способ. Если до раиса нельзя дозвониться, надо ехать прямо к нему. На удивление мои спутники бросили телефон и телефонную книгу и без слов двинулись к машине.

Вот так по дороге из Окснارد-сити в Лос-Анджелес мы и заехали на первую попавшуюся ферму. Примерно так же, как можно заехать на ферму по дороге из Пархара в Куляб. Это была молочная ферма «Чейз Брос». Люди, которые здесь работают, гарантируют качество молочных продуктов, маркированных символикой, изображающей упитанную буренку с курицей на спине.

Когда я взялся за шишковатое дерево калитки, а нога ступила в то, во что ступают на всех фермах, в первый момент мне показалось, что меня надули. Да еще Ионас подлил масла в огонь, буркнув за спиной: «У меня лучше». «Где же!» — чуть не вскрикнул я, оглядывая неказистую постройку. А Ионас уже был впереди, и его «У меня лучше» я слышал по разным поводам.

«Где же» оказалось в этом на первый взгляд неказистом строении. Снаружи — сарай сараем. Зато внутри... На возвышении по кругу шли коровы. Под ногами у них какое-то ворсистое покрытие. Один — как его назвать: дояр, оператор, в общем, милк-мен — деловито оглядывал упитанных буренок и ловко смывал с покрытия все лишнее. Патрубки доильного аппарата мягко отходили от вымени, и специальная цепочка ловко вытягивала гирлянду вверх и укладывала ее на отведенное место. Ионас что-то пробурчал, но я не был уверен, что он сказал: «У меня лучше».

Выйдя из помещения, где чудодействовал этот милк-мен, мы загнулись за трубу. Наш провожатый предложил дотронуться. Ионас смело ухватился за какую-то там американскую трубу на американской ферме и в ярости прорычал что-то по-литовски. Думаю, он высказался довольно крепко. Я дотронулся до трубы вслед за ним. Если бы я знал те литовские слова, я бы их повторил тоже. Трубка ожгла меня космическим холодом.

После этой трубы нам почему-то захотелось на солнце. Снаружи как-то все привычнее, чем изнутри. Забор из кривоватых жердей, сухой навоз под ногами. Провожатый объяснил, что у них нет пастбищ. Есть вот только эта территория, коровы, куры-несушки и строения. В определенное время с другой фермы привозят прессованное сено, и они раздают его буренкам. В свою очередь продают все, что производится здесь, и даже то, что милк-мен смывает с покрытия. Продают это тому, кто поставляет им корма. А молоко, яйца — кому угодно. Ионас опять повеселел и вставил свое знаменитое «У меня лучше». Правда, он не уточнил, что.

Когда я вернулся домой, в Душанбе, мне попалась на глаза книжка «Что мы видели в США и Канаде». Речь в ней шла о поездке советской сельскохозяйственной делегации за океан в 1955 году. На одной из фотографий — прием молока в автоцистерну.

Редкий по нынешним временам снимок. Молочных цистерн в округе не встретилось. А вот рефрижераторов разных калибров с другой стороны неказистого строения было предостаточно. Молоко, упакованное в коробки разных размеров, загружали в рефрижератор. Было здесь и шоколадное, и простое молоко, и так называемый егг-ног (полезное, дескать, для нас, мужчин, подмигнул провожатый). Словом, как и у нас в колхозе, домой просто так не отпустили, дали с собой молока на пробу.

Как я, сугубо городской житель, понял, дело было сделано без всякого молокозавода. Или этот мини-молокозавод тут же, в неказистом здании. У Ионаса я не рискнул расспрашивать, с литовского я едва-едва мог бы перевести. А он как раз ушел в себя и, видимо, то ли с односельчанами мысленно толковал, то ли с районным начальством. Кто их, этих председателей, поймет. Они и в Америке председатели, о своем родном хозяйстве думают-печалются.

Еще в Сиэтле, в самом начале маршрута, Ионас был возмутителем спокойствия. Когда мы проезжали мимо пряничных коттеджей, он накоротке выскакивал из автобуса, благо это разрешалось, и неумножно щелкал фото-

аппаратом. Дома у них в колхозе не хуже, отмахивался он от наших шуток. Своим хочется показать, как все красиво можно устроить вокруг домов.

К Энтони я тоже не подступал с вопросами. День не резиновый. Мы поспешили в обратный путь так, что чуть не обгоняли идущие на посадку «Старфайеры». Они, как зеленые жуки, почти над нашими головами садились поблизости на аэродроме. Удержаться от соблазна было нелегко, и я показал Энтони на фотоаппарат. «Снимай», — отмахнулся он. Такой же полубезразличный жест был у тех, к кому мы обращались в аэропортах, чтобы снять нашу группу у самолета. Дескать, снимайте сколько пленки хватит! Напрасно я беспокоился по поводу чужих секретов. На обложке журнальчика, выходящего в Окснард-сити, эти истребители красуются рядом с другими достопримечательностями.

...В центре Санта-Моники (курортный городок близ Лос-Анджелеса) в английском пабе «Голова старого короля» Ионас Начаюс брал реванш за ферму. Он сидел, как сидят в литовских корчмах старые опытные пивнюки. Домовито, по-хозяйски, крепко. Хитрый взгляд из-под белесых ресниц скользил по стенам, убранству, обитателям этого истинно британского паба. А вся его фигура говорила окружающим: «Давно я не брал в руки кружечку». И если бы он даже сказал эту фразу по-литовски, перевести ее разноязычному окружению не понадобилось бы.

Пиво нам принесли австралийское. Мы разлили его в прокаленные холодом до белого тумана кружки. Ионас выложил на стол пачку сигарет «Кауно», чем привлек молодую пару, сидевшую поблизости. Широким жестом он вручил молодым сигареты из Каунаса, а те пригласили его поиграть в стрелки. Какой же истинный паб без стрелок. Как и водится, половина паба стала болеть за Ионаса, половина — за молодых. Победила, как всегда, дружба.

Этой молодой паре победить Ионаса было просто не под силу. Я-то в отличие от них знал, что Ионас не простой председатель. Тридцать лет назад, когда у нас не было еще так называемого Большого спорта, Ионас Начаюс был участником I Спартакиады народов СССР, соревновался в плавании. Так что стрелки, как говорится, для него семечки.

После паба состоялась вторая половина знакомства с Энтони. Мы твердо пообещали приложить все наши хилые усилия, чтобы помочь ему стать нашим внештатным консулом в Лос-Анджелесе. Энтони познакомил нас со своей женой японкой Мицуи, женственной, веселой и очень общительной. При ней он как-то сразу изменился. Мы тоже невольно сделали попытку подтянуться.

Просясь в холле гостиницы «Амбассадор», Ионас ненадолго задержал меня. «У меня лучше», — пытался он мне сказать по-английски. Это он имел в виду пиво. С этим австралийским пивом стрелкой в цель запросто попасть. Вот если было бы литовское, тогда неизвестно, как бы пошла игра.

На следующий день Энтони заехал к нам. В знак особого расположения к Ионасу (на обратном пути из Санта-Моники они уже обходились без моей помощи) он подарил ему роскошный фотоальбом о своих родных местах. Ионас сделал достойный ответный ход, можно сказать, на дипломатическом уровне. Он преподнес Энтони такую заколку с янтарем, что Мицуи (а это явно предназначалось ей) просто ахнула.

Знайτε председателя Ионаса!

КОМАНДУЮЩИЙ
ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ

Искр. 13 мая 1917 г.

Ремис Севас-ский.

V. J. Fein
Konrad
V. Durov
и др.

13-17
20-17

Господину
МОРСКОМУ МИНИСТРУ.

В. С. СЕКРЕТНО.

Представляя при семъ Вамъ, Господинъ Ми-
нистръ, копія протокола Минной комисси Чер-
номорскаго флота отъ 3-го сего іюля за № 2,
ходатайствуя объ оказаніи содѣйствія и пре-
доставленіи необходимыхъ средствъ В. Л. Дуро-
ву для возможности выполненія имъ опытовъ въ
рокомъ размѣрѣ по примѣненіи дрессированныхъ
тюленей для боевыхъ цѣлей, признавая этотъ
вопросъ, заслуживающимъ большого вниманія
и очень важнымъ въ военно-морскомъ дѣлѣ.

Полагаю очень важнымъ въ данномъ вопросѣ
сохранить секретность.

Начальникъ Штаба,

Капитанъ 1 ранга *Заболотный*

Главный динеръ флота,

Капитанъ 2 ранга *Климовъ*

Иосиф БИХОВСКИЙ

3

наменитый русский дресси-
ровщик Владимир Леонидо-
вич Дуров (1863—1934)
был большим патриотом.
Когда началась первая ми-
ровая война, он стал за-
думываться над тем, как
он, артист цирка, может помочь
стране. Его возмущали зверства гер-
манских подводников, которые вели
беспощадную войну на море. В ту
пору немецкие субмарины безжало-
стно топили торговые и пассажир-
ские суда, плавучие госпитали и
даже беззащитные шлюпки с людь-
ми, потерпевшими кораблекрушеніе.
Особенно потрясла Дурова вѣсть о
том, что 7 мая 1915 года герман-
ская подводная лодка «У-20» пото-
пила у берегов Ирландии трансат-

„Весьма секретно.“

Дело о тюленях,

лантический лайнер «Лузитания». Океан поглотил в тот день тысячи человеческих жизней.

И Дурову пришла дерзкая, фантастическая идея...

Долгое время о его проекте ничего не было известно. Лишь недавно в фондах Центрального Государственного архива Военно-Морского Флота СССР отыскалось необычайное дело за номером 2275 (фонд 418, опись 1), проливающее свет на секретную военно-морскую деятельность В. Л. Дурова. Называется это дело так: «О тюленях. Предложение г-на Дурова использовать дрессированных животных для военно-морских целей». В небольшой папке, всего на 24 листах, хранятся инте-

реснейшие документы о том, как в годы первой мировой войны В. Л. Дуров предлагал использовать морских животных для действий на морских театрах против немцев. Обращаясь со своим предложением в органы морского ведомства в 1915 году, он писал: «Я решил, что должен применить особо дрессиро-

ванных животных в войне. Я начал действовать и изобрел способ посредством ластоногих срезывать мины, взрывать подводные лодки и т. д.»

Дуров начал с того, что в подвале своего дома в Москве, на Старой Божedomке, 4 (ныне улица Дурова), построил обширный и глу-

Желая наилучшим образом осветить научную сторону своего проекта, Дуров подробно изложил основные принципы своей работы как дрессировщика. Свой метод дрессировки животных он назвал «эмоциональным». Дуров был ярким врагом жестокого обращения с животными. Он считал, что запуганные, озлобленные звери и птицы не способны выполнять сложные трюки и действия, что, терроризированные, они в любую минуту могут «сорваться» и выйти из повиновения.

Особое внимание Дурова привлекали обитатели морей. Он уже тогда хорошо знал, что дельфины и тюлени обладают рядом удивительных свойств, и предвосхитил многие открытия в области современной бионики морских млекопитающих. И по сей день ученые бьются над раскрытием поразительных локационных способностей китов, акул, дельфинов. Остается до конца не разгаданной тайна большой скорости, которую развивают эти животные под водой. Не расшифрован и язык, на котором переговариваются между собой дельфины. А ведь эти проблемы гидробионики, по существу, впервые выдвинул Владимир Леонидович Дуров!

Возвратился Дуров от командующего округом в приподнятом настроении, с ощущением того, что теперь он уже официально включился в дело усиления отечественной боевой мощи. Не знал Владимир Леонидович, что его надеждам не суждено было исполниться...

Ранним февральским утром 1916 года Дуров спустился в подвал с бассейном. Накануне вечером он допоздна работал с Лео и другими ластоногими, занимаясь с ними специальной дрессировкой, отшлифовывал приемы действий, чтобы довести их до автоматизма.

Распахнув двери, Дуров повернул выключатель на стене и в тот же миг в ужасе отпрянул.

— О боже! Они мертвы! — воскликнул дрессировщик.

На цементном полу осушенного бассейна лежали в разных позах его ластоногие. Дуров, застонав, упал рядом со своим любимцем Лео, уставившимся остекленелым взглядом в потолок.

Срочно вызванный ветеринарный врач подтвердил: все животные отравлены рыбой, начиненной цианистым калием.

Через час, когда на работу пришли служители, выяснилось, что одного из них — недавно принятого самим Дуровым «служителя от Гагенбека» — нет. Он бесследно исчез, и даже розыски через полицию не дали никакого результата.

Расследование, предпринятое самим Дуровым, тоже ничего не дало.

Он поехал к рыборотговцу, уже многие годы поставлявшему на Старую Божедомку рыбу для дуровских питомцев.

— Кто принял у вас вчера вечером рыбу?

— Я самолично сдал плотву и треску вашему служителю. Толстый, с сигарой...

Так и есть — это был сгинувший служитель!

Вместе с ним исчезли и все схемы, чертежи, макеты, образцы ножиц, записи всех экспериментов...

Пережив огромное потрясение, Дуров, однако, не опустил руки, не отказался от мечты осуществить свою идею. Он намеревался начать все сызнова, обучив новых животных. Но для этого необходимы средства, которых у него не было. Дуров стал добиваться ответа от военных, но добиться ничего не смог. Его предложение путешествовало от генерала Мрозовского на колымаге российской военно-бюрократической машины. Генерал Мрозовский направил все материалы военному министру генералу Беляеву.

О дальнейшей судьбе своих документов Владимир Леонидович рассказал позднее: «В дни февральского восстания 1917 года в Петрограде к министру Беляеву явились революционеры. Беляев успел сжечь у себя в камине то, что не хотел показывать, и в том числе все мои труды с планами и чертежами».

Все погибло безвозвратно!

Но и на этот раз Дуров не сдался. Он снова принялся восстанавливать схемы, макеты, модели. Верный своему долгу, артист-патриот мечтал довести до конца начатое дело, честно полагая, что его опыты дрессировки животных для специальных целей могут содействовать усилению обороноспособности страны. Составив вновь все необходимые бумаги, Владимир Леонидович на этот раз направил их командующему Черноморским флотом.

Вплоть до самой Октябрьской революции документы В. Л. Дурова путешествовали из одной канцелярии в другую. Несмотря на то, что Дурова горячо поддержали моряки-черноморцы, в первую очередь главный минер флота капитан 2 ранга Николая — начальник Морского генерального штаба контр-адмирал Капнист отверг идею В. Л. Дурова как «сомнительную и навряд ли осуществимую». Временщики Керенского загубили проект русского патриота и гражданина Дурова. В первые дни Октября переписка по делу прекратилась, а все документы, связанные с ним, были подшиты в дело, которое за номером 2275 было сдано в архив Главного морского штаба...

При ознакомлении с материала-

ми этого уникального архивного дела невольно возникает вопрос: кто же отравил цианистым калием морских животных Дурова? Кому это было на руку?

Точно ответить на эти вопросы и таким образом полностью сорвать завесу тайны с этого события, — в настоящее время уже невозможно. Можно лишь тщательно проанализировать обстановку, в которой была совершена диверсия, а это позволит сделать некоторые выводы.

Прежде всего обращает на себя внимание такой чрезвычайно важный факт. Буквально через месяц после гибели животных и исчезновения служителя известный американский физик Роберт Вуд выступил с проектом, полностью идентичным дуровскому. Биограф этого ученого Уильям Сибрук писал, что Вуд «изумил всех, когда предложил тренировать тюленей для охоты за подводными лодками». Поставленные Вудом по заданию британского Адмиралтейства и секретной службы опыты на одном из озер в Уэллсе подтвердили, что «...тюленей действительно можно приучить гоняться за звуком винтов подводной лодки, а также, вероятно, и за запахом масла и выхлопных газов».

Конечно, в науке известно немало случаев параллельных и независимых открытий и озарений. Но в данном случае напрашиваются мысли о чрезвычайной подозрительности совпадения. Каким образом получилось так, что Роберт Вуд вслед за Дуровым, буквально всего лишь через несколько недель, повторил его опыты с ластоногими, и по той же самой методике? Разница заключалась лишь в том, что Владимир Дуров экспериментировал в специальном бассейне, а Вуд использовал для тех же целей естественный водоем — озеро, расположенное вдали от шумных дорог. В остальном все поразительно до деталей совпало!

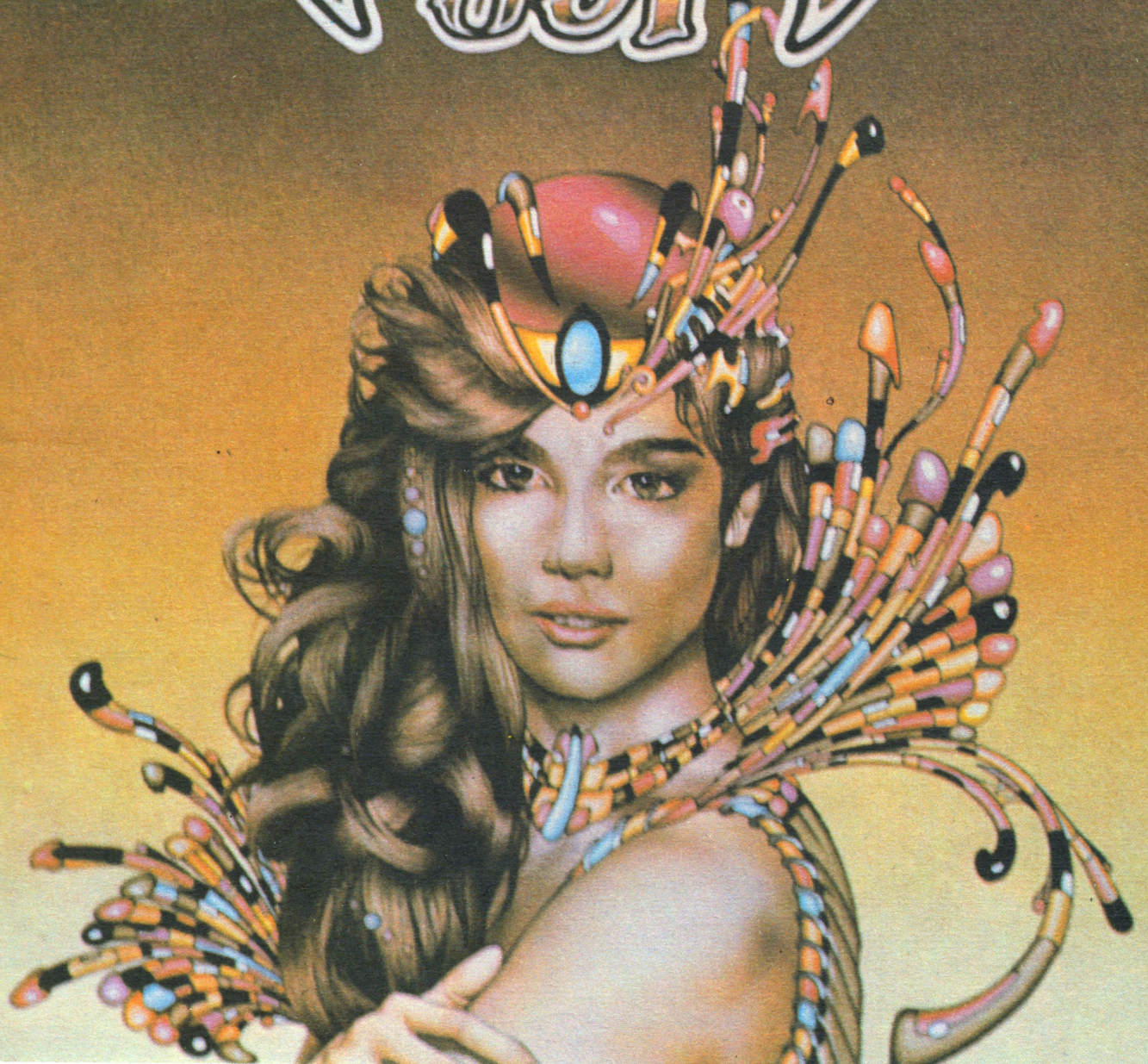
Уж не снабдила ли британская разведка физика Вуда материалами, выкраденными у Дурова его бывшим служителем?..

Сейчас уже невозможно установить, был ли диверсант, уничтоживший выдрессированных животных и похитивший документацию, английским или германским агентом. Возможно, этот «служитель» служил и английской, и германской разведкам. Обстановка в тогдашней России весьма благоприятствовала безнаказанной деятельности любых разведслужб...

Так или иначе, но черное дело диверсанты сделали.

Star Trek

391

ЛОВЛЯ ВЕТРА

Геннадий
ПРАШКЕВИЧ

Рисунки
Елены Крутских

ШПИОН ПРОТИВ АЛХИМИКОВ

1

Молчание, Эл, прежде всего молчание. Нарушая молчание, ты подвергаешь опасности не просто самого себя, ты подвергаешь большой опасности наше общее дело.

Альберт Великий («Тайнство Великого деяния») в устном пересказе доктора Хэссона

Чем дальше на запад, тем гласные шире и продолжительней. Пе-е-ендлтон, Ло-о-онгвю, Бо-о-отхул... Тяни от души, никто не глянет на тебя, как на идиота, бобровый штат осенен величием и ширию Каскадных гор.

Но Спрингз-6 не пришелся мне по душе. Вокзальчик полупустой, поезда, стремительно проходящие мимо, старомодный салун, старомодный слишком уж откровенно... Разумеется, я и не ждал толчеи, всегда царящей на длинных перронах Пенсильвания-стейшн или на бурной линии Бруклин — Манхаттан в часы пик, и все же Спрингз-6 превзошел все мои ожидания. Никто, похоже, не замечал моего появления, всем было наплевать на меня, и я преспокойно выспался в крошечном пансионе (конечно, на Бикон-стрит, никак по-другому аборигены Спрингз-6 назвать свою главную улицу не могли), прошелся по лавкам и магазинам (по всем параметрам они, разумеется, уступают самым мелким филиалам «Мейси», «Стерн» или «Гимбелс», но попробуй сказать такое бобрам из Спрингз-6) и даже посетил единственный музей городка, посвященный огнестрельному оружию. Там были очень неплохие экземпляры кольтов и винчестеров, но... Но черт с ним, с этим зрелищем! Главное, никто ко мне не подошел. Ни на узких улочках, ни в магазинчиках, ни в музее, ни в пансионате — никто! А если я вдруг ловил на себе взгляд, это обязательно оказывался взгляд какого-нибудь вечного зеваки, которому все равно на кого смотреть — на меня или на президента.

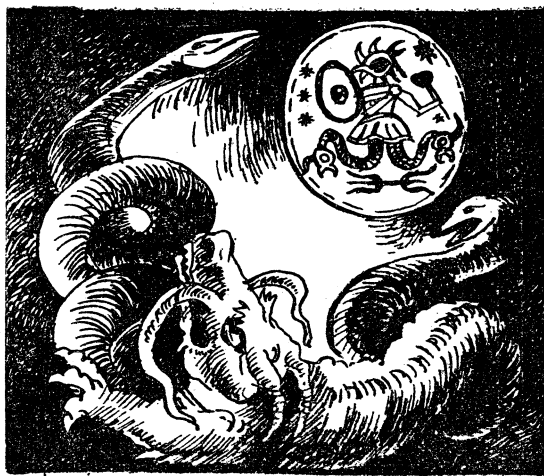
К вечеру я уже был на железнодорожном вокзале.

Не вокзал, вокзальчик. Ночной поезд подходил около полуночи. На этом, собственно, моя работа кончалась. Я войду в вагон, проследую три перегона и выйду на Спрингз-9 (эти биверы, бобры, как называют жителей этого западного штата, похоже, не стремились к разнообразию), где найду автовокзал, а там машину, оставленную на мое имя Джеком Беррименом.

Вот и все.

Но человек, который должен был подойти ко мне где-то на улочке Спрингз-6, или в музее, или в магазинчиках, так ко мне и не подошел. В сотый раз я прогулялся по перрону мимо касс и кассовых автоматов, в сотый раз заглянул в зал ожидания.

Народу было немного. Несколько фермеров (из тех, что тянут гласные особенно долго), несколько весьма пожилых мужчин, непонятно куда следующих, и компания малайцев, так я почему-то решил. Смуг-

лые, оливкового оттенка плоские лица, поблескивающие, очень темные, как бы влажные глаза, выпяченные толстые губы, кем еще им было быть, как не малайцами? И волосы — темные, прямые, чуть ли не по плечи. Они, малайцы, легко и быстро, по-птичь, болтали, я расслышал незнакомые слова — «кабут» или «кабус», а еще — «урат», голоса звучали низко, чуть в нос, но вдруг и по-птичь взлетали. Китайцев или японцев я бы определил, нет, это точно были малайцы, и я, помню, удивился их присутствию в Спрингз-6. Туристы? Но с ними не было гида. Студенты? Каким ветром их занесло в заброшенный городишко? Я этого так и не понял, а если честно, мне было все равно, как они сюда попали и чем здесь занимаются. Ну, да, острова, вулканы, фикусы и мимозы... Но это где-то там, далеко...

Пронизывающим ветерком тянуло со стороны гор, вдруг моросило.

Я подошел к кассе и постучал пальцем по толстому стеклу.

Кассир, еще не старый, но уже прилично изжеванный жизнью человек (явно из неудачников), опустив на нос очки, глянул на меня и вопросительно улыбнулся. Понятия не имею, почему он сидит в этой дыре, почему не покинет свою застекленную конуру, не возьмет пару кольтов в музей огнестрельного оружия и не устроит приличную бойню на фоне подожженной бензоколонки. Наверное, потому, что он сам из биверов. Настоящий бобер, и лицо у него было бобровое, в усиках, в плоской бороде. Уверен, будь у него хвост, он тоже бы, как у бобра, оказался плоским.

— Откуда тут коричневые братцы? — спросил я

кассира.— Не отличишь одного от другого. Тут же не Малайский архипелаг.

— Архипелаг? Они живут на островах?

— Кажется,— я неопределенно пожал плечами.— Тесно им стало, что ли?

Телерь кассир неопределенно пожал узкими плечами:

— Решили посмотреть мир.

— А народу, в общем, немного. Здесь всегда так?

— Ну-у-у...— протянул кассир (все же он был настоящий бизер).— На самом деле Спрингз-6 не такое уж глухое место

— Не похоже, чтобы вам грозил большой наплыв пассажиров.

— Для нас и лишней десятка уже наплыв.

Я понял. Я молча сунул в окошечко десятидолларовую банкноту. Кассир принял ее как бы нехотя, но уже не пожимал плечами, всмотрелся в меня внимательно:

— Если кого-то ищете не из местных... Прогуливался здесь один... Темно... Разгляди попробуй... И зрение сдает, совсем ни к черту...

— Ну да,— заметил я понимающе, просовывая в окошечко еще одну банкноту.— Возраст есть возраст. Зрение надо беречь. Великая штука зрение.

— Ну, он такой...— кассир глядя на меня с уважением, он был тертый бобер, хотя и неудачливый.— Шляпа не первой молодости... Долгопалое пальто... Оно даже мне показалось старомодным... Последний раз я видел такое лет десять назад на Сильвере Лаксте... Не могу сказать, что Сильвер был моим приятелем, но нам приходилось встречаться... Так вот, у него была слабость к старым вещам... Может быть, сэкономил... А этот человек, я говорю про вашего приятеля, он еще сутулился... Я сперва подумал: отец святой, но он закурил... Не знаю, может, святые нынче курят?

— На какой поезд он взял билет?

— У меня он билет не брал.

— Значит, он местный?

— Не думаю. Я тут всех помню..

— Куда же он делся?

— Он мог взять билет в кассовом автомате,— кассир откровенно дивился моему невежеству.— Если он это сделал, вы найдете своего приятеля в поезде. Других уже не будет до самого утра.

Я кивнул.

Я отошел в сторону, вытащил сигарету и щелкнул зажигалкой. Огонек вспыхнул, но его тут же задуло. Я снова щелкнул, и огонек снова погас. Я усмехнулся.

Это все доктор Хэссоп. Я торчал тут из-за него. Отправляя меня в Спрингз-6, шеф заметил: «Считай, Эл, это прогулка. Более легких заданий у тебя еще просто не было. Погуляешь по городку, потом к тебе подойдут. Никаких хлопот, Эл».

Это точно. Хлопот не было никаких. Человек, который должен был ко мне подойти, возможно заболел, попал под машину, неожиданно запил, а то и просто не захотел тратить время на ненужную встречу. В конце концов, он мог незаметно наблюдать за мной, и я ему не понравился. Это доктору Хэссопу повезло. Это к доктору Хэссопу подошел на улице человек — тощий, испитой, в берете, глубоко натянутом на лоб. Не скажешь, что благоденствующий, но и нищим не назовешь. Он подошел, глянул быстро по сторонам и шепнул доктору Хэссопу: «Хотите купить чудо?» Доктор Хэссоп всю жизнь гонялся за чудесами, он неторопливо вынул из кармашка сигару, неторопливо похлопал себя по карманам в поисках зажигалки и заметил с достоинством: «Если чудо настоящее...» — на что незнакомец, опять глянув по сторонам (он явно чего-то боялся), ответил: «Чудо не может быть ненастоящим», — и подпернул левый рукав достаточно потасканного плаща. Пальцы у неизвестного оказались

длинные, нервные, а безымянный был еще украшен перстнем, скорее всего медным (не из платины же). В гнезде для камня (сам камень отсутствовал) светила яркая крохотная точка. Доктор Хэссоп утверждал: чрезвычайно яркая.

«Прикуривайте...»

Доктор Хэссоп прижал кончик сигары к перстню. Он разжег сигару, он с удовольствием выдохнул дым. Он спросил: сколько может стоить столь необычная зажигалка? Незнакомец, оглядываясь, шепнул цифру, которая в тот момент показалась доктору Хэссопу нереальной. «Надо бы сбавить», — хладнокровно заметил он и услышал в ответ: «Милорд, я никогда не торгуюсь». Незнакомец нервничал — в нескольких шагах от них прогуливался полицейский. Возможно, присутствие полицейского и спугнуло его — он вдруг нырнул в толпу, и доктор Хэссоп тут же потерял его из виду.

«Но сигару я раскурил! Это невероятно, но сигару я раскурил!» Мы сидели в разборном кабинете Консультации, и доктор Хэссоп смотрел на меня и на шефа несколько растерянно.

Раскурил. Почему бы и нет?

Меня всегда удивляла энергия, с которой шеф и доктор Хэссоп гонялись за неведомыми изобретениями, энергия, с которой они постоянно искали выход на людей, ведущих тайно работы, казавшиеся мне бредовыми. В данном случае, впрочем, имелось нечто конкретное — странная зажигалка, упрятанная в гнезде перстня. Не мог весть что, но все же заманчиво.

Ехать в Спрингз-6 выпало мне.

Я, наконец, разжег сигарету.

Я не знал, как моя поездка связана с человеком, предлагавшим доктору Хэссопу купить «чудо», и связана ли она с ним, но именно это, в штате красных лесов, в краю шалфея, в краю тертых людей, в краю солнечного заката, наконец, в краю бобров на узкой улочке Спрингз-6, а может, в мелкой лавчонке, а может, в аптеке или на перроне ко мне должен был кто-то подойти. Ни шеф, ни доктор Хэссоп не знали, кто это будет и как он будет выглядеть. «Ты просто должен быть терпелив, Эл. Мы искали эту встречу почти восемь лет, мы добивались ее почти восемь лет. Через пять, через шесть руки мы все же вышли на человека, который способен такую встречу организовать. Тебе просто надо быть терпеливым».

Они не собирались объяснять мне детали. Подразумевалось, что я и не буду ни о чем спрашивать. Я взглянул на часы.

Минут через десять придет поезд. Если и сейчас ко мне никто не подойдет, я войду в вагон и уеду.

Из широко расставившихся дверей вокзала вывалила на холодный перрон компания малайцев. Десять, может, двенадцать человек, я не считал. Какой смысл? Все они были похожи друг на друга, у всех в руках были длинные, явно тяжелые саквояжки. Они неплохо прибрахилились в Спрингз-6 Шкуры бобров. Я усмехнулся. Где-нибудь в их Малайе только этого и не хватало. Я не понимал, что они тут делают. Чем хуже в каком-нибудь Куала-Лумпуре или другом городке с не менее змеиным названием?.. Они обтекали меня, низкорослые, крепкие, живые, я шагнул в сторону, чтобы не мешать им, и в этот момент тяжелый саквояж с силой ударил меня по колену.

— Полегче, братец!

В саквояже явно находились какие-то металлические детали. Его хозяин, маленький, смуглый, голова его еле доходила до моего плеча, что-то быстро сказал. Его голос прозвучал сердито, чуть ли не угрожающе, но больше всего мне не понравились его глаза — глубокие, черные, яростно посверкивающие. Глаза фанатика. Он сказал что-то еще, но его окликнули — «Пауль!» — кто-то из малайцев подхватил его под руку и увлек за собою. Он яростно оглядывался, но вер-

нуться ему не дали. Издали, из-за деревьев, уже прорываясь, дробился на рельсах яуч прожектора. Плевать я хотел на этого маленького малайца, если даже он угрожал мне. Гораздо больше меня трогало другое: ко мне так никто и не подошел. Был ли это человек в старомодном долгополом пальто, о котором говорил кассир? Я не знал этого. Оставалась последняя надежда: возможно, он отыщет меня в поезде...

Я помог войти в вагон фермерам с их стандартными ящиками и двум-трем старикам. Я незаметно оглядывался. Я дождался того момента, когда перрон совсем опустел. Стоя на подножке, я смотрел, как медленно поплыл от меня перонный фонарь. Да, в Спрингз-6 ничего не случилось.

2

*Еще место работы, Эл,
выбирай его тщательно.
Выбирай его так, чтобы оно
не бросалось в глаза,
чтобы оно всегда было
для тебя удобным.*

Альберт Великий («Таинство Великого деяния») в устном пересказе доктора Хэссона

Я вошел в третий от головы поезда вагон. Всего их, кажется, было семь. Я еще удивился: для кого, собственно, пускают ночью семь вагонов? Малайцы вряд ли пользуются этой линией часто, а те три фермера с ящиками, которым я помогал, вполне могли бы ехать и утром. Старики в счет не шли. Почему бы им не поспать в ночном поезде? Может, скорость, погромыхивание колес на стыках скрашивают их ночное одиночество? Удивил меня и подвыпивший усатый фронт в распахнутом плаще, из-под которого виднелся темный костюм прекрасной тонкой шерсти. В руках у него была тяжелая деревянная трость. Присев, он положил на нее руки и высокомерно, даже презрительно поглядывал на моих бобров с ящиками, потом голова его опустилась, он подался к стене и скоро уснул. Мне было все равно, куда он едет, откуда возвращается. Ничто в его биографии меня не интересовало и не могло интересовать.

Я вышел в тамбур.

Мне не повезло, дело не выгорело. Я запоздало подумал: послать в Спрингз-6 могли и Шмидта. Он человек терпеливый, он бы получил удовольствие от прогулки по городу — он вырос в таком же.

Я смотрел за окно.

Деревья действительно красноватые... Наверное, под ними и растет шалфей... Легко и влажно несло из-за окна прелыми листьями... Где-то там, за буграми, за откосами есть настоящие ручьи, перегороженные настоящими бобровыми плотинами...

Осень...

В Спрингз-6 никто ко мне не подошел. Почему?

Доктор Хэссон, конечно, умел увлекать, но шефа не соблазнишь пустыми прожекторами. С нескрываемым интересом шеф отнесся к рассказу о незнакомце, пытавшемся продать «чудо». Это ж какая температура должна быть в гнезде перстня, чтобы разжечь сигару? И это обращение — милорд... Странное по нашим временам обращение. Оно звучало бы иронично, не будь обращено к доктору Хэссону. Может, впрямь тот человек был человеком алхимиков, этих таинственных мастеров, и в наши дни продолжающих поиск философского камня? Этих загадочных творцов, что, незамеченные и незаметные, влияют тем не менее на судьбы мира? Этих непонятных людей, чье существование всегда мучило и волновало доктора Хэссона и на связь с которыми он терпеливо искал выхода чуть ли не полжизни?..

«Тебе открою тайну, но от прочих я утаю эту тайну, ибо наше благородное искусство может стать источником и предметом зависти. Глупцы глядят заискивающе и вместе с тем надменно на наше Великое деяние, потому что им самим оно недоступно. Они поэтому полагают наше Великое деяние отвратительным, не верят, что оно возможно... Никому не открывай секретов нашей работы. Остерегайся посторонних. Дважды советую тебе: будь осмотрительным!»

Алхимики... В наше время? Я усмехнулся.

Ни один коллега доктора Хэссона не стал бы и рассуждать на эту тему всерьез, да, собственно, и сам доктор Хэссон, говоря об алхимиках, имел в виду вовсе не всю эту необычайно широкую область, что включает в себя и религию, и философию, и магию, и науку, и искусство, — он говорил о неких тайных мастерах, до сих пор объединенных в великий союз, в одну скрытую от чужих глаз великую мастерскую. Не случайно здесь рядом с наукой всегда стоит искусство, всегда стоит артистизм, ведь именно они позволяют одной и той же кистью одному мастеру создать лишь простенький рисунок, а другому Джоконду. А разница между простеньким рисунком и Джокондой, несомненно, есть.

Алхимик — художник, прежде всего художник. Алхимик всегда изготавливает единичную, уникальную вещь. Глупо утверждать, говорил доктор Хэссон, что алхимики вымерли, как вымерли динозавры или кондоптеры. Искусство бессмертно. Тайные мастера знают и хранят не только технологию, но владеют еще и магией слов. Бессмысленные для непосвященных, те открывают мастеру вход туда, куда никогда не заглянет человек случайный. Глупцы, домогавшиеся великих тайн, уходили ни с чем, ибо забывали о том, что магия этих слов — искусство. Что имели, то и теряли. Глупец становился безумцем, богат бедняком, философ — болтуном, приличный человек напрочь терял всякое приличие...

Тайна. Великое деяние...

Философский камень... Великий магистерий...

Я сам листал досье, которое доктор Хэссон вел чуть ли не с начала тридцатых годов. Кое о чем я, разумеется, знал и раньше. Раймонд Луллий, алхимик, заточенный королем в лондонскую башню, откупался монетами, отчеканенными из золота невероятных проб. Арнольд из Виллановы получал не менее чистое золото. Фламель в четырнадцатом веке добывал еще и алхимическое серебро. Джордж Рипли снабжал рыцарей ордена Иоаннитов, расположившихся на острове Родос, столы же таинственным и чистым металлом. Знаменитый Ван Гельмонт на глазах потрясенных свидетелей получал чистейшее золото из простой ртути...

Но если бы только история.

В том же досье хранились документы, связанные с золотом, более чистым, чем природное, всплывающим время от времени и на наших рынках; с судьбой неких изобретений, могущих повернуть, а то и остановить человеческую историю; с трагической участью неких исследователей, вдруг ни с того ни с сего взлетавших на воздух при никем еще не объясненных взрывах...

Алхимики? В наши дни?.. А почему нет?.. Разве нет чего-то высшего в самом этом желании вступить в прямое состязание с природой, творить наравне с нею? В конце концов, любой человек, старающийся при помощи химических реакций и магических заклинаний понять, что в нашем подлунном мире возможно, а что невозможно, и если невозможно, то почему, в каком-то смысле является алхимиком.

Искусственное золото? Философский камень?.. Почему нет?

Особенно философский камень... Великий магисте-

рип... Уроборос... Две змеи, красная и зеленая, пожирающие друг друга.

Философский камень.

Вещество, способное расплавлять стекло, укрупнять жемчуг, превращать ртуть в золото... Вещество, способное исправлять испорченные кислые вина, разглаживать морщины, обезбечивать веснушки. Одно лишь последнее могло бы дать Консультации миллионы... Вещество, снимающее опьянение, возвращающее память, охраняющее от огорчений и от тоски... Вещество, способное возвращать к жизни умирающих! «Если бы только умирающий мог взглянуть на камень, то ослепленный красотой его и потрясенный его достоинствами, он воспрял бы, отринув увечья, в полном здравии».

И только ли это.

«У того, кто употребляет камень, в один прекрасный день может открыться внутреннее зрение, снимающее покровы с божественных тайн и открывающее новое — высокое и небесное — боговдохновенное знание. Камень так очищает и иллюминирует тело и душу, что тот, кто обладает камнем, видит, как в зеркале, движение светил... Для этого ему вовсе не надобно глядеть на небо — окна комнаты могут быть закрыты...»

Философский камень...

Доктор Хэссоп обожал архаичную терминологию. Я относился к ней просто. Философский камень? А почему, скажем, не просто катализатор? Универсальный катализатор, способный трансмутировать ртуть в золото? Универсальный, единственный, как сам Космос... Интересы шефа и доктора Хэссоба здесь смыкались: владея философским камнем, ты становишься королем вещей.

Но как его получить?

Раймонд Луллий, алхимик, имя которого я уже называл, считал это делом непростым, но вполне возможным.

«Чтобы приготовить эликсир мудрецов, или философский камень, возьми, сын мой, философской ртути и накаливай, пока она не превратится в красного льва. Нагревай этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камееобразное вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмазанную глиной реторту и не спеша дистиллируй. Собери отдельно жидкости различной породы, которые появляются при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост...»

Ну и так далее. Я усмехнулся.

Ладно, золото, более чистое, чем природное... Ладно, философский камень, великий магистерий... Ладно, даже перстень, в гнезде которого затаен адский огонь... Но где человек, который не подошел ко мне на улицах Бобрового городка Спрингз-6? Какая тайна стоит за ним? Может, и впрямь порошки для получения наследства, те тончайшие яды, следы которых в организме человека не может обнаружить самый дотошный анализ? Или секрет герметической закупорки, которым владели алхимики? В их сосуды при нагревании не могла проникнуть даже окись углерода, а она ведь проникает и сквозь керамику, и сквозь металл. Или греческий огонь? Ни один даже самый либеральный режим, я уж не говорю о режимах жестких, не отказался бы от вещества, действие которого во много раз превосходит действие напалма...

Ладно, решил я. Не все ли равно?... Если шеф отправил меня в Спрингз-6, значит, поиск неизвестного человека стоит наших усилий. Понятно, гоночные моторы, электроника, радарные тормоза, парфюмерия — дело более ясное и конкретное, но почему, собствен-

но, нам отказываться от порошков Нострадамуса, дающих человеку некие невероятные парапсихологические возможности, от «кнапитка забвения», безболезненно лишающего памяти вполне здорового человека, или, скажем, от секрета холодного свечения? Известно, что обыкновенный светлячок светится благодаря люциферазе, органическому катализатору, известная и состав люциферазы, но кто может убедительно воспроизвести названное явление в промышленных масштабах? А ведь судя по сведениям, почерпнутым из старинных рукописей, алхимики работали при самодельных лампах холодного свечения, и эти лампы, не нагреваясь, светили десятилетиями.

Алхимики...

Тьму грязных закоулков средневековых трущоб, тьму подземелий готических замков, тьму тайных лабораторий, укравшихся от чужих глаз в трущобах Каира или старого Лондона, веками вспарывали палевые отсветы алхимических горнов. Бессонные ночи, свинцовая пыль, воспаленные глаза, ртутные пары, синие извивы серного пламени... Возможно, алхимикам иногда везло. Тогда перед их изумленными взорами светилась вдруг щепоть странного вещества. Оно обжигало, оставаясь холодным. Оно почти не имело веса. Оно всегда оставалось почти прозрачным.

Алхимики... Их отлучали от церкви, подвешивали на крюках, сжигали прилюдно на городских площадях... Но если доктор Хэссоп прав, они и сейчас продолжают свои таинственные исследования.

Я верил доктору Хэссопу. Если эксперимент описан, эксперимент всегда можно повторить. Правда, надо иметь ясное его описание.

Доктор Хэссоп (в тот вечер шеф и я сидели в его домашнем кабинете) усмехнулся. Помедлив, он повел головой в сторону гравюры, украшавшей одну из стен. Создание монаха-бенедиктинца Василия Валентина (по моим сведениям, такого монаха в орденах бенедиктинцев никогда не было) — одна из двенадцати гравюр-ключей, иллюстрировавших трактат, посвященный Великому деянию.

— Что ты видишь на гравюре, Эл?

Я присмотрелся.

Король в мантии, в шляпе, с жезлом в руке; королева, любующаяся цветком; за спиной короля каменный замок, роща непонятных лиственных деревьев: в левом углу гравюры лисица прыгает через огонь, в правом старик занимается своим, мне непонятным делом...

— Написано натурально.

— «Натурально»!.. — Доктор Хэссоп укоризненно поморщился. Он, конечно, уловил мою иронию, но не желал ее принимать. — Это ключи, Эл. Это и есть ключи к тайне Великого деяния. Солнце — золото, Луна — серебро, Венера — медь...

Он мог и не объяснять, символика старых гравюр была мне знакома. Я сам мог ее продолжить: волк с открытой пастью — сурьма, старик, он же Юпитер — олово... Лисица ест петуха, огонь гонит лисицу... Разумеется, не каждый поймет, что речь идет всего лишь о процессах растворения и кристаллизации...

— Что толку в ключах, — хмыкнул я, — если сама тайна утеряна?

— Тайну можно найти.

— Ну да... — Я усмехнулся. — Шептать магические слова... Перемешивать в тигле пепел сожженного еретика с золой, взятой с места сожжения...

— Эл, — укоризненно покачал головой доктор Хэссоп. — Все вещи состоят из атомов, каждый атом занимает свое вполне определенное место. Поменяй атомы местами, изменится вся вещь. Нам совсем не обязательно читать заклинания над тиглем, это лучше получается у самих алхимиков. Наше дело — найти их!

— Но где они?

— Чтобы отвечать на такие вопросы, мы и создали Консультацию, Эл.

Он повернул голову, и шеф, обрюзгший, усталый, но весь внимание, утвердительно кивнул. Он поддерживал доктора Хэссона, он был уверен, что доктор Хэссон, как всегда, на верном пути.

Впрочем, я тоже отдавал должное доктору Хэссону. Доктор Хэссон умел говорить убедительно.

Ртуть, влажная и холодная, и находится во чреве земли. Ртуть, горячая и сухая, она же — материя металлов. Природа ртути холодна и влажна. Все металлы сотворены из нее. Ртуть смешивается с железом, и ни один металл не может быть озолочен без помощи ртути. Она плотна и суха. Небольшая трансформация — и ртуть превращается в золото, чистое более, чем природное. Совсем небольшая трансформация, нужно лишь выбить из ядра ртути один протон. Этого достаточно, чтобы ртуть превратилась в золото, а частично в платину, в таллий, в другие стабильные изотопы ртути.

— Осталось лишь доказать, — усмехнулся я, — что древним алхимикам была известна тайна холодной ядерной реакции. Не многовато ли?

— Почему многовато? — Доктор Хэссон нимало не был смущен моими словами. — Такую реакцию вполне можно осуществить, если иметь под рукой некое вещество, способное активно испускать антипротоны. Ты, Эл, возьмишь утверждать, что философский камень, великий мастерий, не был таким вот веществом? Сам подумай, что бы произошло, опусти мы гран подобного вещества в лужу ртути? Антипротоны незамедлительно вошли бы в реакцию с протонами ядер ртути. Иными словами, лужа ртути прямо на глазах превратилась бы в лепешку золота. И, в сущности, такое вещество, Эл, довольно легко представить. В нем нет ничего, что показалось бы нам диким. Оно должно всего лишь иметь кристаллическую структуру и не проводить электричества. Тогда его кристаллическая решетка будет усеяна некими «дырами» — своеобразными капканами для электронов. Попадая в подобную «дыру», — я, естественно, несколько упрощаю картину, Эл, — электрон может оставаться в ней какое-то время, но вот антипротон, Эл, останется там практически навсегда, пока по какой-то причине не распадется сама кристаллическая решетка... А это, в принципе, и есть философский камень, Эл! — Доктор Хэссон откровенно торжествовал. — Понятно, ты спросишь: откуда на Земле такое? Где искать следы?.. Да все там же, Эл, где-то здесь, на Земле, она не столь уж обширна... Скажем, Тибет, камень Чинтамани, таинственный, непонятный камень. Когда крылатый сказочный конь Лунгта, способный пересекать Вселенную, принес на себе из созвездия Орион шкатулку с четырьмя священными предметами, среди них находился и камень Чинтамани. Говорят, его внутренний жар может оказывать на человека сильнейшее психологическое воздействие. Может быть, речь идет о радиации? А изменением своих качеств камень Чинтамани раскрывает перед посвященными тайны будущего... Большая часть камня Чинтамани со дня его появления на Земле хранится в башне Шамбалы, в обители мудрецов Махатм, но отдельные его кусочки, возможно, появляются время от времени в самых разных частях света... Тот странный камень, — напомнил он нам. — Не от камня ли Чинтамани я разжег свою сигару?... Если так, значит, и сейчас есть люди, владеющие не известными нам знаниями.

Он медленно процитировал:

— «И те первые люди преуспели в знании всего, что есть на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренности земли. Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте. Они сразу видели весь мир, не делая даже попыток двигаться; они видели

его с того места, где находились...» Я цитирую древний текст, Эл. «Пополь-Вух» — название этого свода должно быть тебе известно... Я убежден, есть скрытые знания, хранящиеся в руках немногих людей, пекущихся о судьбе человечества... Величественный противник, не правда ли? Разве ты не хотел бы схватиться с таким противником?... В конце концов, таинственный камень Чинтамани, он же и философский камень, мог попасть на Землю самым естественным путем — в виде метеорита... А если это так, Эл, то почему им владеет не Консультация?

Вопрос был сильный. Я пробормотал:

— Вы узнаете истину, и истина сделает вас свободными...

Доктор Хэссон кивнул. Он был очень серьезен. Он сказал:

— Теперь о главном.

Мы с шефом переглянулись.

Золото, более чистое, чем природное, антивещество, способное сохраняться в земных условиях, порошки для получения наследства, порошки Нострадамуса, напиток забвения, греческий огонь, герметичная закупорка, холодные лампы, светящие вечно, — и все это еще не главное?

Я был восхищен.

Ну да, я понял доктора Хэссона. Если существует священный камень Чинтамани, если существуют тайны алхимиков, значит, должна существовать и некая каста, хранящая столь важные знания. Возможно, каста эта считает, что все вышеперечисленное вовсе не пойдет на пользу человечества, как, скажем, не пошло ему на пользу ядерное оружие. Есть много вещей, весьма привлекательных для человечества, но столь же для него опасных. Почему кому-то не взять на себя миссию охранителей, раз уж человечество обожает играть в войны? К слову, великий Ньютон нисколько не сомневался в существовании тайных, скрытых от нас знаний и, естественно, неких обществ, охраняющих эти знания.

Доктор Хэссон процитировал:

— «Существуют и другие великие тайны, помимо преобразования металлов, о которых не хватает посвященные. Если правда то, о чем пишет Гермес, эти тайны нельзя постичь без того, чтобы мир не оказался в огромной опасности...»

Доктор Хэссон внимательно взглянул на меня.

Известно множество сохранившихся с древних времен рукописей алхимиков. Тысячи алхимиков спешили изложить на пергаменте и на бумаге некие сведения, которые казались им чрезвычайно важными, которые не должны были исчезнуть вместе с ними. А с некоторых времен работы их стали подпадать под некий тайный контроль... Чей?... Точного ответа нет, можно только догадываться... Еще в третьем веке до нашей эры индийский император Ашока, потрясенный видом поля боя, усыпанного истерзанными окровавленными трупами, навсегда отказался от войн, от любого насилия и посвятил свою жизнь наукам, основав, возможно, одну из таких вот тайных каст хранителей и оберегателей опасных знаний. Общество это — или каста — вошло в историю под названием Девяти Неизвестных, и разве существовало оно одно?

— Вы думаете, такие общества могут существовать и сегодня?

— Что может им помешать? Деятельность подобных обществ не может быть прерывистой.

— И они могут хранить тайны не известного нам оружия?

— Разумеется.

— А доказательства? Следы?

Доктор Хэссон неторопливо откинулся на спинку удобного кожаного кресла:

— Доказательства? Ты же листал досье, Эл... А этот перстень с огнем в гнезде... Разве этого мало?

Мы помолчали. Потом шеф сказал:

— Конечно, мы рискуем, Эл. Но чем мы рискуем? Средствами.

— Не только,— усмехнулся я.— Кое-кто рискует и жизнью.

— Это так. Но риск—это твоя работа. А любая находка, связанная с алхимиками, может подарить Консультации невероятные возможности, Эл...

— И вы знаете, где искать? Вы нашли выход на алхимиков?

— Мы не знаем, Эл, выход ли это, но кое-что мы нащупали. Это очень тонкая ниточка, с такими умеешь работать только ты. Ты отправишься на станцию Спрингз-6, это совсем крошечная станция в бобровом штате. Все, что от тебя потребуется, Эл, это терпение. Ты будешь гулять по улицам, заходить в аптеки и в лавки, бро-

наклонил голову и смотрел на меня холодно, с полным пониманием ситуации.— Глазное, чтобы этот человек подошел к тебе. Если он подойдет, мы уверены в успехе. Если он подойдет, ты обязан вырвать у него адрес. Как— это уже твое дело. Я знаю, ты все умеешь, Эл. В данном случае ты абсолютно свободен в действиях, и пусть тебя ничего не смущает.

Доктор Хэссоп согласно кивнул. Было видно, что они много обо всем этом думали. Есть немало вещей, что развязывают язык самого сдержанного, самого молчаливого человека. Чтобы кого-то разговорить, совсем не нужен испанский сапог...

— Спрингз-6— убогое, заброшенное местечко, Эл.

Я кивнул. Я уже проглотил информацию. Ничего больше они мне не обещали, но дело выглядело достаточно ясным. Я уже собирался встать, когда шеф,

дить по перрону, думать о вечности. Потом к тебе подойдет человек.

— Думать о вечности, это обязательно?

— Можешь думать о девочках, Эл, это неважно.

— А потом ко мне подойдет человек... Как я его узнаю?

— Тебе не надо его узнавать. Он сам узнает тебя. Мне не нравится такой подход, но мы были вынуждены согласиться на это. Никаких других условий у нас не приняли. Человек, который к тебе подойдет, возможно, и выведет нас на алхимиков.

— И что он мне передаст? Золото, более чистое, чем природное? Порошки Нострадамуса? Философский камень?

— Не шути так, Эл. Он назовет тебе адрес. Я не знаю, что это будет за адрес. Может, предместье Каира, может, катакомбы Александрии. А может, это будет мадрасский или афинский адрес, я ничего не знаю, не могу даже предполагать. Но если, Эл, мы получим адрес, нас ничего уже не остановит.

— А если он раздумает? Если он не назовет адреса?

— Именно поэтому мы посылаем тебя, Эл,— шеф

будто вспомнив что-то, сунул руку в карман и извлек из него фотографию.

— Вот кстати,— заметил он,— ты помнишь этого человека?

Я засмеялся:

— Надеюсь, в Спрингз-6 ко мне подойдет не он? Шеф строго наклонил голову.

— Разумеется, не он. Но этот человек, Эл, нас тоже интересует. Уверен, при встрече надо ему помочь.

Человека, изображенного на фотографии, я, конечно, узнал.

Бобровый штат не случайно называют еще штатом тертых людей. В свое время они шли с востока, шли долго, они осели в этих краях прочно. Их скрипучие фургоны, их длинностовольные ружья вселяли ужас в индейцев. Но человек с фотографии попал в бобровый штат не на фургоне. Он попал туда с воздуха

— Внимательно приглядывайся к людям, Эл, ты

это умеешь. Внимательно приглядывайся к каждому человеку.

В Спрингз-6 я приглядывался к каждому человеку, не моя вина, что нужный человек ко мне так и не подошел...

Я вздрогнул.

Где-то в голове поезда щелкнуло несколько выстрелов (похоже на автоматные), поезд дернулся и, кажется, начал сбавлять ход. Не знаю почему, но я вдруг вспомнил о маленьком малайце, которого его приятели назвали Паулем. Он мне страшно не понравился при нашей стычке, на перроне, и сейчас, услышав выстрелы, я почему-то вспомнил о нем.

Хлопнула дверь тамбура. Я оглянулся.

Предчувствия меня не обманули: это были малайцы. Их было двое, и один из них ткнул меня в бок

Я не возражал.

Они не казались теперь шумливыми, как полчаса назад на перроне, зато я никак не мог подсчитать — сколько их? Они входили и выходили, все были похожи друг на друга, и то я вдруг убеждал себя, что их не более семи, то вдруг начинало казаться, что их не менее дюжины. Впрочем, благодаря натренированной памяти, я сразу смог выделить из них троих и прежде всего, конечно, Пауля — того самого, с кем столкнулся на перроне. Он тоже не забыл об этом, он остро, он нехорошо косился в мою сторону, чем-то я его здорово задел. Второй, некто Йооп, так запомнилось мне его имя, сразу присел в углу вагона и, зажав автомат между ног, сидел там тихо, похожий на обезьяну, обряженную в спортивный костюмчик и в мягкий тонкий берет. Третьего из тех, кого я выделил, звали Роджер, похоже, малайцы его слушались. По крайней мере, именно к нему бежали

стволом короткого армейского автомата. Теперь я понял, чем были заполнены их тяжелые саквояжи... Понял и то, что сопротивляться бессмысленно.

3

*Начни свое дело в срок
и вовремя его кончи.*

*Совсем не спеши,
не надо спешить,
зачем нам спешить, Эл?*

*Но никогда не медли,
медлят проигрывающие.*

Альберт Великий («Тайнство Великого деяния») в устном пересказе доктора Хэссона

Оказалось, малайцы знают не только свой пронзительный носовой язык. Обыскав меня, внятно и ясно, даже не прибегнув к помощи прикладов, они объяснили мне, куда я должен пройти и где должен сесть.

Как ни странно, Роджера это нисколько не портило, и со шрамом на щеке он выглядел привлекательнее своих приятелей.

Что касается пассажиров, которых согнали в вагон со всего поезда, их оказалось меньше, чем я думал — человек тридцать, от силы тридцать пять. Они даже не заполнили вагон. Среди них я увидел, естественно, усатого франта в отличном тесном костюме из тонкой шерсти (плащ он держал в руке) и с резной тростью. Он явно был с юга, от него так и несло магнолиями.

Здесь же сидел мамалыжник из Теннесси, он сам так представился. Он ехал в гости к сестре и экономил на ночном поезде. Совершенно растерянный, он успел это рассказать за считанные минуты. Казалось, он ждал утешения, но ему понимающе кивнули лишь фермеры, постаравшиеся как можно поглубже заткнуть под сидения свои ящики. Явно потомки мормонов и сами мормоны — плотные, белобрывые, нравственные, трудолюбивые. Не знаю, почему я так подумал,

они с вопросами. А запомнить его было легче всех — левую его щеку пересекал короткий, грубо залеченный шрам.

скорее всего по ассоциации все с той же «Книгой Мормона».

Остальные, видимо, были местные — пожилые люди, смиренные, как бобры. Никто из них ни в чем не перечил малайцам, впрочем, и малайцы не вели себя грубо. Бросив на пол пару пластиковых мешков, они подняли на ноги меня и мормонов:

— Быстро! Заклеить окна!

В мешках оказались старые газеты и клейкая лента.

Мормоны и я, а потом еще два бивера-добровольца, взялись за дело. Поезд к этому времени остановился, похоже — посреди большой лесной поляны, но, может, я просто не видел в темноте деревьев. Малайцы сосредоточились у входов, среди них стоял и Пауль, я старался не оборачиваться в его сторону. Но даже Пауль забыл про меня, так малайцев заворожили мормоны. Они действительно умели трудиться, они трудились аккуратно и споро, они трудились, как пчелы, очень скоро окна были заклеены газетами.

Я воспользовался моментом.

— Кажется, там стреляли... — Я кивнул в сторону, где должен был находиться локомотив. — Надеюсь, никто там не пострадал?

Роджер, человек со шрамом, усмехнулся:

— Машинист корчил из себя героя. Его пострелили. — И пояснил: — Нам нужны не герои. Нам нужны заложники.

— Где мы остановились?

Роджер счел меня слишком назойливым:

— Сядь на свое место и помолчи.

Он был чуть ли не вдвое ниже меня, но оружие давало ему абсолютное преимущество. Я пожал плечами.

— Может, машинисту нужна помощь? Я умею перевязывать раны.

— Помощь? Машинисту помощь уже не нужна.

Двери со стороны локомотива вдруг раздвинулись, вошли еще два малайца, оба с автоматами. Они удовлетворенно взглянули на заклеенные окна, а потом рассадили пассажиров парами, заодно связав створки раздвижной двери крепкой тяжелой цепью, извлеченной из кожаного саквояжа. На эту же цепь, работая осторожно, вдумчиво, они подвесили на растяжках три рубчатых медных цилиндра, видимо, начиненных взрывчаткой. Я поежился, заряд был не мал. Подтверждая мои подозрения, Роджер, человек со шрамом на щеке, беззлобно объяснил: сунетесь к двери, попытаетесь их открыть, весь вагон разнесет в щепы.

Сказанное не дошло только до очнувшегося наконец усатого франта. Полусонный, он вдруг заговорил, не теряя своего высокомерного вида:

— Спрингз-9?

— Нет, — смиренно ответил один из мормонов. Его круглые щеки были залиты бледным румянцем.

— Спрингз-8? — удивился фронт, стараясь не терять своего высокомерия.

— Эй, ты! — крикнул кто-то из малайцев. — Заткнись! Никто еще никуда не приехал!

— Как так? — по-настоящему удивился усатый фронт. — Почему же мы стоим? Где мы стоим? Мы ведь стоим? — Он тяжело приподнялся, опираясь на свою резную трость. — Я, пожалуй, прогуляюсь.

Он ничего не понимал.

— Сядьте, — негромко подсказал я франту. — Вы сведете себя неправильно.

— Эй, ты! — Малайцы уже не шутили. — Сядь и заткнись! Вы — заложники. Если наши требования будут приняты, мы вас отпустим. Если этого не случится, мы расстреляем всех.

Это дошло даже до усатого франта. Он сразу потерял свой высокомерный вид:

— Расстреляете?

— Не задумываясь, — твердо ответил Роджер. Ни один мускул не дрогнул на его коричневом лице. — Мы просто вынуждены будем это сделать.

— Но кто вы? — спросил я.

Роджер взглянул на меня без улыбки, его английская речь была правильной:

— Южные Молукки. Приходилось слышать?

Я наморщил лоб. Ну да... Фикусы, мимозы, дуриан, древовидные папоротники... Еще обезьяны, похожие на собак, жемчуг и пряности... Наверное, вулканы... Впрочем, в последнем я не был уверен.

— Южные Молукки? Но это же Индонезия!

— Вот именно — Индонезия, — произнес с отвращением Роджер. — А Южные Молукки должны быть Южными Молукками. Республика Южных Молукк — независимая и свободная, — произнес он горделиво. — Мы требуем только своего, мы не покушаемся на чужое. Индонезия Индонезией, а Южные Молукки — это Южные Молукки!

— Но почему вы ищете свободу так далеко от своей страны?

— Мы ищем ее не только здесь. Мы ищем ее в Индонезии и в Голландии. В конце концов, — усмехнулся Роджер, — все началось с Голландии, это она владела нашими островами. Пора пришла — Южные Молукки должны стать свободными. Сейчас, в это время, — глянул он на наручные часы, — наши люди в Амстердаме штурмуют представительство Индонезии. Мы хотим, чтобы весь мир узнал о наших проблемах. И ваша страна тоже.

— Поэтому вы и застрелили машиниста? Он же, наверное, никогда не слышал о ваших Молукках.

— Мы ни перед чем не остановимся.

— Я вижу... — пробормотал я.

— Заткнись! — это крикнул Пауль. Он явно нервничал. Он издали смотрел на меня, и его маленькие кривые зубы были крепко стиснуты. Я невольно вспомнил слова шефа: «Все, что от тебя потребуется, Эл, это терпение. Ты будешь гулять по улицам, заходить в аптеки и в лавки, бродить по перрону, думать о вечности...» Кажется, он так и сказал. Самое время подумать о вечности.

— Послушайте, — спросил я малайца со шрамом на щеке, Роджера, — вы христианин?

— Да, — ответил он, — я католик.

Мормоны неодобрительно переглянулись.

— И вы аккуратно посещаете воскресные обеды?

— Конечно.

— И искренне верите в рай и в ад?

Роджер выглядел озадаченным:

— Я верю всему, чему учит святая церковь.

— И любите ближних своих, как нам завещал Иисус?

Вытянув шею, пассажиры и малайцы внимательно прислушивались к нашей беседе.

— Ну да, — озадаченно подтвердил Роджер.

— Но вы же преступаете сейчас все христианские заповеди.

Малаец возразил:

— Нас вынудили. Нашу страну угнетают.

— Разве это делаем мы?

Малаец промолчал. Зато из-за стены вагона где-то невдалеке слышался рев мотора, потом истошно завывала сирена.

— Это солдаты, — сказал я. — Они окружают поезд.

Теперь все смотрели на малайцев. Надо отдать им должное, услышав про солдат, они чуть ли не повеселились.

— Прекрасно, — сказал Роджер, и впервые за это время неровный шрам на его щеке дрогнул. — Этого мы и хотели.

Он добавил что-то еще, звучало как «тодью», но этого слова я не понял.

— Иди сюда,— Роджер поманил меня к двери маленькой коричневой рукой, которую я, без сомнения, мог перебить ударом ладони, но в другой руке Роджера находился автомат — я послушно приблизился.— Сядь. Пауль, привяжи его.

Пауль незамедлительно и тщательно выполнил приказ. Он привязал меня капроновым шнуром прямо к цепям, на которых висели цилиндры с взрывчаткой. Попробуй я подняться, от нас ничего бы не осталось. Хорошо еще, я мог сидеть, а это уже утешало.

— Ослабьте узлы,— попросил я.

Пауль нехорошо взглянул на меня, но Роджер кивнул, и узлы были немного ослаблены.

— Пауль! Йооп! — приказал Роджер.— Вы останетесь в вагоне. Если кто-то захочет уйти или хотя бы сорвать газету с окна, стреляйте без предупреждения.

Торопясь, он повел своих людей в тамбур.

И только сейчас я увидел напротив себя еще одного человека, раньше его скрывала от меня высокая спинка кресла.

Этот человек был тощ и нескладен, он, моргая, без всякого удивления смотрел на меня. Толстый плащ, точнее пальто, он держал на коленях, и больше при нем ничего не было, ни сумки, ни чемодана. Но он не походил на бивера, он явно был приезжим — невыразительный, серый, медлительный человек, казалось, ни на что не обращавший внимания.

Где-то за вагоном ударили выстрелы. Стреляли, наверное, поверх вагона, ни одна пуля не ударила в стенку или в стекло. Дальняя дверь раздвинулась. Кто-то из малайцев крикнул:

— Пауль, солдаты хотят штурмовать поезд! Возьми того, что с усами!

Пауль незамедлительно сдернул с сиденья усатого франта. Тот чуть не упал, но все же удержался на ногах, и вид у него теперь был униженный и больной — он расплачивался за пьянство. Опасливо прислушиваясь к длинной пулеметной очереди, он прошел впереди Пауля к выходу. Йооп из угла настороженно следил за нами, но никто не шелохнулся. А затем в соседнем вагоне один за другим гулко ударили три выстрела.

«Это первый... — мрачно подумал я. — Они держат слово...»

Кисти рук были связаны, но я свободно мог шевелить пальцами. Я ими и шевелил, чем мне было еще заняться? На сиденье рядом со мной валялась дешевая авторучка — из тех, что заправляются баллончиками. Наверное, ее оставил кто-то из малайцев. Я дотянулся до нее и взял в руки.

Зачем мне она? Я и сам не знал.

Но чем-то надо было заняться. Ждать — занятие не из самых приятных, а нам, судя по всему, предстояло долгое ожидание. Нам...

Я не смотрел на своего соседа — опора малая, ненадежная; столь же ненадежной опорой казались мне и все остальные. Я машинально вертел ручку в руках, все, что я мог — это дотянуться ею до светлой кожи кресла.

Ну да, хмыкнул я. Оставлю на коже свои инициалы. Джек Берримен ничего не пропустит, Джек Берримен поймет, что здесь происходило.

«Прогулка!» — фыркнул я не без презрения, будто шеф, и правда, был в чем-то виноват.

Думая так, успокаивая себя, обдумывая дальнейшие действия, я машинально, не отдавая в том отчета, вывел на светлой коже кресла довольно правильный круг, снабдив его мелкими лучиками.

Солнце-золото... Тело пурпурное, зрелый муж, отчий огонь, свет горний...

В центре круга можно было поставить жирную точку, и я поставил ее.

Солнце... Золото... Утешил бы меня блеск золота, дотянись я сейчас до него?

Я усмехнулся. Дотянуться до золота я не мог. Возможно, его запасы велики у алхимиков, но надо знать, где они таят его. У меня золота не было.

Думаю, никакого золота не было и у малайцев.

Конечно, они должны были на что-то покупать оружие, не ввозили же они его с собой.

Я усмехнулся. Совсем недавно Консультация выгодно была запас устаревшего оружия... Кому?.. Этого я не знал... Не исключено, что оно было приобретено патриотами Южных Молукк... Почему бы и нет?

Ладно. Придется ждать.

Надо настраиваться на долгое ожидание.

Я хмурился, я терпеливо прикидывал варианты. Их было не много. Их количество уменьшалось еще и от того, что у меня не было оружия, и от того, что вряд ли кто-нибудь в вагоне мог меня поддержать.

Думая, я продолжал разрисовывать светлую кожу кресла. Она была упругой.

Кольцо... Я сделал его отчетливым... Я снабдил его сверху маленьким полумесяцем — рогами вверх... Я украсил его снизу прямой ручкой, отчего оно стало похожим на ручное зеркальце... Я превратил ручку в крест, пририсовав короткую прямую перекладину...

Ну да... Алхимический символ ртути...

Я ухмыльнулся. Ехать к алхимикам, ожидать неизвестного человека, надеяться на встречу, а попасть к малайцам! «Прогулка!» Я ухмыльнулся.

Бродить по пустынным улочкам самого что ни на есть бобрового городка, а попасть в лапы патриотов каких-то там Южных Молукк!

Я с отвращением бросил ручку.

Упа на кресло, она медленно покатилась, пока не завалилась в щель между спинкой и сиденьем.

Мормоны, флегматичные, внешне спокойные, но, конечно, трясущиеся не только за себя, но и за свои ящики, мамалыжник из Теннесси, этот недоноренный медлительный сукин кот напротив, послушные перепуганные биверы — угораздило меня попасть в столь странную компанию! Начнись драка, мне попросту не на кого опереться.

Не на кого... Подняв голову, я еще раз осмотрел согнанных в вагон пассажиров. Они боялись поднять глаза, они боялись малайцев, на короточках устроившихся в углах вагона.

Я перевел взгляд на своего соседа.

Мой медлительный сосед мирно дремал. Казалось, его ничто не трогало. Его голова была откинута на спинку кресла, глаза закрыты. В этой позе, расслабленный, вдруг постаревший, он показался мне странно знакомым.

Знакомым? Где я мог его видеть?

Я мучительно вспоминал, я перебирал в памяти самые вздорные ситуации, но, как чаще всего и бывает, вспомнил его сразу, вдруг.

Шеббс!

Ну да, уже прощаясь, уже встав, шеф сунул руку в карман и извлек из него фотографию. «Ты помнишь этого человека?»

Конечно, я его помнил. С Джеком Беррименом мы тщательно изучили всю его биографию. Конечно, чтобы окончательно убедиться, что это он, следовало бы взглянуть на его ноги: от ступней до коленей они должны были выглядеть фиолетовыми из-за вздувшихся поврежденных кровеносных сосудов — думаю, не самое привлекательное зрелище.

Похоже, понял я, не выйдя на алхимиков, никого не встретив в Спрингз-6, попал в руки малайцев, я по чистой случайности наткнулся прямо на Шеббса.

4

*Усердие, ничего не дается
без усердия, Эл.*

*С усердием начинай,
с усердием продолжай дело.
Желание отдохнуть — первый признак
возможного поражения.*

Альберт Великий («Таинство Великого деяния») в устном пересказе доктора Хэссона

Шеббс. Герберт Шеббс. Именно так писалось его настоящее имя, хотя псевдонимов у него было более чем достаточно — Сэм Поффит, Олл Смит, Роджер Флаерти... Профессиональный взломщик и вор, он прошел хорошую школу в различных исправительных заведениях и, прежде всего, в мрачных стенах Ливенуорта. Что, впрочем, не сделало его честнее.

Привязанный к взрывному устройству, я старался занять себя, вспоминая все связанное с Шеббсом.

Бессмысленное занятие? Не думаю. Бессмысленной информации вообще не существует, любой информацией можно воспользоваться, а значит, нет и бессмысленных занятий. Если вам привычно и буднично говорят: с добрым утром! — и если вы умный человек, вы используете эту ничтожную информацию весьма успешно; если совершенно случайный человек вдруг намекает вам на то, что знает тот участок дунайского дна, где захоронен Аттила, или тот кусочек бескрайней степи, где бесчисленная конница монголов затоптала могилу Чингисхана, не надо от такого человека отмахиваться — есть шанс, пусть и ничтожный, что он и правда что-то такое знает.

Шеббс...

Несколько лет назад, накануне Дня благодарения, Герберт Шеббс приобрел за наличные билет на самолет компании «Нортуэст эрлайнз». Рейс 305: Портленд (Орегон) — Сиэтл, обычный рейс из города роз и коричневых песчаников, и рейс этот действительно начинался как самый обычный. Правда, сам Шеббс поднялся в самолет последним и устроился в хвосте в пустом ряду под иллюминатором. На пустое кресло рядом он положил довольно тяжелый кожаный чемоданчик.

Сразу после взлета Шеббс подозревал стюардессу. Ее звали Флоранс — белокурая, длинноногая, и память у нее оказалась отменной. Позже она подробно описала аккуратный, но уже поношенный костюм Шеббса, его высокие шнурованные ботинки, какую-то внешнюю незамысловатость, сразу обратившую на себя ее внимание. Она так и подумала: недотепа и неудачник; а он вдруг помнил Флоранс к себе и, невыразительно улыбувшись, сунул ей в руку тонкий длинный конверт.

Флоранс улыбнулась, она давно привыкла к поклонникам. Она знала и то, как много желающих испытать это на большой высоте. Она улыбнулась Шеббсу несколько даже снисходительно, но он вдруг крепко взял ее за руку. «Мисс, — сказал он негромко, но убедительно. — Прочтите мою записку и сейчас же отнесите ее пилотам».

Писал Шеббс не очень грамотно, но просто. «У меня в чемоданчике бомба. Есть условия. Я».

— Вы шутите, — улыбнулась Флоранс, но Шеббс, не отвечая, приоткрыл кожаный чемоданчик, и она увидела сложное устройство из проводов, массивных цилиндров и, кажется, батарей. Почти все, кроме, разумеется, проводов, было выполнено из пластмассы.

Флоранс пошла по длинному проходу салона. Она была так растеряна, что уронила конверт. Конверт подобрала вторая стюардесса — Тина. Не помню, как там было с ее памятью, но Тина оказалась покрепче Флоранс — она тут же доставила записку Шеббса капитану Скотту, командиру экипажа. Через ту же Тину капитан Скотт выяснил, что Шеббс требует за жизнь

пассажиров и за самолет выкуп в 200 000 долларов, а также четыре парашюта — два нагрудных и два заплечных.

Доналд Найроп, президент «Нортуэст», следуя рекомендациям подключившихся к операции сотрудников ФБР, приказал выполнить все условия, поставленные Шеббсом. В Сиэтле, где на борт были доставлены деньги и парашюты, Шеббс в ответ отпустил всех пассажиров.

Себя Шеббс приказал доставить в Мексику.

Без новой дозаправки «Бойнг-727» никак не мог дотянуть до Мексики. Капитан Скотт сумел уговорить Шеббса — вместо Мексики он на выбор предложил сразу несколько пунктов, из которых Шеббс почему-то остановился на Рино. Кое у кого потом это вызвало улыбку: Рино известен тем, что там можно быстро и дешево оформить развод; там же, в Рино, достаточно игорных домов, где можно спустить любую сумму.

Но Шеббс не собирался шутить. Его инструкции были лаконичны и точны: самолет должен следовать на высоте 10 000 футов с закрылками, опущенными на пятнадцать градусов, что по его расчетам должно было снизить его скорость до двухсот миль в час. При раследовании такая точность поставила сотрудников ФБР в тупик: где мог узнать все это человек, никогда не имевший отношения к авиации и полжизни проведенной в тюрьмах? Более того, вряд ли такие сведения Шеббс мог почерпнуть и в детстве: детство свое он провел в известном Бойс-Таун, в приюте для мальчиков под Омахой.

Почти сразу после взлета в Сиэтле Шеббс открыл люк под фюзеляжем и выпустил кормовой трап. Ледяной воздух хлынул в салон, и Шеббс разрешил стюардессам укрыться в кабине пилотов.

Когда «Бойнг-727» приземлился в Рино, Шеббса на его борту не было. На полу салона валялся заплечный парашют и купол от нагрудного — стропы с него были срезаны...

Разбирая позже с Джеком Беррименом это дело, мы отдали должное Шеббсу. Он оказался человеком слова: отпустил пассажиров, не дал замерзнуть стюардессам, а оставляя самолет, отключил рабочий механизм бомбы. Конечно, он отнял у государства 200 000 долларов, точнее 199 960 (кассир, волнуясь, просчитался на сорок долларов), но неизвестно — воспользовался ли он ими?

Двести солдат в течение месяца прочесывали наиболее вероятное место приземления Шеббса, но ни денег, ни Шеббса они не нашли. Мы же с Джеком, разрабатывая биографию Шеббса, наткнулись на важную деталь: находясь в свое время в Ливенуорте, Герберт Шеббс сдружился с бывшим летчиком. От него, видимо, он и узнал, скажем, о том, что именно у «Бойнга-727» кормовой трап можно выпустить прямо в воздухе...

Вспоминая все это, я смотрел на Шеббса. 200 000 долларов, пусть даже 199 960, вовсе не оказались бы лишними для Консультации.

5

*Что бы ни происходило, убедись,
что ты чист. Обращай внимание
на следы, результат дают
только чистые операции.
Ощувив необходимость,
проконтролируй себя и раз, и два.
Будь чист, пусть это станет законом.*

Альберт Великий («Таинство Великого деяния») в устном пересказе доктора Хэссона

Наконец меня отвязали, и я размял затекшие все же кисти.

— Встань! — приказал Пауль мамалыжнику из Теннесси.

Мамалыжник криво ухмыльнулся:

— Если вы хотите проделать со мной то же, что с ним, — кивнул он на меня, — это не пройдет.

— Вот как? — Пауль оторопел. Он даже крикнул: — Йооп, этот тип отказывается идти.

— Ну так помоги ему! — Йооп явно не был злым человеком, но отказ мамалыжника заинтересовал и его.

Все три находившихся в вагоне малайца подошли поближе и с интересом уставились на взбунтовавшегося мамалыжника. Фермеры, сидевшие рядом с ним, не отодвинулись, они даже смотрели на него с сочувствием — это мне понравилось.

Покосившись на меня, Пауль спросил:

— Почему ты отказываешься?

— Я эпилептик, — сказал мамалыжник. Левая его бровь быстро дергалась.

— Вот как? — Пауль был полон темных подозрений. — Тогда иди ты! — ткнул он пальцем в одного из мормонов, и тот, нахмурившись, бледный, неторопливо поднялся и занял мое место.

— Чего вы хотите от нас? — спросил я Йоопа.

Ответил Пауль, с вызовом:

— Читай газеты.

— Где я их возьму?

— Скоро их принесут. Нам будут носить все, что нам потребуется, — почти выкрикнул он. Он явно завидил себя. — А не принесут, вам же хуже.

— Пауль! — крикнул кто-то из малайцев, заглядывая в вагон. — Солдаты нам не верят. Роджер приказывает привести кого-то из них!

— Кого? — Взгляд Пауля все еще был скошен на меня.

— Веди эпилептика, — быстро подсказал Йооп.

Пауль взглянул на Йоопа. Выходило так, что в иерархии малайцев Пауль занимал чуть ли не самую низшую ступень. Это меня обрадовало.

— Иди! — прикрикнул Пауль на мамалыжника.

А я подумал: «Второй...»

Этот человек, который сам назвал себя мамалыжником, который только что разговаривал с фермерами, ничуть не трогал меня. У него хорошая ферма, неплохие поля, его земля окутает труд, затраченный на нее. Он даже на меня, он даже на Пауля смотрел как на потенциальных потребителей его кукурузы. Он был растерян и не нравился мне.

— Триммер, — тоскливо позвал он. — Помолитесь за меня.

Триммер — коротышка из местных, тощий, длиннотелый, но с мощно выдающейся вперед нижней челюстью, глянул на мамалыжника маленькими старческими глазками и кивнул. Он сидел сразу за фермерами, я хорошо его видел, и он опять кивнул, когда мамалыжник беспомощно сказал:

— Ну, я пошел.

Его увели. Все молчали.

— Если солдаты начнут стрельбу, — сказал, наконец, Йооп, — ложитесь на пол.

А Пауль добавил, раскуривая слишком на мой взгляд душистую сигарету:

— Не хватало, чтобы их трупы навешали на нас.

И снова в вагоне воцарилась тишина. Потом мой бесцветный сосед вдруг приоткрыл глаза. Он негромко произнес, будто раздумывая:

— Отвернувшиеся от духа должны испытать всяческие несчастья, иначе как же им вернуться?

Я вздрогнул. Я впервые слышал голос человека, которого принимал за Шеббса.

— Вы знаете, где находятся эти Молукки? — спросил я, чтобы не молчать.

— Конечно.

— Расскажите мне.

Смутно, но я и сам уже кое-что вспомнил. Острова, острова, разбросанные в океане между Калимантаном и Новой Гвинеей. Хальмахера, Моротай, Миссол — целое созвездие островов, чьи названия напоминают названия бабочек. А еще Дамар, бухта Були, вулканы Тернате и Макиан — эти названия встали передо мной отчетливо. Когда-то впечатанные в память, они забылись, но сейчас, одно за другим всплывали из темных пучин памяти.

— Зачем вам все это? — медленно спросил мой сосед.

Я удивился:

— Как зачем? Должен же я знать, откуда явились эти коричневые братцы!

— Не следует этого знать.

— Это еще почему?

— Зачем вам делаться соучастником?

— Разве знание делает соучастником?

— Почти всегда.

Я пожал плечами.

Если это действительно Шеббс, он здорово изменился. Он стал философом. Нечастое перерождение, особенно для хронических постояльцев таких мест, как тюрьма Ливенуорт.

Мог ли Шеббс проделать такую эволюцию?

В свое время Берримен и я подробно и хорошо поработали с неким Джекки, приятелем Шеббса по Ливенуорту, давно завязавшим и осевшим подальше от старых друзей в Каскадных горах. Ну, озеро Мервин, вулкан Худ, река Колумбия, красные леса — не худшее место. Это к нему постучался однажды Шеббс. Они сразу узнали друг друга, хотя встреча была случайной. Джекки всегда подозревал Шеббса в некоторых преувеличениях, но в историю с угоним самолета сразу поверил. Почему бы и нет? Об этом уже писали в газетах. А деньги? Где твои 200 000? Ах, ты их обронил во время прыжка с парашютом, их вырвало воздухом из твоих рук? Почему бы и нет, звучало вполне убедительно. Тебе нужна помощь? Ты хочешь отыскать пластиковый мешок с деньгами? Конечно, он, Джекки, поможет. Он не настолько богат, чтобы отказаться от предполагаемой доли. Джекки с понятием отнесся к старому приятелю: как не растеряться на трапе на такой высоте над землей?! В лицо ледяной ветер, далеко внизу под ногами огни... Он, Джекки, тоже бы машинально поднял руки к лицу. Что удивительного, что сумку сорвало с ремненной петли?

Мешок с деньгами никуда не денется. — Джекки загорелся сразу. Мешок лежит где-то в лесу, если, конечно, не влетел прямо в трубу какого-нибудь лесника. Джекки ухмыльнулся. Он вовсе ничего такого не думал. Случись такое, об этом бы знала вся округа. 200 000 долларов влетают в трубу! А?

Джекки с удовольствием примкнул к поискам.

Джекки утверждал, что время от времени меланхоличного Шеббса охватывало вдруг чрезвычайное волнение. Что они будут делать с деньгами, когда найдут мешок? Шеббс нервно подмигивал Джекки: мы ведь не братья Флойды, помнишь таких по Ливенуорту? — вот их недавно посадили на электрический стул.

Иногда Шеббса совсем заносило. Он вдруг забывал, что в Ливенуорте сидел не один, Джекки тоже в свое время скрашивал ему компанию. Он становился вдруг невероятно серьезным, но невероятно серьезно и таинственно намекал: ему, Шеббсу, есть о чем рассказать. Джекки, ты помнишь залив Кочинос? Джекки помнил. Это далеко от тюрьмы Ливенуорт, но Джекки помнил. Ну, шестьдесят первый, — намекал Шеббс, — шестьдесят первый год. Тогда, в шестьдесят первом, он тоже здорово поработал, только об этом сильно не рассказываешь. Тогда, в шестьдесят первом, он

впервые прыгнул с парашютом, так что у него есть опыт.

Явное вранье расстраивало Джекки, оно бросало неверный свет на сами поиски денег. Как так? — напоминал он. В заливе Кочинос высадка шла с моря, не с неба.

Попавшись, Шеббс не искал лазеек. Он ухмылялся, он-то знает, что говорит. Ну да, правильно, с моря. Он там сидел на берегу в сторонке, но от него зависело многое.

Но на высадке с неба он уже не настаивал.

А Мемфис? Помнишь ту историю в Мемфисе? — намекал он Джекки, бродя по старым руслам и боясь поднимать голову, так ослепительно, так грозно сияла над ними грандиозная ледяная пирамида вулкана Худ. Там, в Мемфисе, тоже было не просто. Ох, как не просто! Ты, Джекки, конечно, о таком и догадаться не можешь, но он, Шеббс, не догадывается, он знает. Там, в Мемфисе, вместе с Джеймсом Эрлом Рэем действовал ведь еще и второй стрелок. Рэй стрелял в доктора Кинга из ванной комнаты, снятой в третьеразрядном отеле, а некий его напарник, оставшийся неизвестным, находился в мотеле «Лоррейн», в том крыле, что прямо напротив бывшего номера доктора Кинга... Шеббс не утверждал прямо, что вторым стрелком был он... Возможно, он просто помогал. Ну, скажем, сидел за рулем одного из тех двух белых кадиллаков, что сбивали со следа полицию...

«Может, это ты и был «Раулем», а?» — посмеивался Джекки, но вранье Шеббса его огорчало.

Впрочем, в потерянные деньги он искренне верил...

Шеббс ли это? Я внимательно присматривался к соседу.

В вагоне похолодало. Кое-кто уже спал, натянув на себя всю имеющуюся при себе одежду.

Видимо, решил лечь и мой сосед. Он осмотрелся, подложил под голову шляпу. Шляпа немедленно смялась, это его не смутило. Вытянувшись на двух креслах, средний подлокотник он поднял, человек, которого я принимал за Шеббса, не пожалел и своего пальто: оно оказалось долгополым и укрыло его от ног до головы.

«Прогуливался тут один... — вспомнил я слова кассира со станции Спрингз-6. — Ну, такой... Шляпа не первой молодости, долгополое пальто... Оно даже мне показалось старомодным. Последний раз я видел такое лет десять назад на Сильвере Лаксте... А этот человек, я говорю про вашего приятеля, он еще сутулился... Я сперва подумал: отец сытой, но он закурил...» Выходит, кассир видел Шеббса?

Я не спускал глаз с соседа.

— Как быть с едой? — сильно растягивая гласные, вдруг спросил один из пожилых биверов. — У меня ничего нет с собой, а мне необходимо поесть. Если я не буду нормально питаться, я испорчу желудок.

— Закажите обед в «Павильоне», — откликнулся кто-то крайне недоброжелательно. — Или вам больше по душе итальянская кухня? Тогда звоните в «Мама Леоне».

Кто-то нервно и обидно рассмеялся, у пожилого бивера дрогнули губы. Один из мормонов вздохнул и стал тащить из-под сиденья свой ящик.

Но по-настоящему меня занимал теперь только мой сосед. Я не хотел его упускать, я не собирался возвращаться в Консультацию с пустыми руками.

Шеббс ли это? Что-то все же мешало мне верить в это.

Тогда, может, это человек, который должен был подойти ко мне где-нибудь в Спрингз-6? Почему нет? В течение дня он незаметно мог следовать за мной, его что-то насторожило, он отказался от встречи, но в поезд все-таки сел. Может быть, именно такие, как он, мешковатые, незаметные, выполняют роль шестых

или седьмых связистов у касты этих тайных жрецов, скрывающих от человечества опасные открытия?

Существуют ли такие хранители скрытых знаний? Существуют ли сами скрытые знания?

Доктор Хэссоп отвечал на такие вопросы утвердительно.

Например, он ссылался на черных.

Мир обошла история племени догонов. Эти африканцы чуть ли не с тринадцатого века прячутся в труднодоступных районах пустынного горного плато Бандиагара, живут уединенно, не любят общаться с соседями, тем не менее знакомы со странноватыми вещами. Скажем, они твердо уверены, что жизнь их племени во многом зависит от состояния системы звезды Сириус. Непонятно, где, когда, от кого, каким образом получили они столь точные (свидетельство астрономов) сведения о звезде Сириус? Может, они впрямь общались когда-то с пришельцами? Может, крылатый конь Лунг-та ступал и на их землю?

Доктор Хэссоп ссылался и на некоторые древние святилища Англии и Шотландии. Они построены из огромных камней, особым образом расставленных. О Стоунхендже я читал и сам — это в Солсбери, юго-запад Британии. По словам доктора Хэссоба, стоунхенджские сооружения — самая настоящая обсерватория, и люди, ставившие ее, хорошо знали, что только узкий пояс именно этой местности годится по своим астрогеографическим параметрам для подобных сооружений; они знали и о том, что любой сдвиг по широте сразу бы дал значительные искажения при наблюдениях...

Доктор Хэссоп был убежден: путь к современным тайным алхимикам идет через прошлое.

Он напоминал: Пифагор (есть такие сведения) учился в свое время у друидов, а они были высшей кастой кельтских жрецов. Юлий Цезарь, завоевав Галлию, в отличие от Пифагора, не испытывал никакого уважения к друидам — он сжег их огромную библиотеку и вырезал самих жрецов. Но всех ли? Мог ли он уничтожить всех? И если все-таки уничтожил, то откуда столь много удивительных открытий рассыпано по страницам неистового Джонатана Свифта?

А йоги? Они пьют дымящуюся серную кислоту, они ложатся на битое стекло, пропуская по себе тяжелый грузовой автомобиль, они умеют останавливать собственное сердце, говорят, они умеют двигать взглядом предметы. Гипноз? Но кинокамера подтверждает движение предметов, а разве кинокамера подвержена гипнозу?

На мой взгляд, йоги несколько выпадали из системы. Я спорил с доктором Хэссопом: что йоги могут хранить и передавать, кроме тайн собственного организма? Доктор Хэссоп возражал: а почему деревни, рядом с которыми селится йог-ушельник, считают себя осчастливленными? Какими знаниями обладает йог, если эти знания оказывают некое воздействие на всю округу?

Доктор Хэссоп задумчиво качал головой.

В древней Индии, в Тибете, в Перу имели достаточно ясное представление о множественности населенных миров, в древнем Шумере знали, что звездный свод совершает свой полный оборот за 25 920 лет. Откуда они это взяли? Как вычислили? Не такое число, чтобы взять его просто с потолка.

Впрочем, зачем брать с потолка, если можно взять с неба?

В Читамбирате, в городе танцующего Шивы, до сих пор функционирует известный храм Неба. Он принадлежит общине, члены которой живут крайне замкнуто. Почему им не быть членами некой тайной мировой общины, скрывающей от легкомысленного и агрессивного человечества такие игрушки, как греческий огонь, оружие Замамы, тайну ядерных трансмутаций?..

Я задумчиво глядел на спящего человека, укрывшего своим долгополым пальто.

Вдруг это тот человек, что мог подойти, но не подошел ко мне на скучных улицах Спрингз-6? Или все-таки Шеббс?

Я чувствовал себя, как тот осел, которого поставили между двумя охапками сена. Обе охапки манили, я не знал, какую лучше хватать. К тому же не все зависело от меня, очень многое зависело теперь от коричневых братцев.

6

*Знай свое дело, знай свой предмет,
Эл, знай его атрибутику.
Совершенство требует знаний,
незнание ведет за собой смерть.*

Альберт Великий («Тайнство Великогодеяния») в устном пересказе доктора Хэссона

Ранним утром носовой раздраженный голос вырвал меня из неровного сна. Пауль, несомненно, меня невзлюбил. Он выкрикнул нечто раздраженное и непонятное, но его жест в сторону двери был ясен.

Я хмыкнул: опять моя очередь?

В холодном душном вагоне было светло. Лампы горели, видимо, работал генератор поезда. Я представил, сколько внимательных взглядов направлено сейчас из-за деревьев на наш вагон, и невольно поежился. Мне не хотелось сидеть привязанным к взрывному устройству, но по-своему малайцы были правы: не следовало держать там кого-то одного, ведь такой человек мог заснуть, ему могло стать плохо... Но почему опять я?

Он меня боится, подумал я о Пауле. Эта мысль хоть немного меня утешила.

Иооп, не сильно усердствуя, привязал меня к цепи. Это сразу вернуло меня к действительности. Я алмехнулся, вспоминая вчерашние размышления.

Алхимика, философский камень, тайная каста... Я чувствовал раздражение, ничего кроме раздражения. Все это сказки старого Хэссона. Я не желал продолжать эти свои размышления; убедительные вечером, утром они теряют силу. К тому же я хорошо сейчас видел лицо моего спящего соседа. Теперь я не сомневался: конечно, это был Шеббс. Возможно, он тоже сидел ночью возле связанных цепью дверей и вот так же смотрел на меня — спящего. Впрочем, для него я был лишь случайный попутчик. Эта мысль тоже меня утешила.

Я прислушивался к неровному дыханию спящих людей, к неожиданным покашливаниям. Сколько все это может продлиться?

Шеббс... Я смотрел на спящего с раздражением. Я надеялся, что он еще не нашел свои деньги, а если нашел, то еще не растратил. Я хотел, чтобы он вернул эти деньги мне. Не государству и не компании «Норт-узст эрлайнз», а мне. Будь сейчас здесь другие условия, я бы знал, как ускорить дело. Я бы вывел Шеббса в тамбур и там каблуком тяжело наступил ему на ногу. Прекрасный способ обуздать любого. Раздавил ему пальцы, и он твой. Он твой, если, рыча, бросится в драку, тогда ты собьешь его с ног и покажешь, кто истинный хозяин положения. Он твой, если, скуля, бросится в объяснения, тогда ты возьмешь у него любую информацию.

Но сейчас я ничего не мог.

Ожидание — вот все, что оставили мне коричневые братцы. Я был отрезан от Консультации, от Джека Берримена, у меня не было никакого оружия, меня попросту могли пристрелить, причем в любой момент.

Но я этого не допущу, хмуро подумал я.

Откинув голову, я смотрел на скучный потолок

вагона. Я видел, что вагон совсем новый, его, может, впервые выпустили на линию. Он не был ни закопчен, ни запачкан. Все в нем блестело и было чистеньким.

Думая так, я машинально опустил взгляд и увидел светлую чистую кожу сиденья.

Светлую, да. Но чистую ли? Конечно, она была уже загажена какими-то нелепыми рисунками.

Я хмыкнул. Разве это сделал не я?

Я осудил себя: если честно, вчера я вел себя, как дикарь. Как самый настоящий дикарь.

Я даже повторил про себя: как дикарь...

И оторопело всматривался в рисунки.

Ну да, алхимический символ ртути. Я сам нарисовал этот круг с прямой ручкой-крестом, я сам пририсовал сверху полумесяц — рогами вверх...

И этот круг, аккуратный круг, украшенный лучиками и жирной точкой в самом центре, его тоже рисовал я. Золото... Тело пурпурное, муж зрелый, отчий огонь, свет горный...

Я даже вспомнил, как легко скользила ручка по светлой и упругой коже кресла, оставляя отчетливый, ясно различимый след...

Но, оказывается, это было не все.

Как бы завершая некую магическую формулу, между символами ртути и золота было аккуратно врисовано нечто, принятое мною сперва за неряшливо начертанный круг. Еще один круг... Но это был не круг. Это были две змеи, пожирающие друг друга. Если уж быть совсем точным, одна из них должна была оказаться красной, а другая зеленой, но рисовавший пользовался обыкновенной одноцветной ручкой, она и сейчас лежала в щели между сиденьем и спинкой кресла.

Философский камень... Уроборос... Великий магистерий... Как ни странно, этого знака как раз и не хватало в прорисованной мною последовательности.

Но разве я это нарисовал?

Золото — да, ртуть — да, но не великий же магистерий!

Я был убежден, что не мог сделать этого, даже впад в забытие. Я умел себя контролировать. Но если так...

Я опасливо, я осторожно поднял глаза, прошелся взглядом по лицам пассажиров, безмолвно заполнявших душный вагон.

Не похоже, чтобы трудолюбивые и нравственные фермеры-мормоны были причастны к столь небогоудному делу. Не думаю, чтобы кто-то из них мог увлечься алхимией. К тому же врожденная хозяйственность не позволила бы им портить новые кресла.

Тот пьяный франт, от которого несло магнолиями?.. Нет, его увели уже давно... Мамалыжник из Теннесси тоже не успел побывать у взрывного устройства... Нарисовал этот знак кто-то из тех, кто сидел на моем месте ночью. Но кто?

Уж, конечно, не маленький Триммер с его бульдожьей челюстью и выцветшими глазками... И уж, наверное, не пенсионеры, думающие лишь об одном — как бы им выжить...

Из реальной, достаточно простой жизни меня сразу выбросило в мир сомнений.

Кто-то из находившихся в вагоне знал о существовании алхимических символов. Конечно, это мог оказаться, скажем, бывший учитель химии. Его заинтересовали мои знаки, и он сам машинально продолжил ряд...

Именно в такой последовательности? Ну, а почему нет?

Да потому, сказал я себе, что абсолютно с той же вероятностью он мог оказаться и тем неизвестным человеком, который должен был подойти ко мне в Спрингз-6, но почему-то не подошел. А сейчас он

вдруг передумал, решил, что мы должны быть вместе, и подавал мне некий знак...

Странный знак, внятный знак, но я не успел обдумать эту мысль хорошенько. Пауль, он незаметно подошел ко мне, заметил, нехорошо прищурившись:

— Самое время помолиться, правда?

Я вопросительно поднял брови.

Пауль усмехнулся, он держался грубо, я видел, он нервничает. Что-то его мучило, он мне не нравился. Ко всему прочему, он, похоже, твердо решил спровадить меня на тот свет. Меня это не устраивало, его вопрос был мне не по душе, тем более, что грохотнула раздвижная дверь и в вагон вошли еще два малайца.

Если они за мной, быстро подумал я, им придется вести меня по проходу. Лишь бы руки у меня не были связаны. Первым надо будет ударить того, кто идет сзади, и, конечно, забрать автомат. Стрельбы будет много, стрелять придется в упор, кто-то из пассажиров непременно пострадает, но иного выхода я не видел. Я не собирался приносить себя в жертву Южным Молуккам, я не испытывал никакого желания быть казненным ради свободы каких-то там Южных Молукк.

Малайцы остановились рядом в пяти от меня и поманили к себе Пауля. Ну что ж, лишняя минута...

Краем глаза я видел, что мой сосед проснулся.

Шеббс?..

Какой Шеббс!.. Не мог же Шеббс знать о философском камне, детский приют не дает таких знаний. Подобная ассоциация (ртуть — золото — философский камень) действительно требовала определенных знаний. Откуда они у Шеббса? Этот человек, укрывшийся старомодным долгополом пальто, был слишком нетороплив, был слишком уж заторможен. Он непонимающе глядел на меня, с трудом выплывая из своих снов. Его, похоже, нисколько не волновала моя перекошенная физиономия.

— Кажется, я на очереди...

Шеббс медлительно кивнул мне.

Он кивнул медлительно, но так просто и определенно, что у меня сжалось сердце. Он что-то знал, этот человек в долгополом пальто, знал что-то важное, мне неизвестное, это позволяло ему не нервничать, не торопиться. Он был вовсе не прост, он смотрел на меня вовсе не равнодушно, как мне прежде казалось, просто он чуть-чуть, почти незаметно косил, и это делало его взгляд рассеянным.

Кто он? Шеббс? Или человек, который мог подойти ко мне в Спрингз-6?

— Пауль,— расслышал я. Это сказал один из пришедших малайцев.— Пойди к Роджеру. Он тебя зовет.

Я облегченно вздохнул. Мне не нравился Пауль, он мог запросто застрелить меня в переходе между вагонами. А я не хотел этого. Я хотел жить. Я хотел вытащить из вагона человека в долгополом пальто, кто бы там он ни был. Это была моя добыча.

Еще лучше, подумал я, разговорить этого человека прямо здесь, в вагоне, не дать ему затеряться, когда дело дойдет до драки. А если получится так, что я буду ранен или убит, надо сделать все, чтобы он попал в руки Джека Берримена...

Нужен ключ.

Если этот нелепый человек явится к Берримену и передаст что-то от меня, Джек должен догадаться, кто перед ним. Джек умеет, Джек выжмет из него нужную информацию.

Я судорожно искал ключ. Я торопился.

В конце концов, алхимики, описывая Великое деяние, сами никогда не ограничивались просто словами. Зачем великую тайну делать достоянием всех? Золото — король, серебро — королева, сурьма — волк, почему бы и нет? Тогда картинка Василия Валентина сразу наполняется смыслом. Ведь ни бог, ни природа

никогда не работают на человека. Петуха ест лисица, лисицу сжигает огонь, но и сам огонь может быть похоран восставшей из пепла лисицей...

Ключ! Ключ!

Разве Джек Берримен не поймет моего послания? Кажется, я нашел.

Выбора у меня все равно не было. Малайцы негромко переговаривались в нескольких шагах от меня. Я слышал: «кагат», «кабур»... У меня было очень немного времени. Я хотел успеть.

— Баркли!.. — шепнул я, наклоняясь к соседу.— Это район, не очень известный, но найти его нетрудно, даже в таком городе, как Нью-Йорк... Вилла «Туун»... Тоже легко запоминается, правда?..

Мой сосед молча, не торопясь, кивнул.

— Если меня уведут,— шепнул я,— найдите виллу «Туун»... Там будет Джек, он встретит вас как друга... Так и зовите его — Джек... Скажите, что видели меня... Скажите, я нашел...

— Нашли? — непонимающе повторил мой сосед.— Что нашли?

По-моему, растерянность я разыграл убедительно. Я нес вроде бы чепуху, но за чепухой этой что-то стояло.

— Джек,— повторил он, запоминая.— Это ваш брат?

Я кивнул, тоже растерянно.

Еще никогда ложь не приносила мне такого удовольствия.

— «Туун»... Вилла «Туун»... Вас примут как своего... Боюсь, сам я не смогу вас там увидеть...

— Не торопитесь,— медленно произнес мой сосед.— Вас пугает этот малаец, маленький малаец Пауль... Забудьте о нем, он умрет скоро...

Я ошарашенно воззрился на Шеббса (если это был он). Я не посмел его даже переспросить. Да и не не успел. Коричневые братцы быстро и ловко подняли меня на ноги. Мы шли по проходу мимо спящих заложников, и я не имел времени даже обернуться. Я разминал руки, я собирал силы. В хорошей драке, я знал толк в этих делах, легче уцелеть, чем в томительном, бессмысленном ожидании.

Меня ввели в вагон, приспособленный малайцами под их штаб. Окна этого вагона тоже были заклеены газетами. Несколько малайцев, среди них Роджер, сидели на корточках вокруг поставленного на пол левого телефона, явно переданного в поезд солдатами.

— Сейчас он встанет у окна, он снимет с окна газету,— сказал Роджер в телефонную трубку.— Он подтвердит все то, что мы уже заявили вам.

— Подойди к окну! — крикнул мне Пауль. Он стоял в углу, я не сразу его увидел.

— Я подойду, а они всадят в меня разрывную пулю.

— Они предупреждены. Они не будут стрелять,— вмешался Роджер, не оставляя телефонной трубки.— Только делай все не торопясь, осторожно.

Не торопясь, осторожно, как мне и было сказано, я подошел к окну и, шурша, содрал с него газетный лист.

Утренний свет был неяркий, я увидел красные осенние деревья и далекую линию гор — голубую, размытую туманом. И увидел фигурки солдат, перебегающие за деревьями.

— Опустит стекло,— подсказали мне сзади.

Я опустил стекло. К счастью, раму не заело, мне не пришлось ее дергать. Я знал, что все автоматы и снаряды и внутри вагона направлены сейчас на меня.

Я жадно вдыхал влажный утренний воздух. Я предпочел бы сейчас лежать где-нибудь в траве за самым толстым деревом.

— Крикни им, что мы настроены очень серьезно!

Ответ моего соседа был прост:

— Потому, что Пауль действительно скоро умрет.

— Вы ясновидец?

— Нисколько.

— Почему же вы так говорите?

— Разве это не общий удел?

— Мы умрем все? — я затаил дыхание. Вопрос мне не нравился и самому, но... «Прогулка», — вспомнил я шефа... И сказал своему соседу: — Вы говорите обо всем этом так спокойно...

— Почему нет? Разве возможен какой-то иной вариант?

Я вдруг засомневался, говорим ли мы об одном и том же, и спросил:

— Нас убьют малайцы?

Он задумался. Он думал долго. Потом он сказал:

— Малайцы ищут не там...

И совсем замолчал. А я подумал: это не Шеббс. Этот человек сбивал меня с толку. Преступники не перерождаются, преступление, как правило, отупляет преступника.

— Вы вошли в поезд в Спрингз-6?

Он медлительно кивнул.

— Я не видел вас на перроне.

— Я видел вас... — Он сидел, опустив глаза, он не смотрел на меня, он старательно отталкивался от моей лжи. — Было темно, но я вас видел. Вы стояли на перроне, курили, разговаривали с кассиром. У меня сложилось впечатление, что вы кого-то ждали...

Я чуть не ответил: ва!

Но сдержался, не ответил, спросил в свою очередь:

— Почему у вас сложилось такое впечатление?

Он покачал головой:

— У вас было такое лицо... — Он, наконец, поднял на меня глаза. Они были смутные, я не видел в них дна. Я ждал, что же он скажет, но он замолк, он ничего не захотел добавить к сказанному.

Мы помолчали.

Он сбивал меня с толку.

Он то походил на Шеббса, просто не мог не быть им, то вдруг превращался в задумчивого философа. Джекки, старый его приятель, в свое время хорошо нам его обрисовал. Джекки знал Шеббса. Когда они бродили по осенним лесам бобрового штата, разыскивая утерянные Шеббсом деньги, Шеббс много ему о себе рассказывал. А в Джоплине, где они снимали комнату, Джекки видел своего приятеля под душем. Ноги Шеббса были фиолетовыми до самых колен, каждая вена вздута, сплошное пурпурно-голубое месиво. Он тогда спросил: что это у тебя? И Шеббс объяснил: когда он падал на землю, сначала его ударило о сухое дерево, а потом еще тащило по скальному грунту, усеянному обломками камней. Там, наверное, и сейчас видны борозды, а у него ботинки были полны крови...

Джекки не знал, насколько можно верить Шеббсу, уж слишком тот иногда закигался. Впрочем, за себя Джекки был спокоен, свое он в любом случае получит. Он не зря вытягивал из Шеббса подробности. Если они найдут пластиковый мешок с деньгами — отлично, если не найдут — тоже ничего страшного. Он, Джекки, попросту напишет книгу о приключениях своего приятеля. Он твердо решил написать такую книгу. Самое забавное: она оказалась никуда не годной, но он ее написал. По рукописи мы с Джеком Беррименом и вышли на Джекки...

Но с Шеббсом Джекки не было скучно.

То вдруг Шеббс, повинувшись тайным течением своего воображения, начиная все отрицать. Он вовсе не прыгал на парашюте, он не умеет этого, он не видел никаких денег. Он всего лишь один из сообщников, даже не главный, а самолет угнал один из пилотов.

Он, Шеббс, если и действовал, то действовал на земле. Да и как он мог угнать самолет? Шеббс наивно разводил руками. Ну, угнать, может, и угнал бы. Но откуда ему было знать, что «Боинг-727» один из многих пассажирских лайнеров, которые можно покинуть прямо в полете, естественно, воспользовавшись парашютом. Кстати, позже, именно из-за этого случая, все машины данного типа были переоборудованы: на них был поставлен так называемый «блок Ш», который сделал невозможным выпуск кормового трапа в полете.

Пока Шеббс и Джекки бродили по красному осеннему лесу, Шеббс выдал приятелю немало интригующих деталей. Разумеется, о самом себе. Скажем, он признался Джекки, что никогда не был близок с женщинами. Если он и преувеличивал, то, пожалуй, не намного. По крайней мере, Джекки не стал бы оспаривать такое утверждение. Еще Шеббс признался, что он скуп, что он очень хочет найти потерянные деньги, что он будет их тратить расчетливо. Но по сообщениям газет, было уже известно, что Шеббс не показался стюардессам скупым, по крайней мере, той же Флоранс Шеббс оставил восемнадцать долларов — всю сдачу с двадцатидолларовой купюры (Флоранс что-то принесла ему выпить). Однажды он пожаловался Джекки на свою неспособность чувствовать юмор, но по тем же газетам был уже широко известен ответ Шеббса стюардессе Флоранс, когда она просила: зачем вам альтиметр? Этот прибор был укреплен на руке Шеббса, рядом с часами. Шеббс, не задумываясь, сказал Флоранс: каждый человек имеет право чувствовать и знать свою высоту...

Судя по всему, Шеббс выбросился из «Боинга» вовсе не в районе озера Мервин, как о том сообщала пресса, а где-то юго-восточнее, там, где холодно висит над красными лесами ледяной треугольник пирамиды давно погасшего вулкана Худ. Это, кстати, недалеко от Спрингз-6. Поезд, остановленный малайцами, находился сейчас где-то совсем недалеко от того места, где когда-то приземлился Шеббс. Это, несомненно, должно было волновать Шеббса, но ничего такого в своем соседе я не заметил.

В полете Шеббс ориентировался по навигационным маякам. Главный из них располагается на вершине того же вулкана Худ, а три второстепенных — в его окрестностях. У Шеббса был небольшой приемник, с помощью которого он ловил и прерывистые сигналы передатчика, установленного на заранее спрятанном в лесу джипе. Машину Шеббс хорошо замаскировал, она стояла недалеко от поляны, на которой Шеббс рассчитывал приземлиться. Как можно быстрее покинуть район приземления, как можно быстрее проселочными дорогами добраться до автострады! — только это могло принести успех. Ах, если бы еще и деньги были при нем!... Джип, кстати, тоже был заминирован. На нем стояло мощное взрывное устройство, снабженное дистанционным управлением. Покинув опасный район, Шеббс загнал джип в озеро и подорвал машину прежде, чем она затонула.

Второй передатчик был спрятан в чемоданчике с бомбой. Перед тем, как покинуть «Боинг», Шеббс переложил его в мешок с деньгами. Этот пластиковый прочный мешок он накрепко перевязал лямками, срезанными с одного из запасных парашютов. Прodef руку в специальную петлю, Шеббс пристроил мешок с деньгами на груди. Собравшись с духом, он ступил, наконец, на выпущенный в полете кормовой трап. Сквозь ледяной ясный воздух, как сквозь голубоватую огромную линзу, Шеббс отчетливо видел далеко внизу яркие огни, обозначающие плотину Боннвилл, перекинутую реку Колумбия. Поручень трапа оказался широкий, держаться за него было неудобно, и все же Шеббс спустился почти до последней ступени.

Изо всех сил цепляясь за поручень, он внимательно всматривался в лежащую под его ногами смутную морозную бездну. Он так же внимательно прислушивался к сигналам, звучащим в наушниках. Прыгать следовало в тот момент, когда сигналы начнут звучать пронзительно и в полную силу. Однако мощный поток воздуха сорвал Шеббса со ступенек трапа несколько раньше. А когда парашют раскрылся, толчок оказался настолько сильным, что пластиковый мешок с деньгами сорвало с груди Шеббса — к полному его отчаянию.

Я раскручивал эту историю вместе с Джеком Беррименом. Немало помог нам, понятно, Джекки. Но пластиковый мешок с деньгами так и не был найден. Это и было причиной того, что шеф не убирал фотографию Шеббса из своего письменного стола. В конце концов, двести тысяч долларов, даже с вычетом из них сорока, ничуть не помешали бы Консультации.

Шеббс ли это?

Мой сосед меня раздражал.

Наверное, можно было добраться незаметно до его документов, скажем, ночью, когда он спал, но почему-то я не хотел этого делать. Ну, взгляну я на водительское удостоверение, Янг или Мозес, Роджерс или Бернабо — какая разница, под каким именем живет сейчас этот человек? У меня самого удостоверение было выписано на имя геодезиста Джи Джи Джеффриса... Главное, не потерять самого Шеббса, плевал я на его бумаги. Не потерять его самого. Он моя добыча. Выстрелы, раздавшиеся сразу со всех сторон, вернули меня к действительности.

Солдаты получили приказ взять поезд штурмом? Не положе...

Перестрелка длилась недолго. Заклеенные окна не давали нам возможности что-либо увидеть. Одиночная пуля, пробив стену вагона, ударила в деревянную стойку над дверью. Йооп на короточках сидел прямо под этой стойкой, но уходить в другое место не стал. Тем более, что перестрелка прекратилась так же неожиданно, как и началась.

— Триммер, — попросил кто-то измученно. — Почитайте нам вслух. У вас хорошая память.

Я усмехнулся, но Триммер, тот самый заметный похудевший теперь коротышка с бульдожьей челюстью, отнесся к просьбе серьезно. Его голос дрожал, несколько раз срывался, но постепенно Триммер совладал с голосом.

— «Если наполнятся тучи, то на землю дождь они проливают, и если упало дерево, на юг ли, на север, то дерево — там, куда оно упало... Следящий за ветром не будет сеять, и глядящий на тучи не будет жать...»

Чистое безумие... Эти заклеенные газетами окна, эти бледные, одутловатые отчаявшиеся лица, пустые глаза, душная тишина и, наконец, этот устанавливающийся постепенно голос, сам по себе способный вогнать в отчаяние...

— «И приблизятся годы, о которых ты скажешь: «Я их не хочу»...»

Чистое безумие.

Маленький Йооп, глубоко натянув на лоб берет, сидел на короточках в углу и напряженно вслушивался в голос Триммера. Малаец тоже выглядел измотанным, но над его головой не торчали взлохмаченные седые волосы и он никогда не старался сказать больше того, что мог. У него, у Йоопа, была цель.

Второй малаец, его имени я не знал, нервно ухмылялся. Его неровные мелкие зубы сильно выдавались вперед. Не слишком привлекательное зрелище, но, не в пример Паулю и даже тому же Йоопу, только этот малаец время от времени снабжал нас хоть какой-то информацией. Это от него мы знали, что поезд окружен пехотной армейской частью (естественно, там были и сотрудники секретных служб), а в Голландии

события тоже еще не закончились — приятели наших коричневых братцев все еще удерживали в своих руках захваченное ими представительство Индонезии.

Что читают там? — усмехнулся я про себя.

— «Малого холмика станешь бояться, и препоны будут на дороге, и цветы миндаля опадут, и наестся саранча...»

И наестся саранча... Я покачал головой.

Несколько раз над поездом с ревом пронесился армейский вертолет. Если солдаты начнут прыгать прямо на крыши вагонов, Йооп и его напарник вполне успеют нас перестрелять еще до того, как кто-то из солдат, не догадываясь ни о чем, рванет, разводя, ручки заминированной двери...

— Йооп, — позвал вдруг один из фермеров. — Йооп, принеси льда. Мне нужен лед, Йооп.

Малайцы оторопели. Фермер, щеки его давно потеряли всякий румянец, приподнявшись, повторил:

— Принеси мне лед, Йооп. У меня внутри все горит.

— Хочешь, чтобы тебя обложили льдом? — Йооп, наконец, рассердился.

Фермер-мормон испуганно затряс головой, его белесые брови задергались. Он сразу пришел в себя. Растягивая гласные, он переспросил сам себя: ле-е-ед? Какой ле-е-ед? И потряс головой; он устал, он уже ничего не понимает, у него все болит. У меня ноги распухли, сказал он, вот посмотрите.

Нельзя сказать, чтобы ноги его здорово распухли, но вид у них был далеко не блестящий.

— Послушайте, — шепнул мне из-за спины Шеббса сухой нелепый старик, похожий на богомола. — Надо кончать все это.

Я удивленно возрился на старика.

— Когда меня привяжут к бомбе, — он кивнул в сторону медных цилиндров, — я крикну вам, чтобы вы ложились, а сам взорву бомбу. Вот будет суеты, — по-старчески обрадовался он, — и вы все разбежитесь.

Я хмыкнул. И спросил:

— Как вас зовут?

— Дэшил, — с удовольствием ответил старик. — Просто Дэшил. Так меня и запомните.

— Ничего я не стану запоминать, Дэшил, — строго сказал я. — А к бомбе вы больше не подойдете. Придумайте что хотите, я вижу, вы человек с воображением, но к бомбе вы больше не должны подходить. — Я намеренно понизил голос. — А если вы ничего не придумаете, Дэшил, и вас поведут к бомбе, я найду способ переломать вам все кости, в вашем возрасте они плохо срастаются. Нас не устраивает память о вас, Дэшил. Если вы спросите — почему? — я отвечу: мы должны заплатить за память о вас своими жизнями, а нас это не устраивает... Я переломлю вам все кости, Дэшил. Вы меня поняли?

— Да, — испуганно пискнул он, смертельно обиженный.

— Ложись! — это крикнул Йооп.

На этот раз за стенами вагона стреляли по-настоящему. Длинно стучал пулемет, я ясно видел, как его пули разворачивают и рвут обшивку вагонов, коротко рвали воздух автоматные очереди. Но никто в нашем вагоне не лег на пол, никто, кроме старого Дэшила. Было ясно, что солдаты не станут стрелять по заложникам.

— Нас пытаются освободить, — сказал я своему соседу. Мне хотелось поддержать его. — Нас непременно освободят.

— Нет, — возразил он, — это они застрелили Пауля.

— Солдаты? — не понял я.

— Малайцы, — он говорил так, будто все видел сквозь стены вагона.

— Йооп, — крикнул я, — что там произошло?

Маленький Йооп уже вернулся. С первыми вы-

стрелами он исчез в тамбуре, но уже вернулся. Он, конечно, мог не отвечать мне, но он ответил:

— Это Пауль... Он не выдержал напряжения.

— Он сбежал?

Йооп внимательно посмотрел на меня. Его глаза были воспалены. Он не угрожал, он не запугивал. Он просто сказал:

— Отступников мы убиваем.

— Вы убили его?

— Разумеется.

В вагоне стояла тяжелая тишина. Потом я спросил:

— А мы?... Долго вы будете держать нас взаперти?

Йооп ответил:

— Пока не получим гарантий.

8

*Не начинай Великого деяния,
не запасаясь средствами и
уверенностью.*

*Без средств и уверенности, Эл,
ты только приблизишь
себя к неизбежной и без того
смерти, а это ли не поражение, Эл?*

Альберт Великий («Таинство Великого деяния») в устном пересказе доктора Хэссона

Почему я никак не мог выбросить из головы мыслей о Шеббсе? Только ли потому, что поезд торчал где-то в тех местах, где Шеббс потерял свои двести тысяч?

Я отчетливо представлял себе красный осенний лес, Шеббса в его вечном долгополом пальто; как он идет рядом с Джекки и старается поднять настроение приятеля. Они переходят вброд ручьи, поднимаются на холм Мариан-Пойнт, ведь Шеббс приземлился где-то на его краю. А приземлившись там, он еще почти пятнадцать часов разыскивал спрятанный в лесу джип. В высоких шнурованных ботинках хлопала кровь. Болели ноги, мерзко щемило сердце. Шеббс действовал как летчик, сбитый над вражеской территорией. Солдаты вот-вот блокируют этот район, и он старался не оставлять следов. Он сжег парашюты, опрыскав их магниевым аэрозолем. Обгоревшие металлические пряжки он закопал в землю. На крутой скале, надежно укрытой снизу деревьями, он оставил несколько только ему понятных знаков, чтобы позже легче было вести поиски. Позывные джипа били по барабанным перепонкам, торопили его, зато сигналы, исходившие от передатчика, спрятанного в мешке с деньгами, становились все слабее.

Спустившись по склону пологого холма, Шеббс вошел в реку. Ледяная вода умиротворила боль в ногах. Часа через три он вышел на развилку дорог, обозначенную на карте как Дэдмонз-Галч. Здесь сигналы джипа усилились. Думаю, нелегко было отказаться от немедленных поисков, но он проявил волю и здравый смысл. Главное сейчас было унести ноги.

Взорвав джип, он еще пару суток пробирался на Средний Запад, где, наконец, разыскал знакомого врача, поставившего его на ноги.

Только под осень Шеббс двинулся на поиски денег. С ним был Джекки. Он видел, что Шеббс полон веры в успех, но, к сожалению, батарее передатчика, вложенного в пластиковый мешок с деньгами, давно сдохли, Шеббс и Джекки искали наугад, и искали безрезультатно.

Впрочем, Джекки посмеивался. Он не чувствовал себя проигравшим, ведь он собирался окупить пережитое доходами от будущей книги. Но Шеббса его настроение раздражало. Однажды, проснувшись, Джекки не нашел Шеббса в палатке. Ушел ли он, обозлившись на приятеля, оставил ли поиски, разочаровавшись, или,

напротив, решил продолжить их в одиночестве — этого Джекки не знал.

Не думаю, что Шеббсу повезло. Двадцатидолларовые купюры, номера которых, естественно, были зарегистрированы банком, на рынке не всплыли. Где-то через год, играя на берегу реки Колумбия, довольно далеко от того места, где предположительно выпрыгнул из самолета Шеббс, восьмилетний Брайан Ингрэм случайно наткнулся в песке на пачку долларов. Недалеко, ниже по течению, были найдены еще две пачки двадцатидолларовых купюр, перетянутые сопневшей резинкой. Но, как установил Джек Берримен, эти купюры не являлись частью тех, что были выданы Шеббсу...

— «Видел я все дела, что делаются под солнцем, и вот — все это тщета и ловля ветра»...

Ловля ветра.

Я перевел дыхание.

Пять суток, проведенные в душном вагоне, давали о себе знать. Даже Йооп уже почти не улыбался, а два резвых пенсионера из Спрингз-6 давно забросили свои самодельные карты. Кто-то садился под взрывное устройство, кто-то дремал, кто-то мрачно молчал, уставившись невидящими глазами в пространство — ничто никого не трогало.

Одна деталь, впрочем, действовала успокаивающе — от расстрелов малайцы отказались. Видимо, их переговоры все же двигались в нужном направлении. Однажды нам даже выдали хлеб и копченую колбасу, явно полученную из армейских запасов.

— Как там в Амстердаме? — спросил я Йоопа, когда он вновь появился в вагоне.

Я спрашивал не столько ради самих новостей, сколько ради Шеббса, которого опять привязали к взрывному устройству. Я боялся случайностей. Мне не хотелось, чтобы случайности вмешивались в это дело. Я усмехнулся, слушая Йоопа. О да, в Амстердаме хорошо. Патриоты Южных Молукк близки к успеху. Главное сделано: мир узнал, наконец, о судьбе молуккских патриотов, мир с волнением следит и за их действиями. Ближе время, когда Южными Молукками начнут управлять не чиновники, присланные из Индонезии, а сами молуккцы.

Свобода! Я усмехнулся. Во всей истории больше всего меня забавлял один достаточно неловкий, на мой взгляд, момент. Чтобы добиться своей свободы, коричневым братцам пришлось почему-то расстреливать жителей далекого бобрового штата, никогда не интересовавшихся их островами.

Ну да, усмехнулся я. Мыло для нечистой совести еще не изобретено. Не все ли равно, на чьих костях строится свобода?.. Разве, убивая Цезаря, Брут и Кассий думали не о той же свободе? Правда, Цезаря убили сами римляне, им видней... Однако тот же Юлий Цезарь, не задумываясь, умертвил вождя готов Верцингетерикса. Чего не сделаешь во имя свободы?

— «И вот — все это тщета и ловля ветра»...

Ловля ветра. Я прислушался.

— «Что было, то и будет, и что творилось, то творится, и нет ничего нового под солнцем»...

Я смотрел на человека в долгополом пальто, привязанного к взрывному устройству. Походил ли он на Шеббса? Несомненно. Был ли он Шеббсом? Я не мог этого утверждать.

Вот уж поистине, «узнать одного в другом вовсе не значит сделать из двоих одного».

А человек в долгополом пальто, перехватив мой взгляд, медлительно улыбнулся.

— Учитесь терпеть, — сказал он негромко и как бы нехотя. — Нет на свете ничего, что бы со временем не заканчивалось.

Мог бы так сказать Шеббс?

— Обратите внимание на малайцев, — все так же

медлительно выговорил мой сосед.— Мне кажется, там что-то произошло. Малайцы явно к чему-то готовятся.

— Вы понимаете по-малайски?

— Нет, но я чувствую.

Чувствую...

Он произнес это странно.

Ни улыбки, ни усмешки не было на его длинном невыразительном лице. И с пронзительной ясностью я вдруг представил его не в душном вагоне, а под закопченными сводами тайной алхимической лаборатории. Дымящиеся колбы, клокочущие реторты, кубки и тазы, стеклянные сосуды, черный вытяжной шкаф, пугающий своей глубиной. Вытянув длинные руки над колеблющимся огнем, мой сосед медленно бормотал слова магических заклинаний...

Почему нет?

Глупец становится безумцем, богат бедняком, философ — болтуном, приличный человек напрочь теряет приличие...

Может быть. Но не мой сосед.

Он великолепно писался в тайную закопченную лабораторию. Я даже видел в его вытянутых руках венец вещей, вырванный у небес. Великий магистерий... Философский камень... Уроборос... Красная и зеленая змеи...

Может, никогда в жизни я не стоял так близко к столь великой тайне.

Философский камень... Метеорит ли это, вынесенный на нашу планету космическими течениями, искусственно ли созданное вещество со столь невероятными характеристиками, мне сейчас было все равно. Я просто хотел добраться до чуда.

«В моем досье,— рассказал мне однажды доктор Хэссоп,— есть данные о странных взрывах, вдруг снесших с лица земли целые кварталы. Вспышка света — и все! А никаких пороховых погребов или артиллерийских складов там и в принципе не могло быть... Ослепительная вспышка света — и все! Но этого мало. Я сам знал человека, которому посчастливилось держать в руках некое странное вещество. Оно походило на кусок прозрачного красноватого стекла и имело раковинистый излом. Человек, владевший этим веществом, должен был прийти ко мне поздним вечером осенью пятьдесят седьмого года. Но он не пришел. Его труп нашли через несколько дней в реке... Я знал и другого человека, который своими глазами видел «олово с зеленым свечением». Может, это был таллий? Но ведь таллий испускает зеленоватое свечение лишь будучи сильно нагретым, а тот человек держал «олово» голыми руками. И он тоже исчез, не нашли даже его труп...»

Не нашли даже его труп... Я задумчиво разглядывал своего соседа, он, казалось, не замечал меня.

Впрочем, он действительно не замечал меня. Я был ему открыт. Не знаю, что он там видел во мне, но я явно был ему неинтересен. Он, наверное, знал обо мне больше, чем я мог думать, зато я за пять дней ни на шаг не приблизился к его тайне, если, конечно, за ним стояла какая-то тайна.

Стояла ли? Не знаю... Но я был уверен: никто, кроме него, не мог оставить на светлой коже кресла изображение двух пожирающих друг друга змей.

А он?.. Сделал ли он это сознательно?..

Но что бы ни произошло, сказал я себе, я обязан вытащить его из этой дыры живым. Что бы ни произошло, он должен побывать в Консультации.

— Будьте осторожны,— сказал я негромко.— Что бы ни задумали коричневые братцы, я постараюсь вам помочь. Если начнется свалка, держитесь рядом со мной.

Он взглянул странно. Он видел меня насквозь. Он вдруг сказал:

— «Туун»... Вы ведь сказали так?.. «Туун»... Нет, я никогда не смогу побывать на вашей вилле...

— Но почему? — быстро возразил я.

Он улыбнулся. Я понял, что говорить ничего не надо. Просто я еще раз убедился: я обязан вытащить его из этой дыры. Он никому не должен достаться. Он — моя добыча.

В вагон вновь вернулся Йооп. И он, и его незаметный напарник, не глядя на нас, разрядили автоматы. Патроны падали прямо на пол и катились по нему. Фермеры с надеждой повернули головы. Кто-то из заложников приподнялся.

— Сидеть! — крикнул Йооп.— Всем сидеть на своих местах. Вас могут неверно понять.— И объяснил: — Мы выйдем первыми. Только после нас вы можете оставить вагон.

— Йооп,— сказал я.— Снимите взрывное устройство.

Йооп быстро сказал что-то напарнику, и они обидно расхохотались.

— Там нет никакой взрывчатки,— объяснил Йооп.— Чистый камуфляж. Мы пошли на это, чтобы поддерживать дисциплину.

— «Всему свой час, и время всякому делу под небесами: время родиться и время умирать... Время убивать и время исцелять... Время разбрасывать камни и время складывать камни... И приблизятся годы, о которых ты скажешь: «Я их не хочу...»

И приблизятся годы, о которых ты скажешь...

Кем бы ни был мой сосед, для него эти годы, несомненно, приблизились. Он был мой. Он мог подойти ко мне в Спрингз-6, а мог и не подойти, это не имело значения — он был мой. Он мог быть Шеббсом, а мог им не быть, это не имело значения — он был мой. И кажется, он тоже это понял, потому что сидел молча, нахохлившись, как птица.

В окно, с которого, наконец, сорвали газету, я увидел поляну и солдат, выстроившихся перед вагонами. Из-за деревьев торчал оружейный ствол, тут же стояли автобусы. Малайцы, я узнал Йоопа, Роджера, выходили один за другим, прикрывали глаза ладонью, будто их слепил дневной свет, и заученным движением, страшно однообразным, бросали автоматы под ноги солдатам. Их тут же обыскивали и вталкивали в автобус.

Потом пошли заложники. Храбреца Дэшила вели под руки. Фермеры дружно несли свои пустые ящики. По-моему, они прикидывали, кому следует подать счет за съеденные яблоки.

Наконец, в вагоне остались я и Шеббс, привязанный к взрывному устройству, да копошился у выхода, оглядываясь на нас, коротышка Триммер.

— Я отвяжу вас.

— Оставьте. Это может быть опасно. Я не тороплюсь.— Он не потерял ни медлительности, ни достоинства.— Помогите спуститься Триммеру. Мы еще успеваем поговорить.

Это прозвучало как обещание.

Я знал, Джек Берримен должен быть где-то здесь. С первым же сообщением о захвате поезда он должен был начать мои поиски. Он должен был знать, что я здесь. Я был уверен, Джек продумал все варианты, даже такой — я нахожусь в поезде не один, а с человеком, который мог подойти ко мне в Спрингз-6. А значит, Джек уже договорился с сотрудниками, ведущими осаду поезда, о том, что он сразу заберет меня и нашего общего друга... Мне очень хотелось, чтобы этот момент уже наступил. Я устал. Я хотел, наконец, спихнуть все эти дела на Джека.

Я прошел через весь вагон, чувствуя на спине тяжелой, все понимающий взгляд Шеббса. Торопясь, я помог спуститься со ступенек коротышке Триммеру.

Он задохнулся, глотнув свежего воздуха. Он что-то шепнул.

— Ну-ну,— сказал я.— Вы хорошо держались, Триммер.

И он вдруг просиял.

— Есть еще кто в вагоне? — настороженно спросил подтянутый армейский капитан. Он держался так, будто только что выиграл историческое сражение.

— Да,— сказал я, загоразивая проход, мешая капитану подняться в тамбур.— Там находится еще один человек. Он мой друг. Он привязан к взрывному устройству. Здесь нужен специалист.

Я верил малайцам, вряд ли там, правда, находилась настоящая бомба, но я высматривал Джека Берримена, я хотел, чтобы первым в вагон вошел Джек.

И я увидел Берримена. Я даже махнул ему рукой.

В то же мгновение меня бросило со ступенек вниз. Ослепительная вспышка растопила, расплавила, растворила в себе солнечный свет, никакого звука я не услышал.

«Йооп же сказал, что взрывное устройство — блеф...»

Острым камнем мне рассекло бровь.

«Йооп же сказал, что они лишь хотели поддерживать дисциплину...»

Я ослеп. Я ничего не видел. Я с трудом приподнялся.

Стоя на коленях, я тщетно пытался понять, что, собственно, произошло? Кровь заливала мне глаза, я совсем ничего не видел. Я стирал кровь ладонью, она текла вновь. «Не может быть так много крови...»

P. S.

— Мы поторопились...— Доктор Хэссоп был мрачен.

Я невольно притронулся к пластырю, наклеенному на лоб и на рассеченную левую бровь. Я поторопился? Как это поторопился? Шеф тоже не понял.

— Эл не мог не торопиться,— сказал он.— А Джек тоже никак не мог замедлить события. Что, собственно, имеете вы в виду, говоря, что мы поторопились?

— А может, наоборот, мы слишком долго тянули...— Доктор Хэссоп даже не взглянул на шефа.— Начинать надо было с человека с перстнем, с того самого, кто предлагал мне купить чудо. Прежде всего следовало найти его.

— Но мы его нашли,— возразил шеф.

— Да, нашли. Но не человека, а труп. К тому же, он был обобран, перстня при нем не было. И думаю, не случайно.

— Где его нашли? — быстро спросил я.

— В подземной Атланта.— Доктор Хэссоп хмуро пыхнул сигарой.— С ним здорово поработали, выглядел труп нехорошо.

Я покачал головой.

Подземная Атланта... Не лучшее место для одинокого человека, особенно ночью. Бесконечный лабиринт магазинов, клубов, ресторанов... Где, как не там, отнимать вечный огонь, спрятанный в гнезде перстня?.. Если это дело рук алхимиков, я мог только поздравить их.

— Ладно,— доктор Хэссоп постепенно успокаивался.— Мы не знаем, как связаны эти два человека — тот, что торговал чудом и был убит в Атланта, и тот, которого Эл пас в вагоне. Может, вообще никак. Это, кстати, нисколько не упрощает нашу проблему. Черт! Этот взрыв...

— Но малайцы утверждали и утверждают, что их взрывное устройство — чистый блеф.

Доктор Хэссоп медленно поднял на меня глаза:

— И они правы, Эл. Им можно верить, Эл. Более

того, именно в этом кроется наше единственное утешение.

— Не понимаю.

Шеф, я, Джек Берримен — мы дружно переглянулись.

Доктор Хэссоп снисходительно усмехнулся. Он еще был раздражен, но уже видел какую-то зацепку, это давало ему право на некоторую снисходительность.

— Боюсь, Эл,— в основном он обращался ко мне.— Боюсь, Эл, мы еще не готовы к тому, чтобы выиграть у алхимиков. Малайцы не лгут. Их взрывное устройство действительно не могло сработать. Хотя бы потому, что никакой взрывчатки в медных цилиндрах не было. Но взрыв-то был, Эл. Взрыв был! Сперва эта вспышка — невероятная, как Солнце. Потом тьма, потому что все на мгновение ослепли. И это, собственно, все. Ни звука, ни осколков. Просто ослепительный шар, мы даже высчитали его диаметр, испарил треть вагона, дальше, даже на дюйм, ничего не тронуто. На одном из кресел валялся шерстяной шарф, его даже не опалило... Ах, Эл! Почему ты не вывел этого квази-Шеббса вместе с собой, почему ты не обшарил его карманы? Я убежден, при этом человеке что-то было. При нем было что-то такое, о чем мы не можем и думать!

— Ну да,— хмыкнул я.— Антивещество. А может, философский камень.

Доктор Хэссоп не ответил. Он был выше моих дерзостей. Он ткнул пальцем в сторону пишущей машинки и диктофона:

— Садись за стол, мы не будем тебе мешать. Будь внимателен и подробен, я хочу знать все, абсолютно все. Любую мелочь, Эл. Ничего не забудь. Как выглядел этот человек, как он смотрел, как ходил, как смеялся — нам все пригодится. Опиши все подробности, Эл. Я уверен, твои записи нам понадобятся.

— Может, мне все же сначала выпастся?

— Нет, отчетом займешься прямо сейчас. Ляжешь, когда закончишь. И учти, ляжешь здесь, в разборном кабинете, а Джек останется при тебе. Не вздумай выходить даже в коридор Консультации. Ты теперь единственная ниточка, что хоть как-то связывает нас с алхимиками. Мы не хотим, чтобы с тобой что-то случилось. Ну, а выпавшись, ты заново напишешь отчет. Мы сверим твои записи, мы сверим их и с показаниями других свидетелей.

Он невидяще, он оторопело уставился на нас:

— Огненный шар... Ослепительный огненный шар без дыма, без копоти... И все! Ни звука, ни осколков... Если даже речь идет всего лишь о новом типе взрывчатки, даже в этом случае мы не можем не продолжить наши поиски. Разве не так?

В разборном кабинете шефа стояла тяжелая тишина.

Потом, не сговариваясь, шеф, Джек Берримен и я дружно кивнули.

33

По-видимому, Одиссей-один все еще недостаточно прогрелся, или его члены настолько отвыкли работать, что не смогли сразу войти в свою прежнюю форму. Ноги плохо держали вылезшего из саркофага человека, да и с координацией движений было пока неважно. Старик сделал самостоятельно всего-то два-три шага, а уже пот лил с него градом, несмотря на неполный прогрев организма. Одиссей-два приобнял своего первого номера за талию, тот положил ему руку на плечо, и они пошли к выходу из «теплицы» вместе, потихоньку при-выкая к существованию друг друга, проникаясь друг к другу каким-то неведомым человеческим чувством, которое, пожалуй, напоминало чувство братства, только особо кровного, ибо люди, открывшие его, все-таки были больше, чем братьями, больше, чем сямскими близнецами.

Так, в обнимку, они и вышли на вольный воздух. А на улице была настоящая благодать, светило солнышко, пели птички, журчал ручей в зарослях крушины и черемухи. И чем дальше они двигались, бережно держась друг за дружку, тем тверже ступал Одиссей-один по протоптанной в зарослях тропе, тем ясней становилась его голова, тем крепче сжимала его тонкая морщинистая рука плечо товарища.

Наконец, когда они дошли до гравилета и присели на него, Первый, назовем его для краткости так, почувствовал себя совсем хорошо, почти замечательно. Насколько возможно в его возрасте. Теперь, пожалуй, хуже было Второму, которого изрядно ослабили хандра и тоска предыдущих дней. Он помог Первому, а сам запыхался.

Оба присели на поролоновый матрасик гравилета перевести дух. Присели и увидели, что в зарослях кустарника находятся не одни. Оказывается, сменный координатор неслышно шел все это время за ними, словно заботливый внук, готовый в любой момент броситься на помощь. Конечно, Второй сразу понял, что Николая ведет не одна лишь сердечная озабоченность, а кое-что еще. А Первый знать этого не мог, он весь мир воспринимал пока лишь только в розовом цвете.

— Хороший молодой человек! — шепнул он Второму растроганно.

— Ага, — согласился Второй.

И сразу Николай, до того с интересом разглядывающий каких-то жучков-паучков, насторожился, прислушался, его уши повернулись на звук.

— В общем так, Одя, — решительно заговорил возвращенец, — чтобы ты знал сразу, я — первая твоя копия, а не вторая, которую ты планировал встретить на космодроме в двадцать шестом веке. Ты не долежал в анабиозе еще где-то лет двести, но не беспокойся, еще долежишь. А я дожил на Понтее до старости и, как видишь, вернулся обратно.

На Земле, понимаешь, произошли большие пере-

мены. У них теперь новая этика, новая мораль. И они все такие страшные моралисты, что не приведи бог! За нарушение этики посылают на перевоспитание аж в Пояс Астероидов или еще не знаю куда. По-видимому, никаких других преступлений теперь на Земле не совершается, так они за аморалку дают на всю катушку...

Первый слушал внимательно-внимательно, интерес к новому у него ничуть не притупился от пребывания в условиях, близких к абсолютному нулю.

Второй говорил торопливо, он боялся, что в любой момент его могут прервать, грубо заткнуть глотку, поскольку еще не было уверенности в окончательном знании правил поведения и уложений с наказаниями, принятых в двадцать четвертом веке.

Но, по-видимому, он удерживался в рамках, раз Николая стоял, весь напрягшись, стоял, готовый к прыжку, но прыжок не делал, не затыкал фонтан торопливых слов, извергаемых возвращенцем.

— ...Но это бы ладно, — продолжал Второй, — это бы и совсем хорошо, но штука в том, что у них теперь не только биоприставки признаны неэтичными и запрещены, но и вся моя жизнь на Понтее не подлежит огласке, пока не прилетит наш Третий. Потому, дескать, что, если я все расскажу и опишу, то его, Третьего нашего, жизнь окажется как бы вроде потраченной даром.

И потому у меня две возможности: или унести в могилу мою аморальную тайну, или залечь вместе с тобой в анабиоз еще на два века, пока не вернется наш звездолет.

Так что не обессудь, ничего я тебе рассказать не смогу, извини, если зря разморозил. Но тебя я бы послушал с удозольствием, знаешь, как надоели эти высоко нравственные рожи!

Тут возвращенец с вызовом посмотрел на координатора, но тот стоял, расслабившись, притулившись плечом к черемухе, кусал травинку, словно в этот момент с него делали художественный фотопортрет. Глаза его смеялись миролюбиво и как-то даже маленько виновато. Впрочем, насчет виноватости могло и померещиться.

Первый, внимательно прослушав дозволенную информацию, наверное, остался несколько неудовлетворенным, наверное, он нуждался еще в каких-то уточнениях, раз издал некий неопределенный мычащий звук.

— Нет, нет и нет! — сразу осадил его, замахав на него руками Второй, — сказал все, что мог, а больше даже и не заикайся! У меня лично нет никакого желания отдохнуть на одном из обломков Фазтона!.. Тут счел возможным вмешаться Николай:

— Да зачем уж так-то, пусть спросит, вдруг что-то упустил из разрешенного. Он ведь, я думаю, уже понял, что можно, а что — никак. Верно, дядя Дусь?

Первый пылливо посмотрел на координатора, с которым, кстати, еще и не познакомился, как полагается, он хотел удостоить молодого человека вниманием, но раздумал и все-таки кивнул ему едва-едва. То ли согласен, то ли — наоборот.

В координаторскую деятельность Николая входило недопущение утечки аморальной информации, а в остальном-то он был обыкновенным человеком, доброжелательным и мягким, ему вовсе не хотелось, чтобы старики умирали на своей промежуточной станции от переживаний или еще от каких-то субъективных причин. Ему от чистого сердца хотелось, чтобы все Одиссеи встретились когда-нибудь и сказали друг дружке то, о чем молчали не день и не год, а целые долгие столетия.

Координатору этого так сильно хотелось, что ему даже было немного стыдно повышенной стыдливо-

сти своего родного века. Странное это ощущение, надо сказать. Далеко не всем выпадает пережить его хотя бы раз в жизни.

34

А Одиссеи между тем пустились в воспоминания. Первый вспоминал, Второй слушал, то и дело перебивая, уточняя детали, задавая вопросы по ходу повествования. Повествование то и дело прерывалось взрывами хохота, старики выкрикивали какие-то незнакомые Николаю слова, видимо, архаизмы, хлопали друг друга по плечам и спинам, так, что жалобно всхлипывал под ними гравилет, грозя преждевременно развалиться. Жизнь в Одиссеях еще была, что называется, ключом.

— Слушай, Одя, а зачем это здесь, посреди за-рслей, кровать?! — давился от смеха Первый.

— А это не кровать, хо-хо-хо! Это — гравилет, на котором я, хе-хе-хе, прилетел тебя будить! Ей-богу, не вру!

— А где у ней мотор?!

— Да говорят тебе, гравилет, ха-ха-ха, зачем ему мотор! Коль, подтверди!

Но Коля, держась поодаль, делал вид, что его чрезвычайно интересуют жучки-паучки, дотянувшие аж до двадцать четвертого века, приспособившиеся ко всем отравам.

— А помнишь секс-зал?! — Одиссеи непринужденно меняли тему.

— Еще бы, хи-хи-хи-хи!..

— Такое не забывается!

— Славно резвились!

И они хохотали вновь и жалели, что секс-залы взорваны. Пусть бы стояли себе. Мало ли.

— С Пенелопой-то мы жили душа в душу до самой старости, — вел повествование Первый, досмеявшись до боли в щеках, словно ему было не семьдесят с лишним, а семь, — она у меня шустрая такая была, заводная. Только последние годы либо слегка умом повредилась, либо еще чего. Грустная сделалась, вдаль стала смотреть, словно ждала кого-то... Тебя, что ли. Или Третьего...

При этих словах теплая волна прилиwała к сердцу притихшего возвращенца, и две Пенелопы соединялись там в одну, идеальную и безгрешную...

— ...Я ее даже с досады поколачивать стал в последнее время чисто символически, надеялся, что дурь эта как-нибудь выскочит из нее. Да где там! Возраст, видимо, уже влиял преклонный...

— Да ты что, да как же, да как ты мог поднять руку на женщину, на безгрешную кроткую душу!.. — задыхался от возмущения возвращенец.

— Ладно тебе, нашел «безгрешную кроткую душу», будто не помнишь, что она выделывала в секс-зале, пока замуж не вышла...

И у них дело чуть не доходило до ссоры, настроившись координатор, однако Одиссеи и без него как-то изыскивали возможность перевести беседу в спокойное и дружественное русло.

— ...Дети выросли, сам не заметил как, — продолжал прерванное повествование Первый, — помнишь, небось, детей-то своих, Машутку и Юдифь?..

— Еще бы, — ронял задумчиво Второй, — помню отчетливо, будто вчера расстались...

— ...Выросли, стали считать себя умней родителей. И однажды Юдка мне так это высоко заявляет: «Мне стыдно быть дочерью таких легкомысленных родителей! Ужас! Неужели вы посещали секс-залы?!» А вторая, которая подобрей была, Машутка, как закричит: «Я не могу так жить, папочка миленький, скажи, ну, скажи, ведь не было этого, не было!..» Что мне оставалось отвечать? Скажи, пожалуйста,

что?! Ведь посещали! И все про всех все знали! Даже соврать я не мог моим настырным детям! И наши родительские заслуги — псу под хвост! «Родители легкого поведения», каково?!

— ...Да, да, да... — только и отвечал задумчиво Второй. А сам думал, что и у него на Понтее были трудности с детьми в области взаимопонимания. Вот ведь штука — на другом конце галактики!

— ...В общем, выросли они да и подались в монастырь. Обе. Тоже — примета времени, мода. Постриг приняли. Приглашали меня на это торжество, да я не поехал. Злой был на них. Сейчас бы поехал... М-мда...

Юдка во всем виновата. Она и сестру всегда подбивала. А уж та какая добрая да покладистая была!.. Я ее больше жизни любил... Поздно это понял. Наверняка мог ее спасти, отцовским авторитетом повлиять. Злился, как дурак, а мудрости не хватало...

Потом, вроде, Юдифь разругалась с настоящейницей, надоело ей наши грехи замаливать, ушла в мир, родила дитя без мужа... В такое-то строгое время. И не знаю теперь, есть ли у нас на Земле хоть одна родная душа...

— Я знаю, — подал голос возвращенец, — уже узнал. Слабый твой корень оказался. Последний потомок умер через сто восемьдесят лет после отлета звездоплана.

— Надо же! — покачал головой Первый, — все-таки через сто восемьдесят... А теперь, значит, никого у нас с тобой... Надо же...

— Чем же ты занимался-то всю жизнь, а, старый? — отвлек его от нового приступа невеселых дум Второй, — звездолет улетел, а ты что делал?

— Да, известное дело. Много нас тогда было, исследователей иномиров. С одной стороны — ты герой, гордость родных и знакомых. С другой — пропащий человек. В двадцать-то лет. Человек, у которого все самое главное — позади. Это только тот до конца поймет, кто на своей шкуре пережил.

Ничем, собственно, я и не занимался все это время. Просто ждал, невесты чего. Думал, у меня одного так. Поспрашивал, у других — то же самое. Потом это назвали «синдромом раздвоения». Лечить стали.

А до того все перемогались в меру собственных сил. И я перемогся. Надо было как-то жить. Стали мы с женой снова наведываться во Дворец Компьютеров не ради секса и квасоколы, конечно, а ради конкурсов. Оказался я вскоре наилучшим претендентом на пост организатора-педагога в моей альма-матер, то бишь на курсах усовершенствования контингента.

В тот же день счастливый билет вытянула и моя Палестина. Старшей продувальщицей компьютерных блоков стала. Тоже, между прочим, не каждой такой выигрыш доставался. Многие довольствовались гораздо меньшим.

Но с того дня я стал сомневаться в абсолютной честности компьютерных игр. Что-то уж очень подозрительными показались некоторые совпадения. Как-то так вышло, что наилучшие варианты всегда доставались людям, которые уже и так выигрывали большое количество всяких радостей. А это означало, что либо удачливые люди сумели как-то подружиться с электронными арбитрами, либо компьютеры вовсе ничего не решали, а процветало элементарное надувательство доверчивого народа.

Потом стал нарастать пуританизм. Дворцы Компьютеров закрыли для массовых посещений, конкурсы стали заочными, а информация о них — конфиденциальной. Так что я не успел разобраться во всем досконально...

— Слышь, Никола, просвети-ка нас! — крикнул возвращенец координатору, по-прежнему разглядывавшему своих козявок. Но тот сделал вид, будто не знает,

о чем идет речь, заставил коротенько повторить суть дела. До чего живучи в человеке некоторые его особенности!

— Так-так-так-так-так... — почесал затылок Николай, — значит, говорите, двадцать первый век, тридцатые годы, компьютерный бум... Так-так. Все вопросы проходили через компьютер. Даже самые пустяковые... Да-да, мы это по истории проходили, вспоминаю отчетливо... Было надувательство! Махровое! Классическое! О нем только в середине следующего века осмелились заговорить вслух. До того — полный молчок. Тишь и гладь. Кто-то крепко держал все нити.

— Вот так да-а-а... — протянул один Одиссей изумленно.

— Вот тебе и раз... — откликнулся другой.

Ясно было, что оба потрясены услышанным чрезвычайно.

35

Вот так всегда и бывает: живет человек, живет, а когда подойдет вплотную к своей крайней черте, то выясняется, что рассказать-то о прожитой жизни и нечего. То ли мастерства рассказчика не хватает, то ли жизнь при взгляде с послед-

кой лесной почве, другой делал то же самое, но только не пяткой, а носком своего старинного грубого башмака.

Тогда Коля решил прийти старикам на помощь. Сам решил, а не по велению своей должности. Он чисто по-человечески не мог терпеть, когда кто-то рядом грустил или тосковал.

— А что, отцы, — сказал он, отвязавшись, наконец, от несчастных лесных жителей, — может быть, вы хотите посмотреть на родную планету с высоты птичьего полета? Побывать в наших прекрасных городах, пообщаться с нашими отличными людьми? Может быть, захотите остаться с нами навсегда?

— Не все сразу, — остановил его возвращенец, он

него рубежа оказывается незначительной.

Во всяком случае, Второй больше никаких наводящих вопросов не задавал, а Первому добавить к сказанному было нечего. Все, что слабыми искрами еще изредка вспыхивало в мозгу, казалось или постыдным, или глупым, или таким, что ни одна душа в мире, даже самая-самая родственная, знать не должна.

Так у них и закончился этот час воспоминаний. Да, в какой-то час и уложилось все. Одиссеи замолчали, они молчали долго, может, минут двадцать, протяжно вздыхали по очереди, один вертел пяткой лунку в мяг-

с этого момента решил по праву более бывалого и опытного выступать от имени обоих Одиссеев, — давай-ка мы, для начала, полетаем над Землей, а уж потом решим остальное.

И Николай кивнул согласно, потому что именно такое решение он и имел в виду.

— Перегруза не будет? — опасливо спросил возвращенец, когда все трое взгромоздились на гравилет.

Коля глянул на него красноречиво, и тот стал стесняться задавать технические вопросы. Стартовали они лихо, так что старики едва не вывалились в момент отрыва от земли, этим координатор продемонстрировал возможность летательного аппарата. А дальше полет протекал нормально и спокойно, как и подбавляет ознакомительному, экскурсионному полету.

Одиссеи нашли, что планета за отчетные столетия изменилась в лучшую сторону, стала определенно краше и экологичней, чем была. Они увидели леса, автострады, реки, города, стартовые площадки для массовых нуль-переходов. Даже зверей в лесах они увидели, причем, это Одиссей-два отметил про себя, из одного зверя через несколько веков вполне мог развиться носорог, а из другого — мамонт. Если, конечно, эволюция не совершит какой-нибудь непредсказуемый зигзаг.

Потом они выразили желание посмотреть, как выглядит человеческое жилище изнутри. Естественно, Николай повез их в свою квартиру.

Он обитал в яйцеобразном доме, парившем на высоте двух метров от земли. Прямо на гравилете друзья влетели в окно, Одиссей-один испуганно прижмурился при этом, а Одиссей-два лишь рассмеялся, но оба решили, будто сейчас окажутся в чужом доме без предупреждения, и получится деликатная ситуация. И оба ошиблись. Оказалось, что они влетели в окно подъезда.

Потом им пришлось довольно долго торчать на лестничной площадке, глазеть в окно, за которым расстилалась красивая панорама, пока Николай вел за дверью какие-то необходимые переговоры с супругой. Там звучали голоса и порой что-то твердое падало на пол.

Наконец, дверь распахнулась, а на пороге стояли сияющий Коля и сияющая, как выяснилось, Агидель.

— Милости просим! — сказали хозяйка хором, и старики робко вошли в квартиру.

Стол был накрыт в соответствии с традициями как двадцать первого, так и двадцать четвертого века, а во главе его красовалась большая бутылка квасоколы.

— Вот, — смущенно сказала Агидель, — сама синтезировала. По старинным рецептам. Не побрезгуйте, гости дорогие!

И гости не побрезговали. Их робость вскоре прошла, они почувствовали себя как дома, им захотелось остаться в двадцать четвертом веке навсегда, и они бы остались с радостью. Но бросить на произвол судьбы своего пока еще несуществующего Третьего старика не могли никак. Крепко сидело в них чувство долга.

Видимо, Агидель все-таки что-то маленько напутала с квасоколой, но вкус напитка от этого явно не пострадал, а даже и наоборот.

Пылла-ли закаты,
и ливень бил в стекло-о-о.
Все бы-было когда-то,
было да пра-шло! —

базлала старики изо всей мочи, когда возвращались на гравилете назад, и ясная заоблачная лазурь делала их старые глаза голубыми-голубыми.

— Как у вас с сексом? — вдруг озаботились проблемой они.

— А никак, — ответил Николай, — оплодотворяем женщин при помощи психической энергии.

На это у Одиссея не нашлось слов.

В целом, встреча поколений прошла, как говорится, на хорошем уровне.

36

Так все и решилось само собой. Гравилет снова завис над ровными рядами стеклянных крыш, отражавших красные лучи вечернего светила, они сориентировались, отыскали среди обширного «комплекса для хранения замороженных фигур» свою «теплицу» да и приземлились.

Не сговариваясь, сели на лавочку. Лавочка была теплая и шершавая. На ней кто-то вырезал перочинным ножом: «Земля — Амир. 2024-2630. ДМБ. Мотя».

Захотелось тоже что-нибудь вырезать на память о себе. Но ни у кого не было ножа.

— Может, у служительницы спросить? — неуверенно предложил координатор.

— Не-е, не даст, — почему-то решил Второй.

— Ну ее, — согласился с ним Первый.

Их недавняя веселость и бесшабашность куда-то подевались.

Так и отказались от затеи. Да и лавочка была уже очень старая. Не внушала уверенности. Наверняка она не собиралась дожидать до возвращения Моти.

Сидели и молчали. Долго.

— Ну, вот, Коля, — молвил, наконец, возвращенец, — вот, Коля, и все...

Никаких ответных слов эта фраза не предполагала. Всем было грустно расставаться, но быстро сгушалась тьма, и стоило поторопиться. Как не полагается встретить человека после захода солнца, так и класть его в потемках в анабиоз — нехорошо. Условность, конечно, предрассудок, а все равно...

— А я там, на нашей поляне, где гравилет стоит, завтра бетонный столбик вкопаю, — вдруг решительно вскочил Николай, по-видимому, эта идея только что его посетила. — Вы проснетесь, отправитесь встречать своего Третьего, глядь, а из земли столбик торчит! И вспомните Колю из двадцать четвертого века!

Поднялись и Одиссеи, отдав должное древнейшему обычаю предков.

— Пора нам! — решительно сказал Второй.

— Пора! — эхом отозвался Первый.

— Не смею удерживать, — Николай услужливо распахнул перед стариками дверь.

Утренняя служительница, по-видимому, окончила свою вахту, на ее месте теперь был совсем молоденькая специалистка, но она посмотрела на вошедших, как на пустое место. Впрочем, некоторые чувства все-таки мелькнули на ее личике. Недоумение. Недовольство по поводу неопорядка. На нем ясно читалось: «Не лежит вам, надо же! Песок сыплется, а туда же!»

Однако ни одного лишнего слова девушка не произнесла. Проводила пришедших в комнату, где все происходило, потом отлучилась на недолго, потом кран-штабелер приволок откуда-то два порожних гроба.

Гробики стали рядышком на необъятном столе, их прозрачные крышки были приглашающе сдвинуты.

Возвращенец заглянул в саркофаг, где предстояло храниться ему. И увидел, что консервационная смазка с хромированных поверхностей не снята, в углах лежит толстый слой пыли. Конечно, такое отношение подпортит высокую скорбь момента, приземлило ее как-то. Но сын неба сдержался, не стал высказывать обиду вслух. Не это хотелось ему сохранить в памяти. Совсем не это. А без этого, выходит, не обходится ни один век.

Он лишь кротко попросил у служительницы тряпку, она вскинула на него надменные глаза, но намек поняла, все сделала сама, хотя и с видом великого одолжения.

Наблюдавший за происходящим Первый сунул руку во внутренний карман старинного пиджака, вынул оттуда какой-то черный стерженек, протянул его служительнице.

— Азторучка, сувенир,— сказал он робко,— на память о нас. Не побрезгуйте, возьмите!

— Ах, уберите это, нельзя нам, не положено!— служительница даже отшатнулась и выронила тряпку, лицо ее брезгливо передернулось, голос дрогнул на высокой ноте.

Торжественность расставания была испорчена. Уже ни у кого не оставалось желания длить и длить печальные минуты, всем хотелось, чтобы прощание закончилось поскорей. И служительницу тоже нельзя было особо винить, ее должность считалась одной из наименее престижных, навязанной человечеству его бездумным прошлым, а ежедневное пребывание среди замороженных тел, естественно, не располагало к душевной утонченности.

Одиссеи улеглись в свои морозильники, Первый подмигнул Второму, как более опытный в данной ситуации, не робей, мол, старик, прорвемся; тот моргнул ответно, дескать, сам не дрейфы, а мы и не такое видали, хотя вдруг сделался растерянным и бледным, каким-то маленьким и еще более старым.

Они пожали друг другу руки, пожали руку координатору Николаю и даже, смутившись, обнялись с ним, тот раза четыре переспросил, удобно ли старикам лежать, словно закился на этом. И стеклянные крышки задвинулись.

Одиссеи еще кричали что-то, показывали на пальцах, но плексигласовые крышки звук не пропускали, жесты можно было толковать по-разному, так что Николай не понимал ничего, он лишь улыбался обоим вместе и каждому в отдельности, шевелил пальцами поднятой к плечу руки, сжимал пальцы в кулак. Он принимал свой жест примерно так: «Я с вами всегда, я вас не забуду, я верю, что вы осуществите все задуманное. А они, конечно же, не пройдут!» «Они», это значит любые мыслимые и немыслимые враги.

Потом в морозильниках стала снижаться температура, но старики терпели лютый холод изо всех сил, не подавали вида, как им тревожно и страшно, и холодно, и одиноко в своих гробиках...

Наконец, при достижении определенной температуры служительница пустила под плексигласовые колпаки наркотический газ. Муки Одиссеев разом закончились, но еще некоторое время подрагивали их зажмуренные веки, самопроизвольно шевелились губы, словно еще какие-то слова пытались обрести желанную гласность...

В конце концов датчики показали температуру около трех градусов по абсолютной шкале, что означало конец процесса замораживания.

Николай еще проследил, чтобы саркофаги поставили рядышком, чтобы на табличках написали новый текст: «Разбудить за день до возвращения со звезд нашего Третьего». Об этом его просили Одиссеи, как о самом главном.

Но он ведь не мог им обещать, что до двадцать шестого века не произойдет ничего непредвиденного, что их вовремя оживят, что, наконец, не появится какая-нибудь новая идеология, новая этика, мораль, руководствуясь которыми люди из самых идейных и нравственных соображений однажды взорвут «комплекс для хранения замороженных фигур», встретят возвращающихся из бездны мироздания космическими торпедами...

Тревожила ли стариков такая, пусть чисто теоретическая возможность? Наверное. И наверное, они старались о ней не думать, гнали прочь нехорошие мысли.

Координатор покинул «комплекс для хранения замороженных фигур» с чувством явного облегчения. Даже с радостью. Через час он был уже дома со своей Агиделью. Ночью они приняли совместное постановление и сразу, чтобы потом не было всяких экзиков, условились назвать будущего сына Одиссеем. Но родившуюся впоследствии дочь пришлось назвать Пенелопой. Впрочем, это случилось, как и полагается, не сразу, а через девять месяцев.

Следующее же утро Николай посвятил докладу своему начальству об успешном и быстром исполнении деликатного поручения. Его похвалили, выписали премию, года два ставили в пример. Как исполнительного и инициативного сотрудника. Все были рады, что общественная нравственность осталась незамутненной, что от возвращенца избавились легко.

А вот с бетонным столбиком вышла целая эпопея. Сперва все некогда было его вкопать, дело откладывалось со дня на день. Потом Коля вообще охладел к своей идее, она стала казаться ему слишком сентиментальной и какой-то даже бабьей. В общем, он решил нарушить свое обещание, поскольку давал его сам, по собственной инициативе, и столбик старикам Одиссеям был, конечно же, без надобности.

Но когда и бравого координатора в свой срок подкараулила старость, он вспомнил о сентиментальном заблуждении молодости, оно предстояло перед ним в каком-то новом свете и заблуждением не показалось. Захотелось вдруг отдать старый долг (Одиссеям ли, себе ли?), вздумалось взять и слетать на заветное место, взять и вкопать столбик.

Но уже был Николай немощным. Агидель давно схоронил, жил на иждивении у взрослой Пенелопы, и та не отпустила старика из дома, сочла его желание стариковской блажью. Ну, не отпустила, и все тут!

Так и помер. А потом внук Аркаша, шарясь в дедовых бумагах, наткнулся на некое подобие завещания, адресованного хоть кому, там же был начерчен планчик. Парень напряг свою молодую психику, ему это ничего не стоило, и сотворил бетонный столбик высотой с метр. Потом сел на гравилет, сработанный под вид спортивного автомобиля, полетел, разыскал нужное место среди зарослей черемухи и «вольчих ягод» и все сделал, как было предписано его любимым дедушкой Колей. Только еще нацаралал на столбике свое имя.

37

Все приборы показывали норму, Одиссей уже должен был осознать себя и выйти из биоприставки, но он почему-то мешкал. И тогда компьютер, наверное, чтобы слегка взбодрить, тихонечко стукнул его током.

Исследователь иномиров выскочил из биоприставки пулей, что, конечно, было полезным для всех его систем, они сразу активно зафункционировали, вошли в хороший режим, притираясь друг к другу и обкатываясь.

Одиссей прилип к толстому стеклу иллюминатора, на котором еще, кажется, хранились отпечатки понтейских лиц, а за иллюминатором сиял огромный голубой диск, который ни с чем нельзя было спутать. Глаза мгновенно отыскали точку посреди Евразии, и показалось даже, что еще чуть-чуть, еще усилие, и станут различимы невооруженным глазом мельчайшие детали земной поверхности: лесные речки, отдельные деревья, дома, люди...

Одиссей сорвал гермошлем, закинул его в один

угол, резиновые штаны и куртка полетели в противоположную сторону. Из свинцовых ботинок он просто вышел, где стоял. Во всем теле ощущалась такая легкость, будто искусственная тяжесть в момент появления человека на свет не включилась.

Скорей, скорей к телескопу!.

Однако бесстрастный телескоп сразу остудил воспаленные эмоции звездного скитальца. Одиссей осматривал родную планету вдоль и поперек, но слишком мало находил знакомых предметов. Горы, океаны, большие реки находились на месте, но остальное...

А на что он, собственно, рассчитывал через полтыщи-то лет!

А все равно душа сопротивлялась, она не принимала действительность, она оказалась не приспособленной к таким прыжкам через пространство-время...

Одиссей решил быть бесстрастным, собранным, произвести с честью посадку, а уж потом дать волю чувствам. Он не стал больше глядеть в телескоп, постарался настроиться на философский лад, чтобы любую действительность встретить достойно и красиво. Обязательно красиво, ведь в этот день парню, в аккурат, исполнилось двадцать шесть лет... Плюс, конечно, еще пятьсот...

И тем не менее, когда звездолет мягко опустился, когда исчезла перегрузка и навсегда умер атомный двигатель, все равно душа была готова к тому, что вот распахнется люк, встретит отважного звездолетчика родной космодром, забитый ликующим народом, с красных транспарантов будет кричать размноженное стократно имя, одно лишь имя: «Одиссей-эй-эй!»

Но глаза разыщут в толпе веснушчатое заплаканное лицо, обрамленное яркими волосами цвета свежей ржавчины, и подмигнут лицу. «Ну, вот, а ты боялась!» — будет читаться в этих глазах написанное особыми буквами.

А к тому, что ничего такого в принципе не может быть, душа не была готова.

38

Распахнулся люк. Одиссей подошел к отверстию. И увидел огромную поляну, кое-где подпорченную торчачими из земли валунами. Только на горизонте виднелась ровная грядя леса. Ландшафт подозрительно напоминал понтейский. Только радостных абсригенов что-то не было видать.

Одиссей глянул вниз. Нет, все-таки это был не Понтей. Внизу, под звездолетом, копошились знакомые механизмы. Они занимались ликвидацией последствий атомного пожара. Сразу бросилось в глаза, что машины едва шевелятся, причем, от них то и дело отваливаются всякие железки. Прямо на ходу.

Одиссей глянул по сторонам. Нет, все-таки это был не Понтей. На поляне торчало там и сям еще несколько десятков звездолетов. Некоторые уже вросли в землю, покосились, ржавчина сползла с них, словно чешуя, висела лохмотьями.

Но самое обидное — докладывать было абсолютно некому!

Одиссей глянул на анализатор воздуха, тот показал, что воздух на Земле за последние пятьсот лет значительно улучшился, хотя до понтейского еще не дотягивал.

Потом он выбросил из люка веревочную лестницу. Уже не было никаких сомнений, что трап не подадут и ковровую дорожку не постелят.

«Однако где же люди?» — недоумевал Одиссей все более; и от этой мысли в нем возникало что-то похожее на сожаление об оставленном Понтее. Словно он мог его и не оставлять.

И вдруг далеко-далеко он увидел две человеческие фигурки посреди зеленого пространства. Два че-

ловека бежали встречать его, они торопились, падали, помогали друг дружке. И душа Одиссея, забыв про все на свете, рванулась навстречу им.

Ну, а если рванулась душа, то что оставалось делать телу?! Оно кубарем скатилось по веревочной лестнице вниз и кинулось что было духу по траве-мураве. По любимой, родной планете. По Земле, Земельке, Земелюшке...

Не добежав пятидесяти метров друг до друга, люди вдруг резко остановились. Одиссей смотрел на встречавших с недоумением, они на него — с радостью, со счастьем в глазах, но и с тревогой. Хотя они-то знали все, знали, что никаких изменений во время пути с космическим странником произойти не может.

Одиссей глядел на стариков, на странных стариков, лица которых были неестественно похожими и необъяснимо знакомыми, но никак не мог вспомнить, где и когда видел их раньше. Очень мучительное ощущение. И куда-то ушли силы: ноги налились тяжестью, словно биоприставка чего-то не доделала с ними. Хотя этого и не могло быть.

И одеты старики были довольно странно: один имел деловой костюм начала двадцать первого века, серую пиджачную пару, другой — что-то серебрястое, в чем могли щеголять, по убеждению Одиссея, лишь персонажи научно-фантастических телестановок.

«А может, это мираж? — подумалось пришельцу, — какой-нибудь наведенный мираж, голограмма, другая чертовщина?..»

Но тут старики снова сорвались с места, отдышались немного и — вперед, и уже через пару минут они тискали Одиссея в объятиях, тыкали его высохшими старческими кулачками, радовались от души, ликовали, можно сказать.

И Одиссей тоже стал ощущать в себе нарастающую радость, которая была необъяснимой, но приятной.

Так они долго радовались друг другу, не замечая времени, а потом успокоились. Больше встречать никто не явился, никаких официальных лиц дожидаться не удалось, да им пока и не нужен был никто, столько накопилось нерассказанного друг другу.

И пошли Одиссеи в обнимку в сторону звездолета, странная это была троица, двое стариков и один молодой, молодой и сильный — посредине, старцы — по бокам. Кого же напоминали они, связью душ, со счастливыми улыбками на губах, с одною общемою душой на лицах, на общем лице?..

Может быть отца, и сына, и святого духа напоминали они в своем фантастическом триединстве?!

...Так Одиссеи поднялись все трое на корабль, с которым у каждого было связано что-то свое, сделали себе еды, квасоколы, на сей раз, кажется, без отклонений от генерального рецепта.

И сели разговаривать. Сперва Первый повторил свой рассказ о жизни на Земле для Третьего, но и Второй прослушал его с живым интересом. Помянули Пенелопу.

Потом Третий сделал сообщение об экспедиции на Понтей для Первого, но и Второй сообщение принял со вниманием.

Наконец, Второй поведал обоим сотоварищам о своих робинзонских буднях на Понтее, отчитался, на что истратил все разрывные заряды. Помянули обоих Пенелоп.

Таким образом их, в общем-то, заурядные одиссеи, наконец-то, слились в одну. Грандисзную и фантастическую. Осознав это, друзья еще выпили квасоколы.

Нет, отклонения от рецепта, пожалуй, все-таки были. Незначительные.

— Тебе больше нельзя, ты еще молодой,— сказал Первый Третьему наставительно.

— Да-да,— поддакнул Второй.

— Это я молодой!?— обиделся Третий,— да мне пятьсот двадцать шесть лет!

— Физи-зисески, я имел в виду,— стоял на своем Первый.

— Да-да, физически,— снова поддакнул Второй.

— Ну, ладно, молодой так молодой. А тогда у меня и сил больше!— нашел другой подход к проблеме Третий. И он был в этом, безусловно, прав.

В общем, они не поссорились. Второй вспомнил вдруг про Колю-координатора, расчувствовался, прослезился. Старость, она и есть старость. Нервы слабые. Первый рассказал Третьему про Колю. Второй кое-что уточнил на ходу. Помянули Колю. А потом на всякий случай и неведомого Аркашку, имя которого почему-то значилось на символическом бетонном столбике.

А потом из-за далекого леса явился вечер, тень от звездолета протянулась в бесконечность. И всем захотелось спать. Легли прямо на пол, благо, он был теплым от двигателя и мог долго сохранять это тепло.

39

Утро, как и во все времена, оказалось мудренее вечера. За завтраком троица обсудила и приняла программу дальнейшей жизни.

— Мы, Одя, еще и сами не сориентировались,— опять взял на себя руководство Второй,— разбудили нас автоматы. Ничего не скажу, вовремя. Согласно табличке. Но пока мы в себя приходили, пока отогревались, времени уже порядочно прошло. Из морозильников вылезли, смотрим — служительницы нет, со-

седние ящики, в основном, пустые, все кругом обветшало, едва держится, кругом пыли на вершок, ржавчина, паутина.

Вышли на воздух — природа в ажуре. Стали искать людей — насилу нашли. Спросили, где взять гравилет? А они: «А что это такое, гравилет? Знать не знаем никакого гравилета! Долой прогресс!» И все такое. И говорят-то как! Сам услышишь. Ничего не поймешь. Звуки глотают, свист какой-то издают. Прислушались мы — а они между собой вообще на каком-то тарабарском наречии общаются. Можно лишь отдельные русские слова разобрать.

Мы туда, мы сюда — везде одно и то же. Деградация явная. Тупость

в глазах, самодовольство. Будто познали нечто такое, что нам ни за что не уразуметь. Будто им нас жалко. А все оборванные до крайности. Кое-кто уже в набедренных повязках. А кое-кто — и без.

Хотел я, по старой памяти, пространство искривить. А Дусю моего куда? Он-то ведь из двадцать первого, он-то искривлять не умеет, учиться надо. Впрочем, и у меня опыта — кот наплакал. Еще залетишь, куда Макар телят не гонял.

Вот и рванули мы пешком тебе навстречу. По компасу. В наши-то годы. Слава богу, успели хоть...

...С тех пор прошел год. Намеченную программу

Александр
ЕТОЕВ

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Одиссеи выполнили. Пришли к людям. А что делать? Не улетать же. Родина есть родина. Хоть какая.

Построили огромный шалаш с узорчатыми стенами и потолком. Аборигены подсматривали за работой с интересом, многое перенимали. Но — избирательно. Кое от чего, наоборот, падали в обморок. Кое-что просто видеть не могли.

Стали Одиссеи кормиться с леса, с речки, с земли. Стали старики присматривать молодому, чтоб женился. Внуков им вдруг захотелось понанчить перед смертью. Или не внуков?.. Детей?.. В общем, не имеет значения.

— Да не хочу я с дегенераткой жить! — кричал молодой, а в глазах его временами просматривалась такая тоска, такая зверская тоска!..

— Ну, что делать, — вразумляли его старшие, — зато у дегенератки и к радиации невосприимчивость, и в наследственной памяти такое, что нам и не снилось! Что делать, раз жизнь такая пошла!

— Мне же не с наследственной памятью спать! — еще упрямылся молодой.

— У меня было еще хуже, — гладил парня по голове возвращенец, — я еще несовместимости опасался. Но натура требует свое.

Кто мог оспорить его авторитет в данном вопросе? Никто.

...Как-то подобрали старики в лесу одну. Она из лужи воду лакала. Растрепанная. Ни одного слова по-русски не знала. Привели в шалаш. Вроде как заместо домашнего животного. Дом стеречь.

Бедняжка пожила сколько-то в шалаше у входа, и незаметно к ней вернулся человеческий облик. Даже одежду рваную починила, когда стало совестно так ходить.

И однажды старики увидели, что дегенератка сделалась беременной. Они переглянулись и поняли, что из них двоих никто к этому делу причастным быть не может. Стало быть, молодой отличился. Выбрал момент.

А потом также внезапно старики узнали, что аборигенку зовут Пенелопой. То у нее вовсе никакого имени не было, то внезапно появилось, и не какое-нибудь, а самое святое для всех троих.

И стало старикам грустно-грустно, но как-то, одновременно, и легко. Потому что на себя-то они уже давно рукой махнули, а перед молодым плохо объяснимую вину чувствовали, будто обманули его, несмысленного, втянули в нехорошее дело, из которого нет возврата, и приходится парню жить всю жизнь на чужой, в сущности, планете, среди чужих в сущности, людей...

Так они вскоре и умерли друг за дружкой чуть не в один день, благодаря чему и молодой Одиссей узнал примерный срок в своей жизни. Он зарыл их под соснами на сквознячке, поставил два бетонных столбика с именами и порядковыми номерами, сразу и себе местечко выгородил.

Да и продолжил жизнь в условиях «абсолютно достижимого счастья».

Родились дети, Машутка и Юдифь, а стариков не застали. Только два бетонных столбика да два бугорка, усыпанных палой хвоей.

А старики в этот момент после всех проверок находились в галактическом раю третьего класса, при них были обе Пенелопы, причем, одному старику нравилась одна Пенелопа, а второму — обе. Но он про то никому не говорил, уже привычен был, что на его долю всегда выпадает больше трудного и горького. То есть рай для него был не просто рай, но и маленько как бы ад... Как бы жизнь.

Каких только поучительных случаев не бывает под ветхой крышей Вселенной.

На крыльце сельского домика сидели два человека. Перед ними стоял забор. За забором, за лысой полянкой, стоял прореженный лес. А в лесу стояли деревья.

Только они сидели, эти два человека.

Потом один из них упруго, как саранчонок, спрыгнул с крыльца на землю и вытащил из-за пазухи самострел.

Как раз в этот момент из пыльного звездного облачка выплыла яркая точка и медленно потекла к востоку.

Человек с самострелом — это был мальчик лет десяти, приехавший в село на каникулы, — увидев белую точку, сказал оставшемуся на крыльце старику:

— Смотри, дедушка, спутник.

Степенно сидевший дед жевал губами кашлицу папиросного мундштука. Его более занимала сладкая табачная горечь, нежели явления космического порядка. Но внука старик любил, и потому, отвлекшись от приятного дела, стал посвящать его в нехитрые тайны Вселенной.

— Спутник, что же еще. Почитай, как себя помню, так он и летает. Всегда в это самое время, хоть часы проверяй

— Дедушка, — мальчик разволновался, — а из самострела до него достать можно?

— Кхе, — крикнул дед. За мохнатыми бугорками век сверкнула искорка. Он пошептал в кулак, так, чтобы внук не слышал, потом предложил:

— Так ты, Ванюша, попробуй.

Ванюша целился долго. Он щурился и сопел, глаза превратились в щелки, а на кончике языка заблестела жемчужная капля.

Наконец он нажал на спуск, что-то со свистом унеслось в звездную высоту. Белая точка спутника вдруг застыла на месте и, как подбитая птица, бесшумно упала за горизонт.

Внук запрыгал от радости, дед же посуровел и сказал Ванюше такие поучительные слова:

— Стрелок ты, Ваня, хороший. Метко стреляешь, это в жизни пригодится. А вот ты мне скажи. Спутник, он тебе что, мешал?

Дед посмотрел на внука внимательно, тот ничего не ответил.

— Не мешал, — выставив палец, дед продолжал поучение. — Вспомни, третьего дня ты целился на дороге в яблока. Ты в него выстрелил? Нет, этому тебя в школе учили. А спутник, раз не живой, значит в него пуляй себе на здоровье? Нет, Иван. Это я тебе нарочно урок дал. Ты запомни. Что не тобой сделано, того не ломай. Запомнил?

Ванюша грустно кивнул. Он был мальчик послушный, готовился стать пионером.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЙНА

Арвид
ЭНГХОЛЬМ
(Швеция)

32-летний журналист, живущий в Стокгольме и пишущий о компьютерах, науке и научной фантастике, издатель шведского НФ бюллетеня «Сайенс фикшн джорнэл» — так представился нашим читателям видный деятель европейского фэндома Арвид Энгхольм, подготовивший это эссе специально для «Уральского следопыта».

Пару лет назад я участвовал в работе скромного съезда любителей фантастики в университетском городе Уппсала (к северу от Стокгольма). По окончании мероприятия я забрел в лавку торговца антикварными книгами на улице Ботвидс восточнее городского вокзала. Там я наткнулся на самый ранний из попадавшихся мне образчиков того поджанра НФ, который я бы назвал так: воображаемая война. Книга, найденная мной, представляла собой простенькую брошюру страниц в сотню и была издана в 1889 г.; называлась она «Как мы потеряли северные провинции». Автор пожелал скрыться под псевдонимом *** — несколько странным, на мой взгляд. Книга стоила 15 шведских крон, и я купил ее — выгодное приобретение.

Лет сто, а может быть, и больше, шведские писатели-фантасты разрабатывали тему войны с нашим огромным соседом на востоке. Поэтому, когда мой русский коллега Виталий Бугров попросил меня написать что-нибудь о шведской НФ, я вспомнил эту брошюру и внезапно понял, что нашел интересный предмет для разговора.

Но, подумал я, этот предмет заключает в себе определенный

риск. Писать о шведских авторах, разыгрывавших в своих книгах войну с Востоком, для русской читательской аудитории?! Если меня неправильно поймут, я могу оказаться крайне непопулярным...

Во-первых, следует оговорить тот факт, что такого рода истории — исключительно плод воображения. Они в большей мере являются отражением той эпохи, в которую были написаны, а также зависят от национальной принадлежности автора. Повествования о воображаемых войнах фиксируют историческую возможность конфликтов между страной автора и ближайшей крупной державой. Британские писатели веками развивали сюжеты о воображаемых войнах Британии с Францией, позднее — с Германией. Японские фантасты — о войнах между Японией и Китаем. Этот ряд можно продолжить. Шведские же авторы описывали войну между Швецией и Россией.

Во-вторых, существует некая любопытная историческая подоплека, определенный исторический фон, свидетельствующий о длительных и специфических отношениях между нашими двумя странами.

История тысячелетнего контакта между шведами и русскими знает и войну, и мир. Первый период развития этих взаимоотношений совпал с эрой викингов. Во время как норвежские и датские викинги устремлялись в Англию и Францию, шведы плыли на восток. Они поднимались вверх по рекам Руси — главным образом, для торговли; в междуречьях катили по бревнам свои знаменитые длинные корабли и достигали, наконец, Черного моря — так сказать, с тыла.

Я также слышал, что шведские викинги принимали участие в основании Москвы (быть может, отголосок легенды о Рюрике и его братьях, некогда призванных будто бы ильменскими славянами править в Новгороде? — Ред.) и что даже слово «Россия» могло произойти от викингов. Дело в том, что область, занимавшая Стокгольмский архипелаг, называлась «Рослаген», а выходцы из этих мест именовались «росарами». Появившись на востоке, они принесли с собой и это название — так, по крайней мере, утверждают некоторые историки.

Позже, в XVII—XVIII вв., Швеция претендовала на Балтийское море и несколько раз воевала с Россией; наиболее известная из этих войн — та, которую вели между собой Карл XII и Петр Великий. Вообще, последней войной, в которой участвовала Швеция, была война с Наполеоном в 1815 г., но против Франции тогда выступило много стран. Последней же войной, кото-

рую Швеция вела самостоятельно, была война с Россией в 1809 г.

Поэтому, когда шведские фантасты обратились к сюжетам, связанным с воображаемыми войнами, они писали о войнах именно с Россией (позднее — с Советским Союзом). Интересно отметить, что было создано немало произведений на эту тему и они образовали целый поджанр в шведской фантастической литературе.

Моей целью в данной статье является только описание этого жанра — ничего больше. Я счастлив, что моя страна вот уже почти 200 лет не испытывала ужасов войны. Книги, упоминаемые мною, являются лишь результатом игры человеческого воображения.

Сначала надо выяснить, принадлежат ли произведения о воображаемых войнах к научной фантастике. Мне кажется, фантастическая литература строится на размышлениях, предположениях. Это могут быть научные либо технические предположения, но также — социологические или политические. Знаменитые утопии и антиутопии очень редко основываются только на суждениях авторов о научном прогрессе. Изменения в обществе — вот самоценный для таких фантастов материал; он соответствует признанному определению фантастической литературы как описания мира, невозможного ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

Война — это политика, зашедшая в тупик. Поэтому любая книга о воображаемой войне представляет собой рассказ о воображаемой политике и, следовательно, отвечает традиции антиутопической литературы.

Можно также отметить, что тема вымышленных войн связана с «параллельной историей». В XX веке традиция таких параллельно-исторических сюжетов в НФ развилась настолько, что породила соответствующий поджанр. Мне вспоминается, к примеру, «Человек в высоком замке» Филипа К. Дика, где существует мир, в котором нацистская Германия и Япония выиграли вторую мировую войну. Приходит на память также «Трансатлантический туннель» Гарри Гаррисона — там XX век рисуется под знаком могучей Британской империи, в этом варианте истории американские повстанцы в свое время проиграли войну за независимость английской короне.

Я попытался найти что-нибудь аналогичного плана в шведской литературе. Согласно шведской НФ библиографии 1741—1983 гг., составленной Сэмом Й. Лундвалем, священник Густав Хенрик Меллин в 1867 г. написал повесть, названную «Последняя битва шведов». Она имела много общего с отмеченным под-

жанром НФ, но, к сожалению, я не сумел ее раздобыть.

Книга 1889 г., которую я нашел в Уппсале («Как мы потеряли северные провинции»), находится у меня. Могу засвидетельствовать со всей определенностью, что это — очень типичный пример подобного рода сюжетов.

Автор пожелал остаться неизвестным, но все же написал предисловие, в котором утверждал, что его книга должна явиться предупреждением для читателей. Мы должны, считал автор, иметь сильную защиту на суше и на море, чтобы выжить в ходе грядущих событий. «По моему убеждению, — писал он, — только при таком условии мы сохраним нейтралитет и политическую независимость; это убеждение и заставило меня взяться за перо».

В то время Швеция состояла в унии с Норвегией. Упомянутая повесть рассказывает, как шведская самооборона пришла в упадок (из-за небрежности, с какою шведы стали относиться к защите своих границ). Это дало возможность войскам Российской империи вторгнуться в Швецию, и в итоге северные территории были шведами утеряны. Автор особо акцентировал внимание на деградации шведского коноводства, что и сделало кавалерию неэффективной. Да, в те времена войны еще велись человеком в седле.

Разрыв Норвегией унии (в 1905 г.) усилил среди шведов чувство своей незащищенности, слабости; они как бы остались в одиночестве. Акция норвежцев, практически в одностороннем порядке расторгших союз, получила негативный отклик в Швеции; в 1906 г. Иван Аминофф, офицер шведской армии, написал роман «Норвежско-русская война». О причинах появления этой книги говорит ее подзаголовок: «Последствия несчастливой 1905 года». Роман был своеобразным предостережением, адресованным норвежцам, которым следовало бы хорошенько подумать — ведь в будущем, по мнению автора, шведы окажутся им необходимы.

Чуть раньше, в 1904 г., Аминофф написал роман, названный им «Когда говорит бог войны», — «романтическое повествование о нашей будущей войне». Это было время, когда война еще казалась делом романтиков.

Перед первой мировой войной Аминофф вновь взялся за перо — в 1912 г. вышла его книга «Покоренная земля», переизданная в 1914 г. под названием «Завоевание». Этот роман более пессимистичен, нежели «романтический» опус «Когда говорит бог войны». Собственно, враг здесь прямо не назван —

это книга скорее не о войне, а о послевоенном времени.

В 1915 г., когда в Европе шла большая война, энергичный Отто Витт напечатал свой сборник «Технические сказания о войне». Поскольку в ходе окопной войны появились аэропланы и крупнокалиберная дальнбойная артиллерия, стало очевидным, что в будущем войны превратятся в столкновения боевой техники. Витт написал целый ряд историй, дабы «просветить юношество» относительно технических возможностей. Некоторые «военные сказания» были также напечатаны в издававшемся Виттом журнале «Хугин» (его часто называют первым шведским НФ журналом).

Но мировая война изменила не только военную технику. Изменилась и карта Европы, на ней появился Советский Союз. Стало казаться, что отныне война может быть предотвращена. Люди надеялись, что ужас окопов впредь не вернется. Британский премьер-министр Чемберлен говорил о «мире в наше время», но его соотечественник Герберт Уэллс был настроен не столь оптимистически. В своем «Облике грядущего» (1935) он писал о том, что человечество сотрет себя с лица земли еще до рождения нового, лучшего общества. Этот сюжет лег в основу фильма, который оказался в большей степени провидческим, чем слова мистера Чемберлена.

Среди книг этого периода я не нашел большого количества примеров литературных войн, разыгранных в воображении шведских фантастов. Правда, в 1938 г. Тэг Тиль опубликовал первое предупреждение о том, что может произойти — «Сражение у острова Касто: Повесть о роковом часе для Швеции».

Если первая мировая война изменила мир, то вторая мировая преобразила его в еще большей степени. Теперь мы имеем угрозу атомной бомбы.

В 1950 г. под псевдонимом Эрго увидел свет роман «Роковой час Швеции 195X», предупреждающий о возможном нападении с применением атомных бомб. С этого времени противник становится несколько неопределенным, речь идет о большой красной опасности без указания какой-либо национальности.

В 1953 г. Катарина Брендель выиграла главный приз со своей повестью «Атомные сумерки», в которой рассказывается не собственно о войне, а о людях вымышленного города Менехат после атомной войны. Повесть была отмечена первым призом (10 тыс. крон — небольшие деньги по тем временам) в литературном конкурсе, объявленном издательством ФИБ.

Книга Ганса Лундберга «Понедельник, три часа» (издана в 1973 г.) напоминает о возможности внезапной ядерной атаки. Заглавие книги поясняется тем, что по первым понедельникам каждого месяца, ровно в три часа, проводились испытания противоздушных сирен; именно это время и было избрано для нападения — ведь люди не знали, учебная ли тревога проводится по расписанию или же действительно атакует беспощадный враг.

Но рассказы об атомной войне в 70-е годы становятся редкостью. В середине десятилетия Дидрик Дак (псевдоним неизвестного автора) написал «1999: оккупированная Швеция» — повесть о том, как наша страна была захвачена и какие ужасы ожидали ее после оккупации. Это — книга о воображаемой оккупации: покоренное население загоняется в лагеря, похожие на те, какие были придуманы в маоцзедунском Китае.

В 80-е годы мы обнаруживаем новую волну сюжетов о воображаемых войнах. Сун Андерссон опубликовал повесть «Нападение на Швецию» — самую абсурдную из всех книг, когда-либо мною прочитанных. Речь в ней идет о медленном и малозаметном проникновении в шведское общество выходцев из стран Варшавского договора; после десятилетий такой инфильтрации шведы оказываются завоеванными и Швеция провозглашается социалистической народной республикой. Это имя — Сун Андерссон — псевдоним, под которым скрылись три соавтора, причем один из них — высокопоставленный военный.

«Операция Гарбо» Гарри Винтера (тоже псевдоним) основывается главным образом на событиях, происходящих во время военного столкновения. Автор описывает бесконечные сражения между боевыми самолетами и битвы на земле, но в конце концов Швеция спасена — большей частью благодаря потрясающему везению, а не в силу подготовленности и умения. Вторая часть, «Операция Гарбо II», также вскоре была напечатана.

Возникает вопрос: а есть ли такие книги, в которых Россия и ее союзники предстают перед шведским читателем в качестве друзей? Мне удалось найти как минимум один пример такого сюжетного хода, причем этот пример одновременно знакомит нас с самой странной военной операцией, когда-либо задуманной Швецией. В 1971 г. журналист Ян Гвилло («Если грянет война») рассказал нам о том, как шведские войска тайно по воздуху перебрасываются в нейтральную Ботсвану и затем используются для вторжения в Южную Африку с це-

лю свержения там режима апартеида! В этом случае транспортные самолеты были предоставлены советскими ВВС, а Варшавский договор обещал помочь шведам, если США вдруг решат заступиться за южноафриканский режим и нападут на шведские войска. Впрочем, здесь мы опять имеем дело скорее с предполагаемой политикой, а не с воображаемой войной непосредственно.

И все-таки о чем нам рассказывают сюжеты «воображаемых войн»?

В XVII веке, когда шведский король Густав Адольф II вел тридцатилетнюю войну в Европе, матери в чешском городе Праге пугали своих детей так: «Вот придут шведы и заберут вас!» Когда викинги владели морем, люди молили Бога: «Защити нас от норманнов, Господи!»

Истории о воображаемых войнах похожи на молитвы и крики предупреждения. Они говорят: будьте настороже и готовьтесь! Если нет — то кто-нибудь явится и заберет вас!

Эти сюжеты имеют общую специфику: в них не содержится анализ предполагаемого противника, я имею в виду анализ, при котором за противником признаются человеческие черты. Эти сюжеты навеяны страхом и невежеством.

Лично для меня подобная литература интересна как предмет исследования. Я не сторонник войны, но чтение литературы о войне, думается, поможет нам понять, каковы причины ее появления на свет.

Перевод с английского
Д. Надеждина

КОЕ-ЧТО О «ХУГИНЕ»

В своих заметках Арвид Энгхольм вскользь упомянул о журнале «Хугин», издававшемся Отто Виттом... Любителям фантастики, полагаем, будет интересно узнать об этом журнале чуть подробнее; ведь первый в Швеции НФ журнал был одновременно и одним из самых первых в мире! Он появился ровно на десять лет раньше знаменитых «Удивительных историй» Хьюго Гернсбека — того самого Гернсбека, чьим именем названа наиболее престижная премия мировой фантастики...

Вначале — о названии журнала. Те, кто знакомился со скандинавскими сагами, вспомнят, должно быть, что это имя — Хугин — носил мудрый ворон грозного Одина, бога войны, хозяина вальхаллы.

«В наши демократические дни знания не являются более привиле-

гией богов или героев, и мудрый ворон Одина дал свое имя журналу, чьей миссией стало распространение знаний среди широкой публики», — писала в марте 1916 года газета «Социал-демократен», сочувственно отозвавшаяся о новом издании.

Издателем «Хугина» был Отто Витт (1875—1923), горный инженер, в течение 18 лет работавший в Германии, Норвегии, Финляндии. В 1911 году он занялся литературной деятельностью и в последующие годы выпустил добрых три десятка НФ книг. По свидетельству Джона Дернмара, автора статьи о «Хугине», опубликованной в одном из выпусков «Сайенс фикшн джорнал», для фантастики Отто Витта характерны наивный патриотизм, описание мрачных изобретений, восхваление машин и, увы, полное отсутствие логики. Так, астронавты в его повести «Как покорила Луну» гуляли по Луне... без скафандров! Но вклад Витта в фантастику не ограничивается его произведениями: созданный им НФ журнал вдохновил немало шведских авторов двадцатых-тридцатых годов.

«Хугин» выходил на протяжении 1916—1920 годов. Издатель стремился сделать его популярным научным журналом, в котором имели бы место «научные повести, технические случаи, идеи, вдохновляющие юморески, приключенческие рассказы и технические волшебные сказки». В одном из первых выпусков (всего их вышло 85) постулировалось, что журнал желает дойти до молодежи рабочего класса. Однако цена подписки (5 крон в год, что было двух-трехдневной заработной платой рядового труженика) была слишком высока для трудящейся молодежи; к 1920 году она возросла втрое; сложности с распространением и привели в конце концов к закрытию «Хугина». Из-за технических затруднений не был регулярным объем журнала: один выпуск мог содержать 32 страницы, другой — 11—18.

Литературный уровень журнала был невысок: на правах редактора Отто Витт обычно сам писал все, что публиковалось в «Хугине», а в результате на его страницах нет ни да и произрастал очередной «клякв». Ярким примером тому — рассказ об «электролите»: провода, подсоединенные к зерновым и овощам, по заверению Витта, обусловили стремительный рост овса, картофеля, клевера...

Впрочем, не будем излишне придираться к одному из первенцев мировой НФ журналистики, отмечающему в этом году свое 75-летие. Определенную роль в литературном процессе он, несомненно,

сыграл; что же до всевозможных ляпсусов, так ничуть не менее эффективные встречаются подчас и на страницах нынешней фантастики, не правда ли?

ПОКОПАЕМСЯ И МЫ В СВОИХ АРХИВАХ?

Мы долгое время с пренебрежением (более того, с агрессивнейшим неприятием!) относились к писателям, однажды почему-либо объявленным, так сказать, «вне закона». Много их в истории нашей словесности, таких писателей. И самым, пожалуй, первым (а одновременно — и наиболее презренным!) среди них с давних пор остается для нас Фаддей Булгарин. «Видок Фиглярин!» — соглядатай, доносчик, шпион... пушкинским этим определением все сказано! Но — точно ли всё? Оправданна ли, в конечном-то счете, вот эта однозначность: кто не с нами, тот — против нас, тот — враг наш? Отчего же, в таком случае, числили себя в друзьях Булгарина — Рылеев, Бестужев, Грибоедов? Отчего этот последний оставил ему свой архив — и ведь злокозненный «видок» не «заморозил», но, напротив, приложил определенные усилия, чтобы обнародовать доверенную ему бессмертную ныне комедию «Горе от ума»?

Нет, конечно же, действительность много сложнее наших о ней представлений...

Фаддей Булгарин пробовал себя в самых разных жанрах. Виссарион Белинский хвалил его за роман об Иване Выжигине — предтечу русского реализма. Мы этот роман читать сегодня едва ли сможем: устарел бесконечно!. Но кое-что в написанном Булгариным любопытно и сегодня. И относится это — к его фантастике.

Не будем, впрочем, перебирать все его фантастические повести, которых довольно много. Остановимся на «Сцене из частной жизни в 2028 году».

Персонажи здесь — самые банальные: Вельможа, Помещик, Судья, Купец, Поэт, Придворный... словом, те, кто во времена Фаддея Венедиктовича наличествовал. Но вот — отрывок из этого сочинения, явно не утративший своего значения и в наши дни.

«Помещик. Как подумаешь, чего в России нет! Золото, серебро, платина, все грубые металлы, драгоценные камни, всего с избытком! Лучшие сукна, полотна, кожи...

Вельможа. Прибавьте: астрахан-

ский и грузинский шелка, лучшие в мире шляпы, лучшие железные изделия, а хлеба, как говорится, хоть не ешь, вина — хоть не пей!

Купец. Правда, все свое, исключая пряных корней и аптекарских материалов, которых, однако ж, столько привозят на русских кораблях, что некуда их и девать.

Помещик. Счастливая Россия.

Вельможа. Счастливая от того, что мы, русские, умели воспользоваться нашим счастливым положением и все сокровища, тлевшие в недрах земли, исторгли нашим терпением, любовью к отечественному, прилежанием, учением, промышленностью. Пожалуй, если б мы не думали о завтрашнем дне и кое-как жили, позволяя иностранцам брать у нас сырые материалы и

продавать нам выделанные, то мы навсегда остались бы у них в зависимости и были бы бедными.

Придворный. Всему этому мы обязаны всеобщему просвещению...»

Вы обратили внимание на последнюю фразу во второй реплике Вельможи?

Увы: беллетристу-ретрограду (I) полтора века назад (II) аксиомой представлялась истина, в самом недавнем прошлом неподвластная коллективному разуму наших вождей.

Иначе — с какой бы стати понадобилось опустошать наши нефтяные кладовые в обмен, скажем, на обувь из Чехословакии, на румынский трикотаж?

В. ИВАНОВ

МЫ САМИ ЗАКРЫЛИ

Эти снимки сделали рабочие СУ-7 Свердловского ДСК Леонид АНТРОПОВ и Владимир ПИНЯГИН 10—11 августа 1990 г. в пермской зоне аномальных явлений (называемой еще «М-ским треугольником»).

Эксперты творческого объединения фотохроники «Репортер» А. Нагибин и С. Фоминых, исследовав негативы в лаборатории Института геологии и геохимии УрО АН СССР под микроскопом в разных лучах, установили, что и ячеистый объект, и луч, исходящий от него (в центре кадра, упирается в кусты, а солнечный блик на реке — в правом нижнем углу; солнце в момент съемки было сзади, за правым плечом фотографа), — не дефекты пленки и не фотомонтаж. Эксперты предположили воздействие на фотопленку какого-то жесткого излучения.

Моя гипотеза: ячеистый объект над Зоной — живое существо на полевой, энергетической основе. Или целая колония таких существ, объединившихся для полета. Ничего подобного во всех известных мне классификациях НЛО (включая Мензела) я не встречал.

Возможно, светящиеся объекты на втором снимке — тоже живые полевые существа, подобные тем «кокоткам», что довелось мне видеть в Зоне (см. «УС» № 4, 1990 г.). По рассказу фотографа, они летели парой и метров за десять до объектива одновременно сделали кульбит в обратную сторону, взмахнув огненными ленточками-змеяками.

Разумна ли вся эта случайным образом запечатленная на фотопленке троица? Возможно, более, чем все мы вместе взятые.

К сведению паломников, до сих пор штурмующих пермскую Зону: с весны 1990-го Зона закрылась от контактов — «благодаря» поведению землян. Стали тщательнее прятаться от людей и светящиеся объекты. Авторам фотоснимков — молодым свердловским строителям — случайно повезло, может, еще и потому, что они и не надеялись ничего увидеть и не лезли напролом. Ну представьте: если вы ученый, а вашу научную лабораторию превратили в зоопарк, куда прут толпы зевак, чтобы поглазеть на вас, как на экзотическое животное, — хватит ли у вас терпения, чтобы вежливо закрыть свою дверь, или вы наброситесь на надоед с кулаками? Ой, дождемся мы второго варианта...

С. КАЗАНЦЕВ

Вы нам писали? Отвечаем...

Мы учимся в 8-м классе, уже 3 года выписываем ваш журнал. Любим фантастику... Наша просьба: напечатайте, пожалуйста, в будущем году роман-диалогию Сергея Павлова «Лунная радуга». Будем вам очень благодарны.

Группа школьников, г. Таганрог

В 1979 году в вашем журнале была напечатана фантастическая повесть «Сезон туманов»... Большая к вам просьба — если можно, напечатать в вашем журнале продолжение этой повести — «Долгий восход на Эне».

Семья Олуховых, г. Тольятти

Подобных просьб немало в нашей почте, оттого отвечаем через журнал. «Долгий восход на Эне» Е. Гуляковского вышел отдельной книгой (М.: Молодая гвардия, 1985), неоднократно издавалась уже и диалогия С. Павлова «Лунная радуга» (в том числе в «Роман-газете» с ее 2,5-3,5-миллионным тиражом: в 1987 году — 1-я книга, а в следующем, 1988-м — 2-я). Журналы, как правило, не перепечатывают произведений, вышедших книгами или опубликованных в других журналах; поэтому ни данные ваши просьбы, дорогие товарищи читатели, ни другие подобные им — выполнить, к сожалению, не сможем.

На мой взгляд, сейчас очень мало печатается приключенческой фантастики, гораздо больше НФ, иногда сложноватой для восприятия, ее надо читать, вдумываясь практически в каждое слово. Нет, она, конечно же, нужна, не спорю, но я уверен, что многие

с интересом прочитали ту же «Звездочку-Во-Лбу»... Поэтому (я думаю, меня поддержат многие читатели «УС») буду вам очень признателен, если вы напечатаете повесть классика «космической оперы» Эдмунда Гамильтона «Сокровище Громоу Луны».

Роман Чайка, уч. 10 кл., г. Котовск Одесской обл.

Как-то я разговорился с одним любителем фантастики о Г. Гаррисоне и его романе «Неукротимая планета». Приятель сказал, что первый раз он прочитал его в вашем журнале. Я очень удивился, что есть журнал, о котором я почти не слышал, и с 1989 года вот уже второй год ваш подписчик и читатель. Но на этом, я думаю, и хватит. Больше ваш журнал я выписывать не собираюсь. Приятель-то меня вроде обманул. Или перепутал. Не мог он читать в вашем журнале иностранного автора. За два года, что я выписываю ваш журнал, там ими и не пахло. Только наши советские, доморощенные... Извините за беспокойство.

Г. Дедик, г. Южно-Сахалинск

Приятель нашего сахалинского читателя действительно напугал: «Неукротимая планета» Г. Гаррисона появилась первоначально в «Вокруг света». Что же до нашего журнала — мы действительно (за редчайшими исключениями) печатаем лишь «нашу советскую, доморощенную» фантастику, чего, к слову сказать, не стыдился и не скрываем. Оттого мы не напечатали бы и повесть Гамильтона (она, кстати, вошла в его книгу «Звездные короли» — М.: Молодая гвардия, 1990).

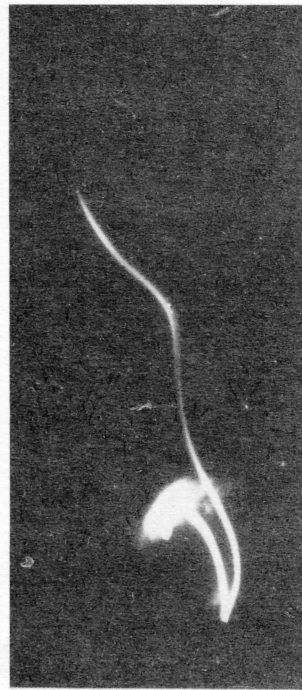
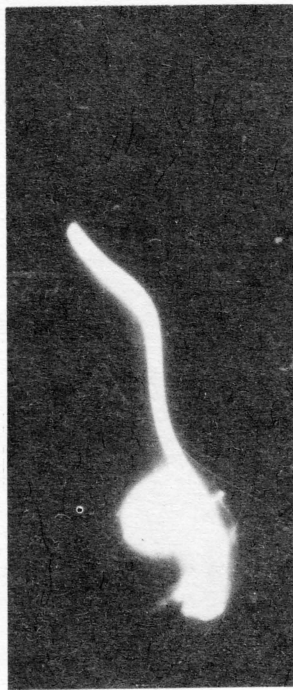
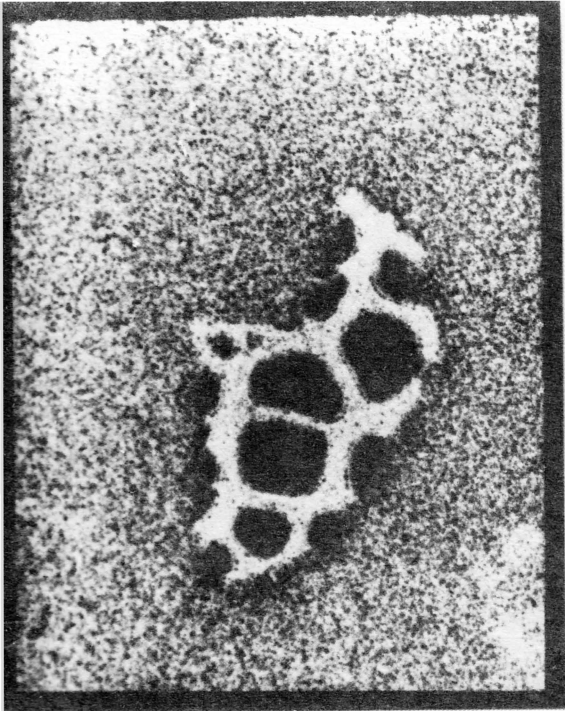
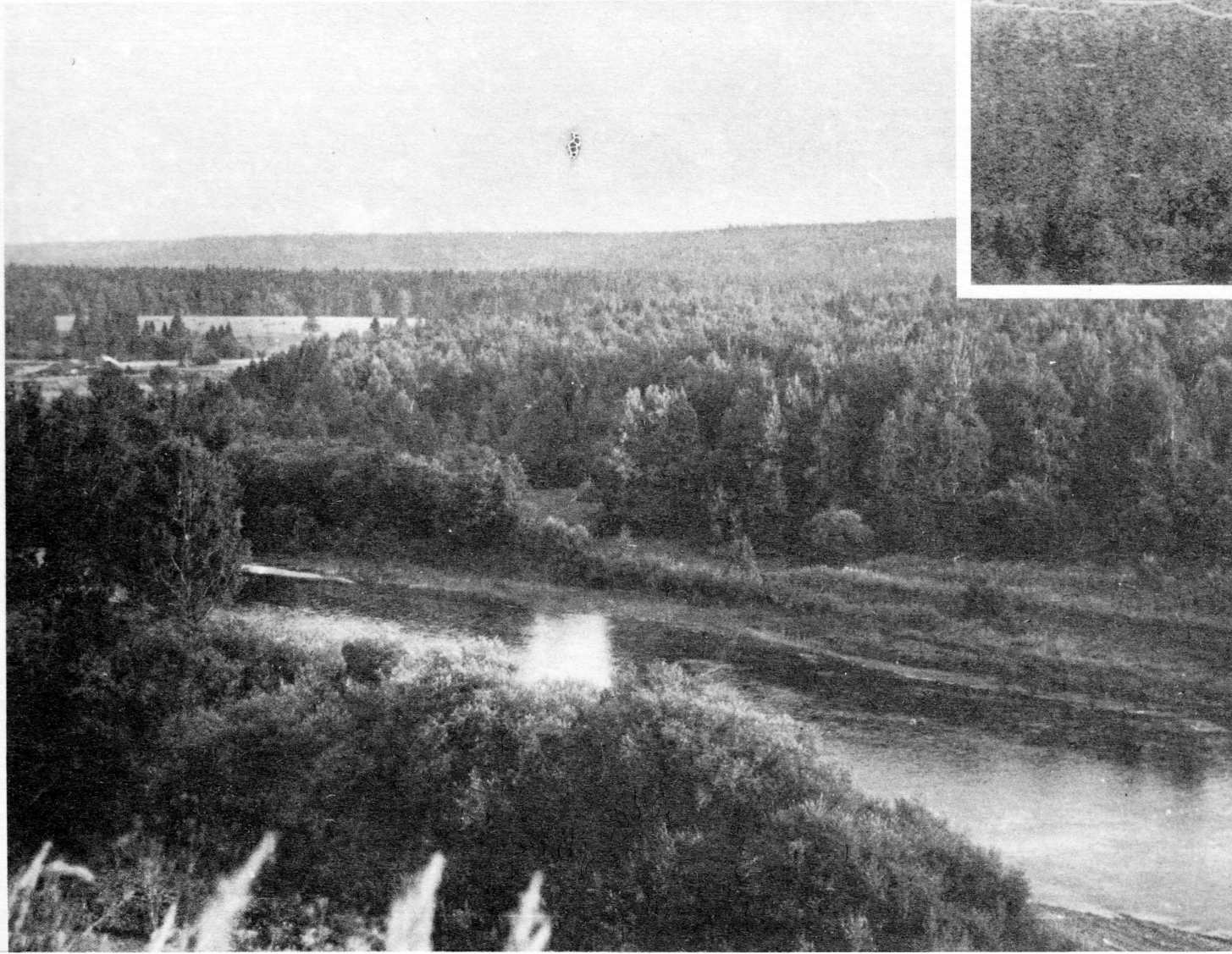

фото Леонида Антропова

«М-СКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК», АВГУСТ ДЕВЯНОСТОГО

О древнем городе Аркаим, открытом археологами на Южном Урале, журнал публиковал размышления писателя Владимира Носкова. Они назывались «Что на чаше веков?» («Уральский следопыт», 1989, № 12). Сегодня мы продолжаем тему.

АРКАИМ — ГЕНИАЛЬНАЯ ПОДСКАЗКА ПРЕДКОВ?

Гипотеза о том, что Аркаим — возможная модель мира, высказывалась уже не однажды. Но если, думаю я, эта мысль найдет научное подтверждение, а затем будет освоена всеми нами, может быть, мы изменимся настолько, что станем совсем другими? Но как, скажите мне, это новое понимание можно будет «потрогать руками», примерить на себя?

Я хочу представить читателю кое-что из того, что можно потрогать руками.

Однако сложность в том, что с основными доказательствами проделать это будет невозможно. Они касаются того, что у нас принято называть нематериальным миром: мира идей, совокупности знаний и представлений о человеке и природе, человеке и Вселенной — касаются мировоззрения наших предков, населявших Южный Урал в бронзовом веке. Путешествие нам предстоит столь же увлекательное, сколь и сложное.

Мы — в лаборатории археологии урало-казахстанских степей Челябинского государственного университета и Уральского отделения Академии наук СССР. Ее руководитель Г. Б. Зданович — наш собеседник.

— Исследования ученых на Аркаиме, — сказал Геннадий Борисович, — безусловно подтверждают мысль, что перед нами в своеобразной форме передано мировоззрение древнего человека. Если я нахожусь в центре Вселенной, то я вижу ее всю, и все ее лучи проходят через меня. Это не позволяет мне быть разрушителем, моя деятельность может происходить только в одном направлении — созидания.

— Геннадий Борисович, высокий уровень культуры мышления общества ранней бронзы — как он подтверждается находками экспедиции?

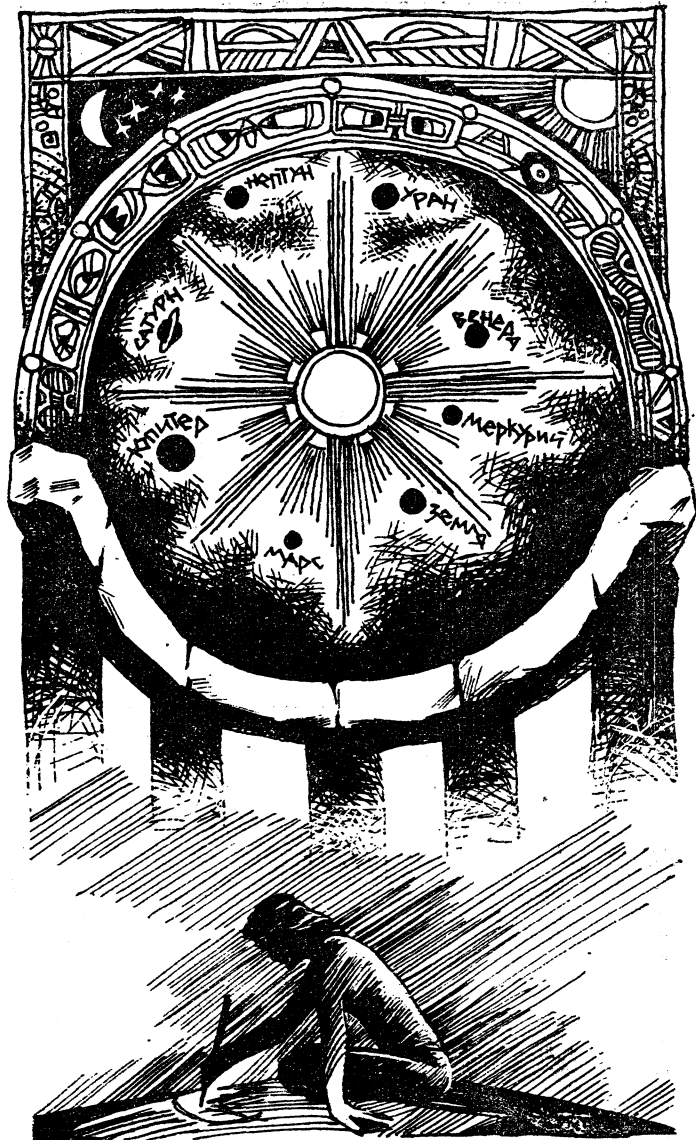
— Вы рассуждаете исключительно как человек современный. Судить по черепкам, по бронзовому шиту... Уровень мировоззрения запечатлен в сложных погребальных обрядах, в архитектуре. А вещи — каждая из них эстетична. Это мир, в котором вещи служат людям. Здесь нет парадного оружия, нет элитарных вещей, как нет и вещей ненужных, убогих.

Культура арийских племен Южного Зауралья вполне соответствует культуре народов Ближнего Востока того же периода. Конечно, в отношении духовности и ее проявлений мы пока на самой первой стадии изучения, но именно здесь истоки скифо-сарматской мифологии, всей скотоводческой цивилизации.

В разговор вступает сотрудник лаборатории К. К. Быструшкин:

— Поразительна технология возведения Аркаима: верхний дерновый слой почвы древние строители нарежали кирпичами — до 15 см толщиной, длиной до полуметра, и выкладывали ими стены. Стены при этом как бы поднимаются из земли, становятся естественным продолжением рельефа. Полое пространство внутри их заполнено землей, взятой здесь же. Поэтому найти следы деятельности трудно — все возвращается обратно в природу.

— Не здесь ли разгадка того, почему так долго Аркаим стоял неизвестным? Ученые много раз проходили мимо него, потому что не могли даже предположить уровень мировоззрения древних, воплотившийся в подобной технологии.

Елена РАДЧЕНКО

Искусство ЖИТЬ ВО Вселенной

— Идея вписывания себя в жизнь Вселенной и конкретной местности должна пониматься нами не как красивый образ, а как единственно возможный способ существования древних людей.

Мы не знаем, каким образом выбиралось местоположение Аркаима — песчаный остров посреди массивов глины, — пять метров в сторону — и Аркаима не будет. Колдцы точно выходили на грунтовые воды. Ошибок не было. Свои уголья, хозяйство люди настолько тонко вписывали в ландшафт, что эти объекты почти не отличимы от природных. Мягкое неконфликтное сосуществование с природой позволяет жить на территории Аркаима большие количества людей, хотя природные и климатические условия тогда были намного хуже, чем сейчас: еще помнился ледник, почвы были на четыре тысячи лет моложе.

— Что это — наивное прозрение древних людей?

— Нет. Это сложный и тонкий расчет. Вот смотри — если на схему Аркаима положить ориентировку — на север и юг по компасу — все покажется случайным. А ориентировка астрономическая — по полуденной линии — дает такую картину: главные ворота внешнего круга — на запад, ворота внутреннего круга (раскопанные) — точно на север. В нераскопанной части при дешифровке на местности обнаруживается: ворота внешнего и внутреннего круга ориентированы на юг. У главных ворот внешнего круга есть небольшая комната — без окон, без дверей. Функционального значения она не имеет никакого. Тогда — зачем?

Чтобы проверить астрономическую версию, нужно обратиться к аналогам. Оказывается, что широта Аркаима — 52 градуса 39 минут с. ш. — всего на полтора градуса отличается от широты Стоунхенджа (51 градус 11 минут с. ш.). А это значит, что астрономические события наступают на Аркаиме на четыре часа раньше (разница по долготе — 60 градусов), но это одни и те же со Стоунхенджем события, почти без искажений. Условия наблюдений аналогичные. Более того — наша Аркаимская провинция сопоставима по географической широте и площади с территорией, на которой расположены памятники всемирно известной английской древней каменной астрономии. То есть мы можем свободно пользоваться результатами и методиками английской археоастрономии.

Справка. Без малого четыре тысячи лет назад в Англии в долине Солсбери на рубеже каменного и бронзового веков за несколько столетий до падения Трои было возведено каменное сооружение — Стоунхендж. Это один из многочисленных мегалитических (каменных) памятников северо-западной Европы.

В изучении Стоунхенджа на протяжении двух веков участвовали археологи, антиквары, священники, астрономы, наконец, просто любители. Традиция исследования Стоунхенджа как астрономической обсерватории была заложена в 1740-м году Уильямом Стьюкли, который первым обратил внимание на то, что ось Стоунхенджа ориентирована на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Это позволило более поздним исследователям понять роль Стоунхенджа и произвести переоценку всей позднеолитической и раннебронзовой культуры.

В 1771 году доктор Джон Смит предположил, что кольцо сарсеновых камней служило календарем.

В 1964 году американский ученый Джеральд Хокинс опубликовал статью, в которой доказал, что Стоунхендж — не только солнечная и лунная обсерватория, но и счетная машина для предсказания лунных затмений. Ему удалось также доказать, что арки Стоунхенджа, как прорезь с мушкой в ружейном прицеле, служат громадными визирами, с погрешностью менее одного градуса отмечающими восходы и заходы Солнца и Луны в дни солнцестояний и равноденствий.

Вернемся к Аркаиму.

— Это высокая астрономическая культура, переведенная на язык архитектуры, — рассказывает К. К. Быструш-

кин. — Алгоритм этого перевода нам пока неизвестен, но есть гипотеза, что основной архитектурный мотив Аркаима — астрономически точная модель движения Солнца.

Аркаим — карта звездного неба. Причем, звездочек как таковых там нет, а есть основные узлы и события. Небо точно вписано в Караганскую долину — широта местности на Аркаиме вычисляется по его архитектуре с точностью до 10 минут дуги. Размеры же Аркаима ровно в 60 раз меньше, чем круг видимого горизонта, и составляют одну стадию — единицу древней меры длины, использовавшуюся во всем Средиземноморье и на Востоке.

...Зачем, спросит читатель, нужна была древнему человеку вся эта сложность? Чтобы просто жить и воспроизводить себя в потомстве, все это вроде бы ни к чему... Ответ прост. Во-первых, такие вспышки высококультурной мировоззренческой деятельности людей не были столь уж частыми, и каждый раз они имели под собой вполне определенную сумму причин. У нас на Южном Урале это случилось в бронзовом веке. Позднее нечто подобное должно было, как предполагают ученые, произойти на Северном Урале, возможно, на территории нынешней Пермской области. А во-вторых, оглянитесь вокруг: не потому ли у нас высох Арал, не потому ли каждый год — засуха и, честно зарывая в гектар нашей родины 3 центнера зерна, мы собираем потом 4, что перестали считать природу своей матерью и разучились жить во Вселенной?

Говорит Г. Б. Зданович:

— Это все пока — сенсация. А ее нужно превратить в науку. Нам нужно учиться у наших предков — созидать, учиться жить на этой земле. Предстоит громадный труд — вслед за учеными реконструировать мировоззрение наших предков. Это так огромно, это больше нас с вами, на это не хватит ничьей жизни...

Привычка жить под прессом идеологии для многих из нас стала заменой собственно мировоззрения. Как, скажите, людям, которые имеют славную традицию регулярно, до самозабвения искренно и вполне санкционированно напиваться снизу доверху в день Октябрьского переворота или в день международной солидарности трудящихся, — как им понять людей, которые самым серьезным событием года считали день летнего солнцестояния?

Но привычка жить под прессом идеологии для определенных категорий наших соотечественников — паче гордости: вместо любимой игрушки — ну-ка, отними... И нельзя отнимать — категорически: взамен одного пресса автоматически получим другой, вместо Октябрьского переворота — переворот имени Дня весеннего равноденствия. Не надо новых социальных экспериментов.

Другая категория людей попала в не менее сложное положение — их мировоззрение (оголтелой ли гласностью, собственным ли опытом бытовой нищеты) оказалось содраным с них начисто, под ним не обнаружилось ничего, они стоят сейчас — на сквозняке, на ветру, гремя голыми костяками, в ожидании, кому заложить душу — богу, дьяволу, новому мессии. Этим людям мы не можем пообещать ничего интересного: подспудно они все-таки тоскуют по новому, облагороженному современными дизайном прессу, который опять пришибет их всерьез и надолго. А его-то как раз и НЕ БУДЕТ.

Новое, более нормальное и более естественное мировоззрение неизбежно не потому, что нам придется сдаться зачет на каком-нибудь грядущем фантастическом госэкзамене. А потому, что иначе мы попросту сверзнемся со своего велосипеда. Оно неизбежно придет. И мы уже поняли, что это — процесс, который растянется на десятилетия, пройдет через несколько поколений. Его нельзя запретить, поставить к стенке, расстрелять. Новое мировоззрение все равно будет. Каким — мы не знаем. Но наши предки оставили нам гениальную подсказку — Аркаим.

Эдуард
МЕКШ

Соловецкие посвящения Есенину

Рисунок
Николая Мооса

Жители латышского города Даугавпилса хорошо знают культурное общество «Русичи», хотя ему не исполнилось еще и двух лет. Руководит обществом инициатор его создания Эдуард Брониславович Мекш, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Даугавпилсского пединститута.

И хотя возраст «Русичей» невелик, у них в активе уже немало культурно-просветительных дел. Уметь читать и говорить по-русски еще не означает быть русским, считают активисты общества. Если человек не поет песен своих дедов и отцов, если он коверкает свой язык сленгом, если Пушкин у него фигурирует только в анекдотах — разве можно назвать его русским? Вот почему заботит «Русичей» возрождение народных традиций, национальных праздников, народного искусства во всех его разновидностях. Особая область деятельности «Русичей» — возвращение народу религии. Они организуют библейские чтения, проводят панихиды в память воинов первой мировой войны, ведут кампанию по восстановлению разрушенного собора Александра Невского.

Сам Эдуард Брониславович, чье детство прошло попеременно в Риге и у бабушки в русской деревне, с детства влюблен в поэзию Сергея Есенина, исследует его творчество. Он — автор нескольких книжек есенинцаны и многих газетно-журнальных публикаций.

После трагической гибели Есенина 28 декабря 1925 года по страницам периодики прокатилась волна откликов и воспоминаний о поэте. Разными они были по своей художественной значимости, но их объединяло искреннее чувство горя, постигшее русскую литературу. Мало кому известны публикации журнала «Соловецкие острова». На них обратил мое внимание И. Н. Заволоко (1897—1984).

Иван Никифорович был человеком широкой души, крупнейший просветитель русской культуры в Латвии. Знал иконографию, старопечатные и рукописные книги, древнерусскую музыку, народное творчество и быт.

И. Н. Заволоко родился в старообрядческой семье, каковых в то время в Латвии было более ста тысяч. Учился в Петровско-Разумовской академии и в знаменитом Карловом университете в Праге, который окончил со степенью кандидата права. Там, в Карловом университете, он посещал семинар академика Никодима Павловича Кондакова, где и утвердилась у Ивана Никифоровича любовь к русской старине. По возвращении в Ригу Заволоко стал собирать русскую молодежь в «Кружок ревнителей старины», позднее создал хор старинной русской песни, основал и стал редактировать журнал «Русская старина». Именно ему принадлежит честь открытия в библиотеке Гребеншиковской общины древнерусского па-

мятника «Слово о гибели Русской земли». Заволоко и его коллеги по «Кружку ревнителей старины» совершали выезды в Латгалию, где собирали русский фольклор, старинные книги и предметы обихода.

До второй мировой войны Заволоко дружил и переписывался с русскими писателями-эмигрантами И. Шмелевым и А. Ремизовым, вел обширную переписку с художником Н. Рерихом и даже собирался съездить к нему в Индию. Но наступил 1940-й год, Заволоко был арестован и провел в сталинских лагерях и на поселении 17 лет. 48-летним человеком он получил еще одно высшее образование: закончил медицинский институт в Новосибирске, по завершении которого заведовал лабораторией, занимающейся проблемой предракового состояния (этой проблемой он продолжал заниматься и в Риге, когда вернулся домой). Но увлечение старой книгой не проходило, по рекомендации Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома) Заволоко ездил в экспедиции и в 1967 году совершил открытие, которое взволновало весь филологический мир: он нашел «Пустозерский сборник» с неизвестным автографом Аввакума!

Заволоко не ограничивался только стариной, но с одинаковым интересом следил и за современным искусством. Особая привязанность была у него к Есенину. В письме ко мне от 4 ноября 1974 года он писал: «О С. Есенине я собираю все, что увижу и найду. Вырезки из газет, журналов. Приобретаю и литературу о нем (пока таких книг немного), но особенно интересуюсь отражением творчества Есенина в музыке. Собрал на магнитофонных лентах доклады о Есенине, декламации его стихотворений и их исполнение певцами и певицами». В этом же письме он и спросил меня: «Известны ли Вам стихотворения о Есенине Георгия Русанова («Не уберегли кудрявого Сережу...») и Б. Емельянова («Не одно ли из последних усилий...»). Эти стихотворения были напечатаны в журнале «Соловецкие острова» № 4 за 1926 год». Я ответил, что произведений названных авторов не знаю, и в следующем письме Заволоко любезно выслал мне их машинописные копии, пояснив, как были обнаружены эти стихи: «С журналом «Соловецкие острова» я познакомился случайно. Собираю в Москве материалы для статьи о Поморье и Выге. В частном собрании нашел целый комплект журнала «Сол. о-ва». Журнал печатался официально. Статьи на самые разные темы, но все они посвящены главным образом теме «Соловки». Среди них я нашел и стихи о Есенине. Неудачные, по-моему, но для

Вашей «копилки», быть может, и будут интересны. Хотелось бы узнать Ваше мнение о них».

Свой отзыв о стихах «обитателей» Соловков я тогда же написал Заволоко, подтвердив его предположение о «неудачности» этих произведений. Я и сейчас придерживаюсь такого же мнения, однако и тогда, и теперь при чтении соловецких стихов меня берет оторопь: за стихами встает жестокая реальность.

«Чуден остров Соловецкий», — некогда сказал Н. Клюев, но в 20-е годы острова на Белом море прославились другим: с июня 1923 года там сосредоточились Северные Лагера Особого Назначения (сокращенно — СЛОН). Это было своего рода тоталитарное государство в государстве с верховной властью, войсками и репрессивным аппаратом. (У них даже форма была своя! Из «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына узнаем, что чекисты на Соловках были «в сверхдоголополых, до самых пят шинелях, с особо-отличительными соловецкими черными обшлагами и петлицами и черными околышками фуражек без звезд»). Это государство имело не только свои деньги («Особые денежные знаки помогали лучшей изоляции этих лагерей», — пишет Солженицын), но и свою прессу: в 1924 году стал выходить машинописный журнал «СЛОН». В следующем — «Соловецкие острова», в котором, как разъяснял мне Заволоко, авторы и состав редакции набирались из «обитателей» Соловецкого острова, т. е. из заключенных. Вначале журнал распространялся внутри зон Северных Лагеров, но с 1926 года разрешили всесоюзную подписку на него (этот годовой комплект и видел Заволоко в московском частном собрании). «Соловецкие острова» были чудовищной дезинформацией, ибо всю правду о лагере из журнальных статей узнать было невозможно, но порой она проскальзывала между строк.

Авторы есенинских посвящений — тоже заключенные. Но кем они были до ареста? Этого я не знаю. Известно, что на Соловки, в самом начале организации лагерей, ссылали военную интеллигенцию, писателей, журналистов, священнослужителей. Только с 1927 года пойдут уголовный элемент. Таким образом, наши авторы — обычные русские люди, которых перемолола безжалостная революционная крупорушка, но даже находясь в местах, «куда Макар телят не гонял», они были потрясены известием о смерти Есенина. В стихотворении Русанова глухо упоминается об атмосфере траула поэта, приведшей к трагедии. И он, а в большей степени Емельянов, исходят из официальной вер-

сии самоубийства (в настоящее время новые документы заставляют усомниться в этом). У обоих поэтов наличествует один весьма оригинальный образ: сопоставление Есенина с Христом (Емельянов прямо называет его Мессией). Оба поэта хорошо знали творчество Есенина, использовали его образность, а Емельянов прямо вводит его стихи в свой текст. Цитаты он приводит по памяти, отсюда некоторые отклонения от оригинала.

Георгий Русанов

* * *

*Не уберегли кудрявого Сережу,
И он ушел в непредрешенный день.
Придет — да поздно! —*

*к брошенному ложу
Печаль осиротевших деревень.
Напрасно пашни пеструю рогожу
Переплещут за старенький плетень.
Озера глаз и матовую кожу
Прозеленила мертвенная тень.
Легко ль тебе,*

*когда теперь уж плечи
Не саднят язвы противоречий,
А ты лежишь,*

*как Божий брат меньшей.
Под шум шуги, из марева тумана
Ясней твой лик*

*страдальца-хулигана
С невыплаканной детской душой...*

Б. Емельянов

ЦИТАТЫ

*Не одно ль из последних усилий
Ты занес на страницы скрижалей.
«Синий свет, свет такой синий.
В эту синь даже умереть не жаль».
Знаю, строчки все так же*

*висли ведь,
Когда ставил табуретку к ногам:
«Сия есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган».
Не увидеть старушке-маме
В захлестнувшей веревке Мессии,—
Веревке, обернувшей шею*

*в кровавый след.
«Что, если бы вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт».*

*Уходил ты ленивой походкою,
И ушел, и теперь ни гу-гу.
«Ой ты, Русь, моя родина кроткая!
Лишь к тебе я любовь берегу».
Спрашиваю, отвечают: — «Видите ли,
Причина смерти не выяснена*

*пока».—
«Вы ли сердцем за него не*

*индевели,
Когда босые ноги
он в лужах осенних макал?»
Закрывая в хрипе хрустальные очи,
Говоришь ты за горы, поля, леса:
«Спокойной ночи,*

*всем вам спокойной ночи.
Отзвенела по траве
сумерек зари коса».*

Очерк подросткового быта

Юрий
ШИНКАРЕНКО

Маме, хранительнице
моих детских снов.
Автор

Рисунок
Сергея Григорькина

Месяц СНОВИДЕНИЙ

Поведи я вас в пещеру, в Новоафонскую хотя б, мне, пожалуй, было бы проще... Прежде чем показать ее царственное содержание — подсвеченные нежной зеленью сталагматы, слоновьи бивни сталагмитов или бриллиантовую натежь кальцита в искусственном фиолетовом мареве, — я бы предупредил, не мудрствуя лукаво: «Подземный мир чувствителен к присутствию человека. Даже от дыхания «каменные цветы» тускнеют, высыхают и разрушаются. Будьте здесь бережны и осторожны!»

Но нам — не под землю. Нам туда, где нет и быть не может изведенных туристских троп.

И я не знаю, о чем вас предупреждать, ибо миры, в которые мы попадем, загадочнее любого подземного царства, таинственнее, чем Космос. В этих мирах остановилось Время, наше время, хвостик восьмидесятых. А пространство сгущено и искажено, если верить под-сказкам... Фрейда. Да, еще... В каждом таком мире есть Создатель. За него-то я и боюсь... Ради него прошу, помните об идее взаимосвязи реального и ирреального, помните, что в миры, куда нас доверчиво пригласили, мы повалим многотысячной гурьбой... Пусть ваше шестое чувство подскажет вам, о чем мне следовало бы вас предупредить...

А богатый, таинственный, хрупкий, насыщенный чувствами, искренний — потрясающе искренний, сладкий и печально-горький одновременно, наполненный, как дискета, закодированной информацией, фантазмагоричный (куда одиночке Сальвадору Дали!), талантливо умещающий любую абстракцию обернуть в видимое, очень индивидуальный и неповторимый (не-пов-тоо-ри-мый!), а самое главное — спастительный МИР этот — МИР РЕБЯЧЬИХ СНОВ...

1

Идея познакомиться с подростковыми снами родилась благодаря городу, где я ни разу не был и — увы! — никогда не буду, потому что время не вернуть вспять, и средневековая Флоренция, гордая, свободолюбивая, праздничная, щедро подарившая миру сотни блистательных имен, — эта Флоренция навсегда осталась за кормой человечества, стремительно летящего в бездну уже предчувствуемого краха.

Я многое люблю в той Флоренции. Люблю крылья, чертежи которых так тщательно вырисовывал Леонардо да Винчи, мечтая одеть своих сограждан в ангельский наряд и вместе с ними подняться в лазурное небо. И люблю игральные кости, которые накрепко привязали к земле другого флорентийца — Бонаккорсо Питти, разыграли с его участием авантурный сюжет и чуть не лишили жизни, о чем он бесхитростно рассказывал в своей «Хронике». Данте и Петрарка, Боккаччо и Макиавелли, Микеланджело и Галилей — много имен сияет над древним городом. Но сейчас мне ближе в той Флоренции одно имя — имя Якопо Понтормо, художника-маньериста. Он первым ушел от ярких, солнечных тонов живописцев-предшественников, от их жизнерадостности. Флоренция начала XVI века, новая, перестраивающаяся, продиктовала ему печально-новаторский стиль.

Одна из моих любимых работ у Понтормо, ранняя еще, — «Портрет юноши». Вот как описывает это полотно наряду с другим, родственным, искусствовед Б. Р. Виппер: «Те же черты растерянности и тревоги (...) Понтормо вкладывает и в свои портретные образы. Особенно показательны в этом смысле два портрета молодых флорентийцев, написанные, по-видимому, незадолго до падения Флоренции — «Портрет юноши» (в Лукке) и «Портрет Франческо Гварди» (с алебардой; музей Фогг в Кембридже)... Оба (героя — Ю. Ш.) стараются принять горделивый, независимый вид, подбоченясь и несколько вызывающе глядя на зрителя. Но вместе с тем их позы и движения обнаруживают неуверенность и беспокойство, их

тела, скрытые одеждами словно с чужого плеча, отличаются хрупкостью и вялостью, их бледные лица полны недоумения, меланхолии и горечи. Эти юноши — чужие в жизни, они ничего от нее не ждут и вряд ли способны что-нибудь внести в нее от себя».

На «Портрете юноши», считают некоторые искусствоведы, изображен Алессандро Медичи, выпестыш знатного рода, много лет правившего Флоренцией. Но когда однажды я вновь открыл альбом Понтормо на знакомой странице, мне стало не по себе. С холста на меня смотрел, с укоризной и легкой хамоватостью одновременно, с тревогой и с какой-то невысказанной просьбой (оставить в покое, что ли) тот, кого я только что видел в троллейбусе, когда добирался до библиотеки... Нет, тот, что встретился мне в подъезде дома и не захотел поздороваться... Нет, тот...

С портрета на меня смотрел современный подросток. Настроившись на трагическую схожесть ребят из разных поколений, я уже не мог отделаться от идеи либо доказать эту схожесть, либо опровергнуть ее. Любая истина, рожденная таким сравнением, многое, считаю, дала бы нам.

Представилась несложная процедура: отыскать какие-то свидетельства душевной работы двух подростков (мечтаний, переживаний, снов, где многое отразилось, примерок к себе нравственных норм общества) — и развернуть ряды этих свидетельств лицом друг к другу: сойдутся ли... И увидеть, куда за эти пятьсот лет шагнули... нет, не ребята, человечество в целом. А если духовная наполненность и Алессандро, и моего троллейбусного попутчика совпадает, — и не получится разговора о движении, изменении Человека, то тогда... Тогда еще интереснее. На портрете Понтормо — миг уже свершившейся жизни. Мой же юный современник даже не подозревает, что с ним будет завтра, к каким берегам прибьют его растерянность, пессимизм, цинично-равнодушное отшельничество. Так может, судьба юного вельможи из Флоренции подскажет те дыры-засоски на линии жизни, куда легко попасть незащищенной, непредупрежденной душе и откуда нелегко выбраться, не испачкавшись копотью и не обволочшись серным запахом...

Я загорелся идеей, но тут же охладил себя: легко сказать, — найти свидетельства духа... На детей в Средневековье смотрели как на несовершеннолетних и особого интереса к этому возрасту, к его самоценности не проявляли. Отыщи-ка тут свидетельства...

Несложная процедура сопоставления эпох в одночасье превратилась в невыполнимую задачу. Средневековый ряд свидетельств психической работы подростка начисто отсутствовал. В современном же ряду сплошь и рядом зияли прогалы. Кто, например, пытался собрать сны наших ребят? — не для диссертации по психологии и не для психопатологических учебников, а просто так, чтобы, не вдаваясь во фрейдистские тонкости, удивиться, как обстоятельно и подробно представлен там наш быт, как из-за любой, самой сюрреалистической оболочки сна выглядывают наши проблемы, наша мораль, наши желания... Вот так в неозелененном библиотечном зале я решил встать за подобную работу, слегка надеясь, что юноша с понтормовского портрета еще заявит о себе, так возникла идея обратиться с письмом к нынешним Сашам и Шурам...

2

«Дорогой друг! Нужна твоя помощь! «Уральский следопыт» готовит очерк «Месяц сновидений». Мы хотим свести вместе и прокомментировать сны, которые увидят твои ровесники в декабре. На наш взгляд, получится интересный «психоснимок», портрет поколения 80-х... Пожалуйста, подробно, с деталями запиши все декабрьские сны, записи пришли нам. Если хочешь, попытайся поразмышлять, почему именно такие картины, сюжеты, лица появились в твоём сновидении... Надеемся на твою искрен-

ность!» — такие письма, одинакового содержания, отправили мы из редакции чуть больше года назад примерно по двумстам адресам.

Адреса тинейджеров (с возрастным допуском в двадцать три года) выбрали из редакционной почты.

Ответили нам не все. Кто-то, наверное, поленился. Кто-то души не захотел распахивать, — и разве посмеешь такого упрекнуть. Пришло несколько писем, критикующих затею со снами. Например, из Усть-Каменогорска, от Сергея Дураченко: «Честно сказать, не очень воодушевлен вашим предприятием... Может, стоит поступить старым, проверенным способом — разослать анкеты с широким спектром вопросов, выявляющих взгляд респондента на окружающих его сверстников. Думается, так будет проще и эффективнее...»

Анкета проще... Да ведь нас интересовал не улов жестких социологических сетей, многотонный, но не делимый на трепещущие, поблескивающие в лучах жизни частности. Мы шли к другому.

Известный латиноамериканский писатель Хорхе Луис Борхес как-то сказал: «Сны — художественные произведения, возможно, наиболее архаичный из способов художественного выражения». Нам тоже верилось: запишет подростки свои сновидения — и мир пополнится оригинальной библиотекой, очень точно повествующей о целом поколении (или картинной галереей, где один автопортрет исповедальнее другого? или просто фотоальбомом с чередой выразительнейших фотокарточек, которые проще простого свести в единое целое?). Мы не ошиблись. Придавая форму своей раскрепощенной психической работе — сну, — ребята творили... Стали бы они это делать, заполняя анкету?

Вежливо отказываясь от нашего предложения, Сергей Дураченко тщательно аргументировал отказ: «Сомневаюсь, что может запечатлеться «психоснимок» ПОКОЛЕНИЯ. Некоторые категории (какие — сами понимаете) этого нашего поколения не склонны, думаю, описывать своих снов...»

Мы подстраховались. Поработали с «некоторыми категориями», записав их сны. Если гора не идет к журналисту... Хотя, честно говоря, к репрезентативности особо не стремились. Когда наш мир пытаешься сопоставить с далекой-предалекой Флоренцией, то готов даже по одному человеку судить о всей нынешней генерации. Ребят же, которые откликнулись на наше предложение, не постеснялись раскрыть свое глубоко личное, оказалось много...

Другое серьезное замечание Сергея: «Не совсем ясно представляю систему обработки потенциальных материалов...» Ну что ж, попытаемся определить...

3

Когда я впервые знакомился со «сновиденческой» почтой, меня не покидало ощущение: нельзя нарушать принцип «единства лирического героя», нельзя прерывать монологи респондентов, выстригать из писем отрывки, комбинировать с другими кусками. Казалось, исчезнет индивидуальность автора, возникающая за каждым письмом, его неповторимость... Но перечитывая сны второй, третий раз, я вдруг понял, что даже в маленьком абзаце узнаю автора: слишком яркая и частая стиль. Да и вы не спугаете эмоционально-романтический слог Ани Беспалько с жаргонно-жестким письмом Оли Ш. из Челябинска или с деловой сухостью Сергея Лебедева. Поэтому мы решили скомбинировать сны в тематические блоки, объединить по кругу схожих проблем.

Конечно, четких тематических границ нам провести не удастся — вспомните свои сны, все в них перекручено, все аллюжично и зыбко. Но будем ориентироваться на самую яркую часть сна, на ту, что видимо связана с реальностью или обстоятельно прокомментирована автором, что тоже замыкает сон на реальность. Кому-то подобная «метода» покажется зыбкой, как... самое сон. Но мы не стремимся

из непонятого, спутанного, бессвязного сновидения вытащить, руководствуясь Фрейдом, его скрытое содержание. Из основополагающих положений Зигмунда Фрейда воспользуемся теми, что помогут оценить явно содержание «сочных спектаклей». В частности: «Сновидение никогда не интересуется тем, что не могло бы привлечь нашего внимания днем, и мелочи, не волнующие нас днем, не в состоянии преследовать нас и во сне».

Другой посыл австрийского психиатра, где он размышляет о снах самых простых, присущих обычно детям, выведет нас на первый круг тем: «Эти сновидения являются простыми и незамаскированными исполнениями желаний».

Итак, ЖЕЛАНИЯ современных подростков...

СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ, 17 лет, учится в ПТУ, на монтажника КИПиА: «Долго не снилось ничего. (Я думаю, что эти дни были трудными: рано утром на практику, потом сразу в радиошколу, очень уставал). 6 декабря — наверное, самый красочный сон. Я прихожу на работу, а там, на моем столе, лежит бланк из бухгалтерии. А в нем — моя месячная зарплата повысилась на сотню. Во сне я очень удивился, и у меня защемило сердце от радости. Утром я проснулся с ощущением, что все это было на самом деле. Но я не могу понять, почему приснился этот сон... (Понятно, Сергей, очень хорошо понятно... Это не ирония, а злость, даже гнев на тех современных преобразователей-ценообразователей, которые со всех сторон обложили ребят денежными «ловушками»... — Ю. Ш.). Чаше бы снились такие сны людям, может, они бы и подобрали немножко... Кстати, накануне этого сна я слушал по радио А. Чумака. Может быть, он помог мне все это увидеть? Ведь я после него сразу засыпаю».

«9 декабря мне приснилось, что отец принес и подарил мне тестер (радиоприбор, дефицитная вещь для радиолюбителя). Моей радости не было предела. (За несколько дней до этого мы с отцом разговаривали о приборе, и он сказал, что может его достать. А я с моим воображением немного помечтал об этом.)»

ОКСАНА З., 15 лет, Ростовская область: «В ночь с 6 на 7 мне снились какие-то серги, кучи этих сережек. Я и еще какие-то девчонки примеряем их, любимеся. Одни я себе выбираю, очень красивые. Но сетую, что в этой куче нет моих старых сережек, которые я очень любила...»

ЕЛЕНА ПАШКОВА, 13 лет, Красноярский край: «14 декабря мне приснился магазин. Мы с мамой туда зашли. Нам предложили какой-то парфюмерный шкаф, который был полностью заставлен косметикой, всякой, разной. Мама, конечно же, купила, и мне поставили шкаф в комнату мою...»

«30 декабря. Сегодня мне приснилось, будто мы с другой пошли в гости к одной девушке. Нас никто не встретил. Мы подошли к трельяжу, на котором лежало много косметики. Формы тюбиков для туши и теней были какие-то загадочные, похожие на пластмассовые и стеклянные ампулки, как в больнице. Когда мы уходили, я захватила с собой две таких «ампулки», чтобы дома их хорошенько изучить...»

«31 декабря. Снилось, будто я в школе и вместе с одноклассницами рассматриваю очень красивую коробочку, в которой находились персиковые румяна. Когда же я закрыла коробочку стеклянной крышечкой и перевернула ее, то из коробки полился на пол персиковый сок... Думаю, это приснилось потому, что еще вечером в школе я рассматривала такую коробочку, взяла ее у одноклассницы».

«Сегодня мне снилось, как будто все ушли в огород копать картошку, а я одна сидела дома и слушала магнитофон. Магнитофон мне приснился совсем другой, не как у меня. У меня «Россия», а во сне я слушала магнитофон голубого цвета «Русь»...»

Вот такие желания... Меня они почти не смущают, может — радуют. Даже не потому, что предельно прав-

дивы в отличие от тех якобы-желаний «о мире во всем мире», которые не так давно приписывались нашими информационными средствами поголовно всему отрочеству. Меня эти желания радуют от того, что вижу в них неувадание интереса к жизни. Юный слух жаждет чистых музыкальных тонов... Юное зрение — сочных красок... Юное обоняние — благоухающих запахов... И такая ликующая настырность жизни в этом, такой ток естества, — что заразит самого разочарованного пессимиста, в коих наше существование пытается нас всех оборотить.

Не разлюбить бы жизнь, а мечты о возвышенных ее сторонах от юных жизнелюбов не уйдут. Такова природа возраста. Сны свидетельствуют: чаще, чем осязаемых благ, желают подростки бесребренного, неуловимого порой, но самого прекрасного — ЛЮБВИ. «Уверена, — пишет уже знакомая нам Оксана З., — что большинство снов у меня от личных любовных переживаний, которых хоть отбавляй...»

4

Итак, ЛЮБОВЬ или ПРЕДОЩУЩЕНИЕ ЕЕ.

НАТАЛЬЯ КРАВЧЕНКО, 15 лет, «люблю спорт, но не страстная спортсменка», Карагандинская область: «Я в какой-то небольшой столовой. Круглые столы на высокой ножке. Все ели манную кашу и хлеб, я ничего не доела. Взяла тарелку и отнесла туда, где стояла грязная посуда. Какая-то девушка (по сну я ее знала) спросила меня с улыбкой, что это я не ем кашу, я ответила, что больше не хочу. (Вчувствуйтесь, какой лаконичный и точный образ — оставленная манная каша, отставленная в прошлое, в младенчество, в уходящее детство, и всепонимающая улыбка более взрослой девушки, — Ю. Ш. — Но дальше...) Потом я оделась и вышла на крыльцо. На улице стояли пятеро мальчишек. Я хочу пройти, но они не пускают меня. Я спросила, что им нужно. Оказалось, нужна я. Но не всем, а тому, кто стоял посередине и кого я наяву хорошо знаю. Я спустилась с крыльца. Этот пацан взял меня за руку, и мы пошли от столовой. На улице — зима, сугробы, но было тепло. Остальные пацаны куда-то делись, снова появились и обратно исчезли. Мы остались вдвоем. Во сне я целовалась с этим пацаном, лежа на снегу. Он говорил мне, что будем всегда вместе».

АЛЕКСАНДР ТРУХИН, 21 год, студент университета, Горький: «3 декабря. Я бежал по какой-то лестнице вниз, торопился. Наконец достиг первого этажа. Лестничная площадка с почтовыми ящиками. Я открываю дверцу своей ячейки, достаю газету. Из нее выпадает долгожданное письмо от той, которую люблю. Я ждал этого письма больше месяца. Я нагибаюсь, чтобы поймать письмо, но пол подо мной проваливается, темнота, ощущение падения в бездну. Вдруг я оказываюсь за тысячу километров от родного дома. Я сижу в комнате рядом с Ирмой. Из окна доносится шум Черного моря. Приятный южный ветер. В комнате мне все знакомо до боли. Ирма меня не замечает, она вяжет свитер. Я смотрю на нее тихо и нежно. Я хочу окликнуть ее, позвать к себе, но некая властная сила уносит меня из этого сказочного мира... Увы, это был не вещий сон. Письма я так и не получил. Да и тысячи километров, увы, не могу преодолеть в одно мгновение. Как жаль, что Ирма рядом со мной пока только во сне...»

АННА БЕСПАЛЬКО, 14 лет, Курганская область: «В ночь с 1 на 2 декабря. Как обычно, я пришла в школу. Мои подружки сообщили мне, что будет только один урок, так как «Вася» женится (Вася — это прозвище нашего молодого учителя, который накануне заболел). Я сначала очень удивилась, а потом спросила: «На ком?» Мне ответили: «Иди посмотри. Они на третьем этаже стоят...» Я, конечно, тут же побежала... Учитель стоял рядом с симпатичной девушкой, лет девятнадцати. Он сразу же заметил мое расстроенное лицо и подошел ко мне. — Привет, — поздоровался он. — Ты не могла бы дать

мне тот тест на выявление характера, который давала? — Пожалуйста, сейчас я за ним сбегаю.

Я пошла за тестом домой. Я была очень расстроена и поэтому ничего вокруг не замечала. Вдруг прямо передо мной появился прилавок с мороженым. Я остановилась, начала вытаскивать мороженое и есть... Я не ушла, пока все не съела. Мне стало очень-очень холодно, и я начала замерзать. Я чувствовала, как перестаю воспринимать все, что находится кругом...

Этот сон, можно сказать, типично девчоночий. Ведь именно девушки объектом влюбленности зачастую делают людей несколько старше себя. И. С. Кон утверждает, что на вопрос «Какого возраста друга вы бы предпочли?» — 40—50 процентов опрошенных девушек ответили, что старше себя. Вот и в сны врываются самые разные взрослые люди...

ОЛЯ Ш., 16 лет, Челябинск: «К нам домой зачем-то пришли врачи, женщина и два парня (один толстый, другой худой). Худой захотел со мной познакомиться. Он был симпатичный, да к тому же длинный. А толстый был как все толстые (мне кажется, что у всех полных лица одинаковые). Когда они ушли, мне захотелось, чтобы длинный вернулся. Пришлось моей сестре Марине маленько заболеть. И тогда я, через женщину-врачиху и через моих родителей, познакомилась с этим длинным парнем. Так здорово!»

«Сегодня приснился интересный и загадочный сон. Будто наш класс был в спортзале и в то же время не в нем, а в каком-то загадочном месте. Там был канат, бревно и другие гимнастические снаряды. Мы с какой-то девкой такие номера выделывали!! На канате!! Все стояли и завидовали. И вдруг я увидела в проходе зала моего друга с женой. Он — наш «старшак микража» (т. е. микрорайона — Ю. Ш.). Такой парень хорошенький! Он похож на Томаса Андерса, с такими же длинными, белыми волосами. А кличка у него — Тюря. Представили?! Это такое событие, чтобы к нам в школу пришел «старшалони»! Да к тому же уставился на меня!.. Я залезла на канат и прокатилась на нем...»

АННА БЕСПАЛЬКО: «Все началось с того, что я пошла с подругой в магазин за печеньем. Мы долго выбирали, наконец я взяла пакет и подошла к кассе. Однако вместо продавщицы там сидел грузчик. Я уговорила продать мне печенье. Так как он был полуграмотным, подсчетами мы занялись вместе. И вдруг я услышала голос, который произнес мое имя. Я узнала тот голос. Грузчик тоже прислушался. Зов повторился. «Но он не мог слышать!» — подумала я про грузчика. Какая-то сила повела меня к выходу. Грузчик пошел за мной. Я вышла из магазина и ясно увидела волны воздуха, накапывающиеся друг на друга. Я без страха окунула в эти теплые потоки и полетела. Грузчик летел рядом. Только сейчас я увидела, какие у него хорошие глаза. Они сияли теплым светом. Внезапно мы оказались под крылом огромного самолета. Кое-как выбравшись из-под этой громадины, мы вдруг оказались в какой-то комнате. У окна стоял... Воланд.

— Звали? — спросила я.

— Да.

— Но почему его? — кивнула я на грузчика.

— Ты же видела его глаза... Он один из последних людей с такими глазами.

Потом мы оказались в саду. Не сад, а настоящий лес. Таких лесов уже нет на Земле.

— Такой была Земля до вашего появления, люди! — сказал Воланд. — Сейчас вы ее почти уничтожили...

Мы молчали. Потом снова полетели. Я оглянулась, но кроме звезд и пустоты ничего не было. Вокруг нас носился какой-то мусор. Вдруг мой спутник столкнулся с обломком ракеты. Небольшая вспышка — и все... Ни грузчика, ни обломка... Вот и весь мой сон. Кстати, я твердо решила закончить биофак и работать в заповеднике».

Анин сон — из разряда неясных, если следовать

классификации Фрейда (при чем печенье? обломки ракет? почему грузчик сидел именно за кассой? какие вытесненные мысли стоят за этим?). Но если следовать логике нравственности, человечности, то сон этот — очень ясен. Кристально ясен и чист. И на мой взгляд, не случайно в гкань сна влетел литературный герой, булгаковский Воланд (в других Аниных снах появляются другие герои, но, как правило, только красивые, добрые, мудрые. Например, мушкетеры...) Здесь угадывается, как литература способна влиять на формирующийся «скелет» психического... Может, и Анину мечту работать в заповеднике определили те же книжки...

Другая особенность этого сна — полеты. «Летают» практически все ребята. Одна из давних гипотез подобных сновиденческих парений предполагает, что таким образом в нас говорит генетическая память, отсылая в те допотопные времена, когда наши эволюционные предшественники умели порхать. Но во мне что-то противится, чтобы отдать происхождение этих полетов прошлому. У меня напрашивается другой вывод. Возможно, вы с ним согласитесь, если сравните пару снов и поразмышляете, почему каждый из нас то парит в небесах, то плюхается в болото...

АЛЕКСАНДР ТРУХИН: «Я чувствовал у себя за плечами крылья. Плавный взмах, я оторвался от земли, полет был стремительным. Земля быстро превратилась в светящуюся точку и, наконец, совсем исчезла. Я был среди бесконечной прозрачной синевы, я летел. Вдруг я увидел впереди две ярких звезды. Их свет усиливался. И тут я понял, что это не звезды. Это — ее глаза! И вот я уже вижу ее брови, ее волосы, ее губы. Я вижу ее лицо. Я чувствую, как вырастаю до бесконечных размеров. Мы рядом. Мой лоб прикасается к ее щеке, мои губы прикасаются к ее губам... Я просыпаюсь».

ОЛЯ Ш.: «У меня есть родной дядя. Он моряк. Плавает в «загранки». И вот мне приснилось, что я приехала к нему в Находку. Он меня встретил. Всю местную природу показал: море, птиц и т. д. И вот пошла я на море. Уже с каким-то парнем, видать, там познакомилась. Он был очень классным. Пришли мы на понтоны. Там уже плавал какой-то парень в тельняшке. Он был похож на Шулю с нашего микража (тот — афганец). Потом к нему подошел еще парень, наверное, его брат, тоже в тельняшке, но более крепкого, красивого телосложения. Он плавал тоже сначала в тельняшке, потом без нее, но в бьюках (что-то не в кассу, да?). Посреди понтонов был островок, где я сидела со своим парнем. Я смотрела на братьев. Потом к купающимся подошла беленькая девушка. Они разговаривали с ней, смотрели на меня, а потом стали воображать, что хорошо плавают. И тут я — такая смелая — стала плавать. А плавать-то я вообще не умею. Но все получилось нормально. И главное, я не то плыву, не то лечу. А потом меня как разнесло, я давай летать. Надо было это видеть! Но парни с девчонкой смеются. А мой парень ничего понять не может. Я лечу, плыву, кричу, мол, полетели со мной. И тут меня выбросило на берег какого-то болота. И парень мой бежит навстречу (он был беленьким, это я хорошо запомнила, потому что беленькие мне не очень нравятся). Я иду, зубы у меня стучат, я тихо говорю: «Д. меня бы уже давно спас» Мой парень подбежал ко мне, растер мне ноги (они были голые и красные, по соннику это к опасности), накинул на меня полотенце, обнял, и мы пошли дальше...»

Чтобы уж закончить разговор о полетах, побываем еще в одном сне.

И. РАЗИН, 17 лет, Башкирия: «Мне снилось, что я стою на ровной площадке, а потом взлетаю вертикально вверх и лечу довольно долго, а потом внезапно попадаю как будто под какую-то перекладину, бьюсь о нее, а дальше взлетать не могу. На этом мой сон прекращается. Что он значит, я не смогу объяснить. Неудачником себя не считаю, в жизни не разочаровывался и не думаю. Может,

достиг своей жизненной вершины? — но в этом сомневаюсь. Так что каждый как хочет, так пусть и думает».

Разница в высоте полетов, позвольте сделать мне ненаучный, интуитивный вывод, определяется всего лишь навсего высотой нашего чувства, его цельностью, нераздробленностью, яркостью. Но чтобы достичь этого «всего лишь», приходится искать, пробовать, приглядываться к людям и учиться открывать их, биться о перекладки и падать в болота, — и верить, без сомнений верить, что однажды удастся подняться туда, где никто не бывал, а ориентиром станут глаза любимого человека.

Продолжая тематический ряд ЖЕЛАНИЙ, нам не обойти стороной ЭРОТИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ.

5

Наши респонденты пишут: «Вот уже неделю мне снятся такие сны, о которых я не могу вам рассказать, о них никто не должен знать». «Четыре сна мне приснились непрличных, с чем это связано, вам понятно». «Мне снятся парни. Эти сны были прекрасны...»

Эротические сны — совершенно нормальное явление. Известный сексолог И. С. Кон отмечает: «Способность не только реагировать на эротические знаки и образы, но и создавать их, воплощать свою фантазию, — исключительное свойство человека, присущее ему, как свидетельствует история искусства, с древнейших времен. ...Эротическое воображение позволяет индивиду преодолевать границы реальности, иногда весьма жесткие, и испытывать переживания, которые ему физически недоступны».

Мы не будем подробно останавливаться на природе эротического воображения, — желающие без труда прочтут об этом в специальной литературе. Мы попытаемся ответить лишь на один вопрос: какова внутренняя самодозволенность ребят в этом? Не подтолкнули ли их порновидео, журналы, газеты, соревнующиеся в хлесткости, на путь жестокости, извращенности, садизма?

НАТАЛЬЯ ШЕГЛОВА, Свердловск: «Захожу в свою школу. В классе нет парт. Вместо них — душевные загородки. Женское и мужское отделения. Мы с девочками сидим на подоконнике и видим, что моются двое — незнакомая мне девушка и парень... (Об этом парне мне накануне рассказывала учительница. Дело в том, что я сломала обе ноги и вот уже три месяца дома. Учителя приходят ко мне. Естественно, рассказывают новости о классе, о ребятах. И вот одна из них рассказала о парне, который несколько дней не ходит в школу, скрывается в каких-то «теплицах». После этого я думала, ну как так можно портить себе жизнь, ведь все трудности еще впереди, осталось-то доучиться всего полгода до окончания 9 класса. Этот парень мне и приснился в моем дурацком сне). Приснилось, что парень и девушка выходят из душевых, а коридор — общий. Она идет впереди, а он — позади, и прикасается к ее спине указательным и средним пальцами обеих рук. И здесь происходит типа чего-то сексуального. Но вдруг начинается невероятное: у него на голове вырастают рога, под цвет кожи, а потом меняются в коричневый цвет. Девушку начинает трясти, будто к ней подключили электрический ток. Глядишь на нее, и такое ощущение, что и тебя трясет, да еще как...
Мы, ЗРИТЕЛИ НА ПОДОКОННИКАХ, были в шоке от этой обнаженной пары. А потом приснилось, что нашу школу заполнил Северный Ледовитый океан. Кончились уроки. Из школы домой я поплыла на айсберге, хорошо, что океан не бушевал. А вечером у нас ожидался прощальный бал. Поэтому, приплыв домой, я начала собираться на вечер. Проснулась, когда уже наносила макияж...»

Сон этот с элементами «типа чего-то сексуального» представляется мне целомудренным и чистым. Зов природы сглажен нравственными установками и нашел выход в опосредованной сновиденческой ситуации: героиня — лишь сторонний наблюдатель... Несколько по-иному сработали нравственные запреты в эротических фанта-

зиях **ВАСИЛИЯ ДЬЯЧЕНКО**, 17 лет, учится на третьем курсе индустриального техникума:

«Мне приснилось лето и старая квартира (сейчас я переехал в новый район). Я дружил с девушкой, одетой в **ЯРКО-ГОЛУБОЕ ПЛАТЬЕ** и с **ЯРКО-БЕЛЫМИ ВОЛОСАМИ**. Она была какая-то таинственная, загадочная, я даже **ИМЕНИ** ее **НЕ ЗНАЛ**. Но лицо ее и фигуру я четко помню. Я считал ее, ну, как это мягко сказать, **ДУРОЧКОЙ**, или немного чудаковатой. Мы были у меня дома, и дело дошло до близости (этот эпизод сна я вообще помню во всех подробностях). Произошло это почему-то на балконе. **ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА ЕЕ** и **ГЛАЗ АБСОЛЮТНО НЕ МЕНЯЛОСЬ**, она не сказала ни слова. На другой день мне вдруг взбрело в голову, что она куда-то уезжает. Я выскочил на улицу и увидел ее. Она шла с чемоданом в руках. Я побежал вслед (бежал очень быстро) и кричал: «Стой!» Я догнал ее, вырвал из ее рук чемодан и сказал: «Ты никуда не поедешь, останешься со мной». Вот таким был сон. Я спросил у мамы, к чему бы это, и она ответила, что к какому-то удивлению. Так оно и получилось: удивлением для меня стало твое письмо, «Следопыт»...»

На мой взгляд, автор этого письма — рыцарь под светлым флагом. Угадывается, что никогда не позволит он себе подлости в отношении женщины, угадывается также, что эти качества сумела воспитать в юноше мама. Другие его сны овеяны нежным присутствием любимой девушки, они платонически и без натуги чисты. Эротический же сон... тоже чист: не кажется ли вам, что объектом для эротических экспериментов выбрана... кукла, «загадочная», ярко-красивая, но все же кукла. Нравственный кодекс автора сна не позволил предательства в отношении любимой даже в момент бесцензурного психического выплеска.

Было бы нечестным замолчать, что есть в нашем обрании снов образчики, из которых при желании можно сделать полновесные тематические подборки «Жестокость в снах», «Обесценивание этических богатств», «Ориентация на тюремную субкультуру». Но констатацией и ограничимся. Меня больше пугает, что нет материала для таких тематических кругов, как «Гражданские идеалы», «Родина», «Социальная активность»... Мало снов, которые бы показывали (естественно, по-своему), что подростки думают не только о магнитофонах, косметике, не только о собственном благополучии. Неужели не переживались днем планы об устройстве родимой округи, неужели не спорилось с великими государственными умами прошлого и настоящего, неужели не было общественной практики? Или все-таки были часы, наполненные не только бытом, но и бытием? — и надо лишь разглядеть их эхо в сновидениях...

6

Читая письма ребят, их откровения, я не переставал думать о другом ребенке — Александро Медичи. Непрочитанная просьба в его глазах беспокоила, тревожила меня. Зыбкими ночами мне представлялось, что портрет... обратил на меня внимание и ждет не искусствоведческой оценки, а человеческого участия, готовности выслушать — понять-простить... Портрет, верил я, пытается мне что-то раскрыть. Даже не мне, но через меня — тем, кому сейчас столько же, сколько герою Понтормо. Чтобы исповедь через века состоялась, пришлось зарыться в ворохи книг. И однажды... Однажды мне представился сон Александро Медичи. Расскажу его подробно, с отступлениями, с деталями, утеря которых мне совсем недавно казалась безвозвратной, с комментариями, которые сделал бы, вероятно, юный флорентинец, ориентируясь на нас, и с заметками, которые мне захочется сделать самому. Впрочем, почему «я расскажу»? У него и само-го это получится...

«Достопочтенные синьоры из «Уральского следопыта», синьор Юрий Шинкаренко! Рад вашему предложению... Опишу сновидение, которое вышло мне еще в ту пору, кой и рисован мой портрет. То, о чем поведаю, пришло мне первым сном, разбудило меня, растревожило жаждущее любви сердце,— потому и запомнилось.

Мне снилось, что в кафтане из монакино — бархатистого сукна темно-красного, как запекавшая кровь, цвета, — подбитом беличьими шкурками, и в черном траурном плаще я приближаюсь к церкви Санта Лоренцо. Звучала вечерняя молитва «Аве Мария», и я догадывался, что времени — 24 часа (отсчет суток в нашей Флоренции начинался от заката солнца, от вечерней молитвы, следовательно 24 часа равны вашим 6 часам пополудни; кажется, именно таких летал вы жаждали? но что они могут вам дать? может, гораздо больше о моей эпохе и моих соплеменниках вам рассказали бы слезы, которые бежали по моим щекам и которых я не скрывал от прохожих...).

Я плакал от счастья и предощущения какого-то значительного события в моей жизни.

«Аве Мария» звучала глуше, ибо я вошел не в церковь, а в капеллу, примкнувшую к южному трансепту здания. В притворе было пусто и тихо, лишь кучее эхо уносило мои шаги под купол.

Капеллу Медичи вы, конечно, знаете... Не из-за того, что она — усыпальница моих предков, а в первую очередь, из-за скульптур Микеланджело, установленных на их могилах...

Я остановился у могилы своего отца, Лоренцо Медичи, графа Урбинского. Вовсе не потому, что возжелал за христианским смиренiem почтить его память. Мне лишь хотелось окинуть взглядом мраморную Аврору на его саркофаге. Многим ценителям представляется, что самой прекрасной из микеланджелевских скульптур является «Ночь» с надгробия Джулиано Медичи. По мне же она слишком целомудренна. А вот Аврора!.. Нет, я прекрасно понимаю мысль скульптора: в аллегорических фигурах Ночи и Дня, Вечера и Утренней Зари, тяжелых, массивных, смертельно усталых, показать «Италию, уходящую в ночь», Италию, у которой больше нет будущего, Италию, чья надежда — лишь прах в капелле Санта Лоренцо!.. Но я в Авроре вижу совсем другое. Мне кажется, что половину ночи она танцевала с девушками круговой танец, а потом укрылась с любовником в укромном местечке и, как говаривал Боккаччо, не оплошала. Отсюда и усталость. Вот перед этой-то мадонной — так я помню настроение своего сна — мне и захотелось очутиться, аки перед алтарем. А потом вместо Авроры вообразить на саркофаге обнаженное изваяние одной синьориты, дочери флорентийского торговца. Ах, какая у нее шея!.. Красивых очертаний, длинная и нежная. А грудь!.. Жаль только, одевается синьорита частенько по римской моде и фигуру свою скрывает плащом... И вот мне уже показалось, что под саркофагом срезет сброшенный римский плащ и что стоит поднять глаза... Но раздался голос. Я вскинул глаза. Скульптура отца, установленная в нише, шевелила губами. Голова же не двигалась, может, не желая сбрасывать с чела тень (этой тенью, как помните, Микеланджело пытался передать тяжелое помрачение рассудка, случившееся с моим отцом; безумие это явилось следствием смерти принцессы Мадлен де ла Тур д'Овернь, с которой отец сочетался браком в Париже и которую любил, говорю не кощунствуя, до безумия, так, как никто из вас любить уже не может; за силу любовной страсти я уважаю отца, а заодно и покойную принцессу, и вовсе не пытаюсь сравнить принцессу с моей матерью — мавританской невольницей: тем более, что незаконность рождения во Флоренции не имеет никакого значения; неплохая деталь для понимания нашей морали, не находите, синьоры?). Отец, не поворачивая головы и не глядя на меня, прогремел с высоты:

— Любовь погубит и тебя...

Не дожидаясь других слов отца, я вдруг взлетел. И вместе со мной, сбросив усталость и тяжесть, взялась с саркофага обнаженная женщина, не мраморная, а плоть из плоти. Мы неслись над улочками прекрасного города, названного именем цветения. Мы пролетали над тремя кольцами крепостных стен (ловите, ловите детали, если они вам что-то дают: внешняя стена в одиннадцать метров высотой! город в кольце более чем семидесяти башен и островных колоколен!..), мы прыгли над загородными виллами моего рода и... над растерзанной землей Италии. Я чувствовал, что мой лоб становится мраморным и тень недалекой тучи (или уже безумия?) касается его, лишь тело, требовательно просящее любви, не поддается окаменению. Потом я заметил, что одет в лохмотья то ли чомпи², то ли страчони³, то ли какого-то ничего безумца... Я подумал об отце. Я еще не знал, что мой рок будет жестче и зловещей, чем судьба Лоренцо Медичи. Потому что, как видится из нынешнего моего ДАЛЕКА, оказалось, что я не умею любить.

Да, женщин я любил с пылкостью, неведомой вам. Да, в куче разнообразных побегов моих страстей пышно цвела ветвь любви ко Всевышнему. Но один побег мои садовые ножницы не пожаледали. Тот самый, вокруг которого должна была сформироваться корона: как и вы, я не умел любить Родину. И не умел отдаваться ей так, чтобы ее образ не оставлял меня и во сне.

Соседние земли — Испания, Франция, Германия — обращались в могучие государства. Италия же в своем развитии попятилась назад. Мои родичи стали сдавать земли внаем и из буржуа вновь превратились в феодалов, которым невыгодно национальное объединение. Помните крепостную стену, над которой я пролетел во сне? Каждый итальянский город окружали такие стены, стены против развития торговли, ремесел, стены, не умеющие защитить от врагов Италии. Медичи, новоиспеченные феодалы, республиканскую власть перешли по своему покрову и превратили в тиранию. Народ медичи Медичи. Но республика пала. И в 1532 году Медичи восстановили во Флоренции тиранский режим, герцогство, пожизненное и передаваемое по наследству. Герцогом стал... да-да, вы не ошиблись, герцогом стал Алессандро Медичи, ваш покорный слуга, чей взгляд с понтормовского портрета так запал вам в душу. Герцогом стал тот, кто видел в мраморной Авроре из Санта-Лоренцо обнаженную женщину и больше ничего и который увел Италию еще дальше в ночь...

Что единит, сквозь четыреста с лишним лет, наши поколения, хотели вы узнать? Не боитесь, что окажется — равнодушие к Родине, неумение любить ее, думать о ней с такой страстью и постоянством, чтобы даже в снах ее образ затмевал видения легкомысленных синьорит, лазеревооких кукол и «хорошеньких старшалонок»...

Ни малейшее сомневаюсь, что ваши мальчики и девочки летают в снах. Но умеют ли они с высоты своих полетов разглядеть крепостные стены вокруг ваших городов (как хорошо видны они из моего ДАЛЕКА, куда им до одиннадцатиметровой вышины, они меньше чем с ладонь, они — талоны ваши, купоны, ваши визитные карточки для покупок; это лишь первое, что приходит в голову, а сколько еще тут клядок разделения, раздела, разобщения!). Во снах летают все: но, это теперь понимаю я, Алессандро Медичи, герцог взвешенный, давно взвешенный, как удобно с высоты полета разрушать стены.

Так удобно... У меня впереди вечность. И я буду часто приковыливать свой взор к вашей родине, что так похожа на Флоренцию, которая от республики двинулась вспять к феодализму... И огорчусь, коли вы решите, что для восстановления бывшего спокойствия и прежнего единства надобен тиран. Но не удивлюсь, когда тираном станет тот, кто во сне никогда не разрушал отчуждающих крепостей, кому снились сны, подобные моим, — и не более... Кста-ти, сон, который я вам поведал, оказался вещим, отцовские слова «Тебя погубит любовь!» — пророческими. В 1537 году я, молодой герцог, был убит своим родственником Лоренцино де Медичи. Однажды ночью я пришел к нему, надеясь застать там свою возлюбленную, Екатерину, жену Леонардо Джинори. Лоренцино сделал вид, что пошел позвать ее, но вернулся с убийцей, который и нанес мне смертельный укол. Гибель распущенного и жестокого тирана огорчила не многих».

7

Судьба флорентийского юноши дополнила, думаю, «фотографию» поколения, и мне, новоиспеченному фотографу, уже можно выключить красный лабораторный свет; на матовой поверхности «психоснимка поколения 80-х» проявилось изображение, показались светлые мордахи, кое-где — робкие светлые пятнышки, но уже видно, что царящим тоном фотографии будет угольно-черный цвет. Этот зловещий фон коснулся мазками сажи самых цветных ребячьих снов. (Персикувые румяна из сна Елены Пашковой — это, конечно, красиво, но разве скрылся от нас объясняющий сновидение угольный мазок «дефицит»?..)

Черный фон. Увы, мне его не снять со снимка. Но фотофонатор горит пока еще, потому что на «фотографии» я вижу недостаток более страшный, чем чернь вокруг группового портрета. На «психоснимке» — лишь первый план, а перспективы — нету. Нет пространства, нет цели движения, нет указующих ориентиров. И от того чернота фона непереносима, создается ощущение, что из нее ребятам не выбраться.

Что получится именно так, нетрудно было предположить. Аполитичность, нежелание искать выход из тьмы, антигражданственность — без этих черт не обходится ни одна характеристика молодого поколения, кому бы она ни принадлежала⁴. Я был готов к тому, что эти характеристики подтвердятся и снами. Но оказалось не готов перенести картину, выпровленную на «психоснимке», эту вязкую нефтяную черноту, в которой утопают образы ребят, выполненные нервным манеристичным штрихом, теп-

¹ Многие умы Италии, подхватив идею Данте о Principe liberatore (государе-освободителе), который проникнется идеей национального объединения страны и возродит ее бывшее величие, видели такого государя в Лоренцо, отце Алессандро Медичи. Видели благодаря не только тогдашнему положению династии, которая еще не пыталась уйти от республиканского образа правления, но и благодаря личным талантам Лоренцо. Мечте не суждено было сбыться...
² Чесальщики шерсти, мотальщики шелка — наемные рабочие мануфактур в средневековой Флоренции.

⁴ К примеру, в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» (24.08.90) известный социолог из Воронежа Е. Стариков говорит: «...поразительная пассивность молодежи в период перестройки. И этот факт пугает больше всего. В чьи руки перейдет страна после того, как уйдут в небытие нынешние пятидесятiletние, — в руки апатичных циников?»

лыми, светлыми настроенческими красками, это отсутствие горизонта, безнадежность эту...

Поэтому и не хочется мне швырять «психоснимок» на глянцева и навеки закреплять хмурую безнадегу. Вдруг оптика дала осечку, неверно перенесла реальность на тонкий слой серебра. Вдруг проглядели мы сны, которые отразили гражданственность ребят, их равнодушные к Родине...

С чего начинается Родина? С хороших и верных товарищей, как поется в песне? Вдруг в тематическом кругу ДРУЗЬЯ, ТОВАРИЩ и сможет отыскаться эхо разговоров о будущности страны, о выходе из тупика.

НАТАЛЬЯ КРАВЧЕНКО: «Кто-то позвонил в дверь. На мой вопрос «кто?»,— не ответили, хотя я слышала, как в коридоре шептались. Я поторопилась открыть дверь, но за ней никого не оказалось. Подошла к почтовому ящику. Там белело письмо. Я распечатала конверт и увидела листы с решением задач и сложных, как мне показалось, уравнений. Почерк — моей одноклассницы. Я обратила внимание, что в задачах были исправлены некоторые ошибки и выставлены оценки».

ОЛЯ Ш.: «Приснилось, что к нам в гости пришел сосед-одноклассник. А он меня бесит. Мы его компанию называем чмарями. И вот представьте: он у меня дома! А папа дает нам задание: слепить что-нибудь и написать стихотворение. «Гость» уже все сделал (буквы из рыжей веревки, так здорово!), а я все никак не могу ничего придумать. Папа начал хвалить моего соседа, а я осталась недовольной».

«У нас в классе есть забитая нюнька. И вот сегодня во сне она читала на каком-то уроке дополнительный материал (она всегда читает). Читала, читала перед классом, и вдруг ее давай трясти. Ни с того ни с сего она стала прыгать. Читает и прыгает, читает и прыгает. В общем, дурочка... Мне стало страшно».

ОКСАНА З.: «С 9 на 10 декабря приснилось, будто меня позвали в клуб петь песню, накануне 8-го Марта. Одедась я в **НАРОДНЫЙ КОСТЮМ** и пошла. Вышла на сцену почему-то с какими-то малышами. Я крайне возмутилась, хочу запротестовать, потому что мне совсем не хочется петь с детьми, но как назло у меня пропал голос, не могу вымолвить ни слова. Малыши поют **ЧА-СТУШКИ**, одна девочка так хорошо, что у меня вздрогало самолобие. Я привыкла, что пою лучше всех, и вдруг эта малышка... Дальше ничего не помню».

Нюансы взаимоотношений между ребятами здесь, в этих снах, просматриваются, но того, чего мы ищем, — нету... Народный костюм — всего лишь деталь, никак не связанная с народными бедами, а ответы на задачи, так трогательно подкинутые в почтовый ящик Наташи Кравченко, не послужат подсказкой к задачам, решение которых ищет наше опустошенное общество... Давайте посмотрим, как в снах отражаются ребята **УВЛЕЧЕНИЯ**. Может, здесь удастся опровергнуть обвинение подростков в «апатичном цинизме»?

СЕРГЕЙ ШИБАЕВ из Скопино Рязанской области, 16 лет, учится в техникуме на электрика: «8 декабря снились культуристы. (Это, наверное, потому, что в Москве проходит соревнования)».

ДМИТРИЙ МАРЧЕНКО, г. Каховка Херсонской области, 17,5 лет, работает пионервожатым: «Во сне я ездил на машине по беговой дорожке на стадионе, еле вписываясь в повороты и пряча от кого-то свои гантели. Это, наверное, оттого, что я эти гантели давал другу, а потом еле их забрал. Еще был сон, как я стрелял из пистолета в угол, а пистолет раздвоился, и я не попал. Кстати, мне часто снятся сны про оружие, стрельбу, борьбу. Наверное, потому что хочется пострелять и подраться».

Если Родина не начинается с увлечений — может, с **КУМИРОВ** начинается? Существуют свидетельства, что в древней Флоренции кумирами для многих стали выдающиеся государственные умы: Лоренцо Великолепный, Макиавелли, Савонарола... А у нас?

ОЛЯ Ш.: «Мне приснился счастливый сон. Мой кумир Михаил Муромов! Во сне я была не я. Лицо у меня было какое-то узбекское, и ростиком оказалась уж сильно маленьким. Но была привлекательной, где бы ни находилась — все засматривались. Я шла как королева. Из всех дворов смотрели на меня. И вот... Вы представить себе не можете, меня поцеловал Муромов Миша. А я его нет (если целоваться во сне — это к разлуке). Конечно, от такого блаженского поцелуя я проснулась».

ЕЛЕНА ПАШКОВА: «Снилось, что я сижу дома, в своей комнате и что-то пишу, а мама была в кухне. Из рейса приехал отчим и подал маме магнитофонную кассету. Мама воскликнула: «Ой, да тут на кассете Салтыков!» (Виктор Салтыков — мой любимый рок-певец), Шторы в мою комнату были занавешаны, но я все видела, как будто их и не было...»

АННА БЕСПАЛЬКО: «Я пошла на стадион, где играли матч «Динамо» (Киев) — «Спартак» (Москва). Крик стоял ужасный. Здесь я увидела двух одноклассниц. Они показали мне Дасаева, стоящего в воротах. Я стала смотреть матч. В руках у меня был ключ на «динамовском» брелке. Я нечаянно уронила его. Поднял мой брелок один из запасных игроков «Динамо». Он почему-то не хотел отдавать, и мы подрались, в результате чего брелок оказался у меня. Игра кончилась со счетом 2:0 в пользу «Спартака». Мы очень расстроились. Посовещавшись, решили, что во всем виноват Дасаев. Тогда пошли искать его. Он был в гостинице. После долгих препираний с тренером он вышел к нам. Говорила я. Вот моя примерная речь: «Нельзя же всегда брать мячи, нужно и пропускать, тем более в таком матче. Возьмите этот брелок и помните, что есть поклонники и у «Динамо». Дасаеву очень понравилась моя речь, и он предложил обменяться адресами. «Если бы ты была старше, — сказал он, — то я бы женился на тебе». От такого откровения я проснулась, даже ответить не успела. Я думаю, этот сон был вызван тем, что накануне вечером мы печатали фотографии Дасаева».

Не то... Не то... Вновь отголоски быта, но не бытия. Любой штришок из этих снов — «динамовский» брелок, например, — можно легко развернуть в правдивые и по своему драматичные сцены подростковой жизни. Легко угадать, сколько нервов, пота и... денег уходит у тинейджеров на встречу с любимой поп- или рок-звездой. Но я не возьмусь определить, что творят с неокаменившими пока ребячьими душами «динамовцы», Салтыков, Гребеншиков, Бутусов... Тем же «рокерам» отдаю должное в лепке нового антитоталитарного сознания, но это сознание — как пыльца на июньском ветру, попробуй разглядеть, какой пестик оплодотворен ею, какой — в пустоцветах. Сны же молчат...

С чего же начинается она, Родина? Какой гранью своей прорезывается она в дремлющем подростковом сознании (дремлющем иногда не ночи, а дни, месяцы, годы безвозвратно убегающей поры формирования ребячьего «Я»).

Круг сновидений «ИСТОРИЧЕСКИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ». Может, здесь найдем то, что ищем?

ЕЛЕНА ПАШКОВА: «Снились мне родные места, все — такое же, как и наяву. Я шла по тротуару, а навстречу мне ехал красный трактор, в его кабине никого не было. Потом я увидела двух девчонок (их я знаю, это две подружки, обе Наташи). Только одежды они были как-то особенно. На них была одежда крестьянок начала XIX века, длинные, до пят юбки, широкие рубашки, впереди завязанные белые платочки, в руках — пустые ведра. Я их окликнула, они повернулись. Я спросила: «Куда вы пошли?» Девочки ответили: «За грибами». (Но за грибами и ягодами они пошли не в ту сторону). Я осталась. Ветер разведал мое коротенькое платьице, а девочки продолжили свой путь».

«13 декабря. Сегодня во сне я видела деревянную старинную ладью. В ней сидели люди царя, были они одеты в парчовые накидки, красные сапоги. Их было около

20 человек. Все они гребли тяжелыми веслами, а ладья по морю продвигалась очень медленно. Вдруг эта старинная картина сменилась картиной наших дней. Огромные проспекты, дома, театры, по шоссе мчатся различные машины. Я увидела себя в толпе незнакомых девиц. Я, как и все они, была одета в «бананы», кофточку, волосы распущены, накрашена (не знаю, как я себя узнала во сне, это просто ужас (!) увидеть себя в таком виде)...»

АННА БЕСПАЛЬКО: «Я с подружкой попала в концлагерь. Вскоре мы убежали, но нас засек охранник. Он начал стрелять. Я выхватила пистолет и выстрелила. Немец вскрикнул и упал, он был мертв. Мне стало плохо, но инстинкт самосохранения сработал. Мы побежали. За нами гнались с собаками. Мы забежали в детдом, который почему-то находился в главном здании университета. Мы убегали, изворачивались. Я все время отставала, собаки настигали меня. Вдруг я увидела мою учительницу, бросилась ей на шею,— и мои преследователи пропали. Я осталась в детдоме. Как-то ко всем приехали родители. Всем что-то привезли, а у меня не было родителей. Я прислонилась к стене и заплакала. Проснулась от того, что задыхалась в слезах. Такой сон мне снится не впервые. И каждый раз я просыпаюсь со слезами. Часто мне снятся исторические события, однажды даже Сталин и Берия приснились».

«Сновидение никогда не интересуется тем,— напомним мысль З. Фрейда,— что не могло бы привлечь нашего внимания днем». Если ребятам снятся эпизоды так старательно воскрешаемой сейчас истории нации, если переживаются ночами трагические страницы недавней были,— значит мыслями об этом полнились все-таки дни. Не правда ли, не увязывается все это с образом «апатичных циников»? И я уже готов совершить одну небольшую доделку в нашем «психоснимке», чтобы не пугал он черным фоном, но... Очень хочется обратить внимание читателей на группу снов, которые отражают попытку молодых людей разобраться в вопросах вечных: что есть Добро и Зло, что есть Человек и Бог, что — Пространство и что — Время. Размышления о двух последних ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЯХ преломляются, на мой взгляд, в снах молодых интеллигентов Натальи Максимовой и Александра Трухина. И мне кажется, что размышления такого рода — это тоже мысли о Родине, ведь и взаправду не медведи же мы со свалывшей шерстью, которые не подозревают, что кроме их берлоги существуют мириады миров, были и будут сотни тысяч самых разных цивилизаций, и печально-тупицких, и обнадёживающе-светлых, дающих возможность сравнения, выбора, уроков...

АЛЕКСАНДР ТРУХИН: «7 декабря. Очень сильно хотелось пить. Кругом не то пустыня, не то саванна. Вдалеке я увидел колодец. Когда приблизился к нему, оказалось, что нет ни ведра, ни веревки. Только узкая железная винтовая лестница уходила глубоко вниз, в темную бесконечность. Я не видел воду, но слышал ее плеск где-то там, в глубине. Я стал спускаться вниз по лестнице. Каждый мой шаг гулко отдавался в бездне. Я опустился так глубоко, что от синего неба осталась вверху лишь слабая светящаяся точка. Плеск воды усилился. Впереди было какое-то жуткое хитросплетение металлических конструкций. Я стал протискиваться сквозь них. Наконец я достал воды, жадно припик к ней, напился. Но вода вдруг стала прибывать. Я испугался. Я снова стал продираться сквозь джунгли металлоконструкций, стремясь поскорее вырваться на свободу. Но я не успевал, вода подымалась быстрее, она затопила меня уже по грудь. Меня охватил смертный ужас. Я понял, что сопротивление этой стихии бесполезно, я перестал двигаться. Но странно: когда вода затопила меня, я не почувствовал боли, я будто растворился в воде, стал частью ее и понял, что в этом мое спасение. Я стал просачиваться сквозь железо, стремительно поднимаясь вверх. Наконец я выплеснулся из колодца и сразу обрел свое прежнее состояние. Вокруг простиралась та же пустыня, но над головой моей было уже не

солнце, а ночное небо. Причем было очень много звезд, и все — яркие. У меня зародилось подозрение, что это не земное небо...»

Кроме ощущения бесконечности пространства в этом сне очень точно передана психология конформизма с присущим ей желанием «раствориться» в среде. Но неожиданна цель подобного растворения: чтобы потом «обрести свое прежнее состояние». Давайте подумаем, не маска ли — образ «апатичных циников», не единственная ли возможность просочиться с захлестывающими потоками идеологий к небу, к звездам, цвет и количество лучей которых определены не политиками, а природой...

В «философском» сне Натальи Максимовой кроме неожиданного взгляда на Время обнаруживается весьма интересный подход к государственным границам...

НАТАЛЬЯ МАКСИМОВА, выпускница университета: «Оказывается, глобус — интересная штукавина! И что я не обращала на него внимания в школе, на уроках географии? Пузатенький такой, малюсенький — в ладонях уместается, почти весь голубовато-синий, с родинками гор, пигментными пятнами материков и веснушками островов. Я пальцем — в одну веснушку, шелк — по родинке, можно еще выдвинуть ногтем черточку в какой-нибудь области. Но самое интересное — это раскручивать глобус. Ну прямо юла — и только!»

И вот все эти Антарктиды, Галапагосские острова и Берега Слоновой Кости начинают превращаться в одну сплошную массу: ни границы, ни столиц. Живи (где хочешь, разумеется) — не очу! Забавно!

И вдруг громоподобный голос над правым ухом заставляет меня вздрогнуть, да так, что глобус летит в бездну.

— Тебе бы все хиханьки да хаханьки, а у меня на земле сутки галопом несутся!..

Господи, и приснится же такое».

Галоп времени, возможно, сотрет все границы между государствами, но никогда не исчезнет понятие Родина.

Нет, не так безнадежно все, если современные молодые размышляют о вечном, ибо Родина — категория этого рода.

«Психоснимок поколения 80-х»... Вглядитесь в него еще раз. Думаю, без труда узнаете здесь наших героев. Аню Беспалько, Сергея Лебедева, Оксану, Олю, Елену Пашкову, Наталью Кравченко, Александра Трухина, Наталью Максимову, И. Разина, Наталью Шеглову, Сергея Шибяева, Диму Марченко... Угадаете за этим первым рядом тысячи других юношей и девушек, в чем-то таких же, в чем-то непохожих на тех, про кого рассказали мы. Разве можно позволить, чтобы за их спинами чернела сплошная унылая стена? Нет, вся логика «снимка» требует пространства, света, перспективы, и нам не сложно вмонтировать в «фотографию» задний план. Пусть это будут исторические картины из снов Ани и Лены... Представили? Пусть это будет сюрреалистическая графика сновидений Александра Трухина, Наташи Максимовой. Ну, и как? Но всего естественней, видимо, если наших героев на «психоснимке» будут окружать негромкие реалистические пейзажи, уголки их малой родины, которую они, несмотря на тревогу взрослых, все-таки любят и которая нежно и ласково, словно мамина рука, напоминает о себе в их снах... Например, вот в этом...

ЕЛЕНА ГОРОБЕНКО, 14 лет, Черкесск Ставропольского края: «В ночь на шестое декабря мне приснилась степь, красная от расцветающих маков, а по степи мчятся табун лошадей. Впереди табуна — гнедой жеребец с белыми отметинами на передних ногах. Кони остановились у голубой реки и стали пить. Напившись, они двинулись дальше, уже медленнее, к самому горизонту, где маки сливались в сплошной ковер...»

Два с половиной года назад, в ответ на небольшой «Анонс» с предложением задать вопросы рок-группе «Наутилус Помпилиус», «Уральский следопыт» был буквально завален письмами. Ведь, как справедливо констатировал один из читателей, «Наутилус» «для большинства рок-публики» был «скрыт покровом неизвестности». Покров этот, надеюсь, несколько уменьшился тогда благодаря коллективному интервью «Никто нас не разлучит...», напечатанному в № 12 за 1988 год. Но прошло время, и вот в редакционной почте — снова горячие просьбы, почти мольбы: «Расскажите, что с «Нау»?» И это — несмотря на то, что пишут теперь о суперзвезде советского рока (уже — заходящей?..) вроде бы достаточно самые различные издания. Значит живет в сердцах слушателей любовь не только к песням «Ласкового мая», а и к далеко не развлекательному творчеству, и остается доверие именно к следопытскому слову. Спасибо!

Сегодня, стремясь оправдать это доверие, предлагаем вашему вниманию текст состоявшейся по нашей просьбе беседы одного из первых менеджеров группы журналиста Александра Калужского с бессменным автором текстов «Нау» Ильей Кормильцевым.

Александр
КАЛУЖСКИЙ

«С НОВЫМ ВИРУСОМ В КЛЕТКАХ...»

Некогда мой таллиннский коллега удачно сравнил «Наутилус Помпилиус» с латиноамериканской республикой, где власть переходит от одной группировки к другой по нескольку раз на дню, кардинально меняя ситуацию в целом. Как один из многочисленных бывших участников группы свидетельствую — это очень похоже на правду, и предупреждаю: необходимо иметь в виду эту динамику развития событий, когда станете читать интервью с человеком, прошедшим сквозь все «чистки» и «культурные революции» в истории «республики» — ибо история продолжается.

В марте 1990 года Вячеслав Бутусов и его товарищи показали свердловчанам свою новую программу, которую потом обкатывали в различных городах Украины, Белоруссии и Прибалтики. Промелькнуло несколько клипов по ЦТ...

— Есть задумка сделать полуторачасовой документальный фильм, который бы охватывал всю историю группы в целом, где были бы клипы, кадры со старых и новых выступлений — своеобразное подведение итогов...

— Пора подводить итоги?

— ...да, таким шикарным мемориальным выпуском, посвященным 1000-летию освобождения Руси от таково-сяковского ига...

— А за русские рубежи выезжали?

— Команда летом ездила в Германию и Штаты, на «Нью мюзик семинар». Все это было больше в туристическом плане. Задачи чего-то добиться, куда-то пробиться, где-то победить не ставилось — просто люди

ездили и изучали мир за счет спонсоров.

— Строчка Умецкого «где я не буду никогда», таким образом, пророческой не оказалась?

— Почему, Умецкого с ними действительно не было. Меня, кстати, тоже. Когда же спрашивают Бутусова — как вы теперь поете эту песню, когда вы там были? — Бутусов отвечает, что мы там так были, как будто там и не были. По рассказам ребят, адаптация к Америке происходила очень сложно. Вообще сложно адаптироваться, если в кармане ни цента в буквальном смысле слова. Вокруг этого было множество невероятных приключений, но все обошлось, и осенью группа вновь гастролировала. Сейчас «Наутилус» ищет возможность записаться. С декабря 1989 года, когда сложился новый состав, он, во-первых, долго притирался, во-вторых, искал, пробовал разные варианты записи: Бутусов считает все записи нового материала пока крайне неудачными, и хотя он пошел — по-моему, из финансовых соображений — на выпуск кассетного альбома под названием «НАУГАД», на его взгляд, настоящая пластинка с этим составом не записана, как, впрочем, не была записана таковая и с прежним составом. Записываться будет, может, в Западном Берлине, может, где-то еще — планы здесь пока еще достаточно неопределенные.

— Что войдет на эту «лиссабонскую» пластинку?

— Насколько я понимаю, Слава включит туда песни, реализованные уже после распада прежнего состава, и, возможно, ряд старых вещей,

не нашедших в свое время студийного решения. Кроме того, почти все музыканты параллельно заняты своими проектами: Белкин продолжает работать с «Настей», Гога играет еще в «Петле Нестерова», Джавад в московской студийной хард-роковой группе с Гаиной... В целом, группа себя плохо не чувствует, но уверенности нет, потому что времена сложные, идет смена ценностей, отношений...

— Во время концертов в Свердловске реакция публики на новую программу была неоднозначной. Как реагирует на нее зритель в других городах, не видевших «Наутилус» прежде?

— Во-первых, большинство городов, где проходили недавние гастроли, были отобраны именно по этому признаку, хотя и не все. Во-вторых, прием везде был удивительно хорошим. Я говорю «удивительно», потому что мне самому новая программа не нравится очень во многих чертах, на ней я откровенно скуечаю; но люди реагировали очень активно. Может, уже действует имя. Может, началось какое-то другое восприятие... Раньше, какое бы имя ни было, наша публика требовала, чтобы ты «давал гари», а без «гари» — никакое имя не помогало...

— У советской публики так популярно имя Гарри?

— Иес! (смеется). Впрочем, каждый концерт — это отдельный разговор. Например, крайне удачные концерты в Вильнюсе (где «Помпилиус» выступал в «триумфальном 87-м» — А. К.), возможно, следует объяснять политическими событиями: начало гастролей совпало с нача-

лом блокады. Для литовцев тогда приезд советской группы был все равно, что ведро бензина из России привезли... Но тут еще вот что: новая музыка «Наутилуса» явно привязана к существующему сейчас в Западной Европе стандарту. Старая музыка, со всеми ее достоинствами и недостатками, не была привязана ни к чему, кроме собственного хотения: хочу так или хочу вот так. Сейчас же стало все стандартизовано, но в России такую музыку не слишком любят, а на Западе такой музыки слишком много. Так вот, деградировавшие маленькие страны Восточной Европы, похоже, как раз видят основную прелесть жизни в том, чтобы делать все так же, как де-

лают «старшие братья». Раньше у них был «Старший брат» в Москве — они делали все, как делала Москва; теперь он в Бонне или Вашингтоне — они подражают ему. Поэтому, если кто-то соответствует тамошнему стандарту, то это хорошо — этаким обязательным минимум оксидентально-го... (смеется). В любом случае, никакой «оголтелости» на концертах не наблюдалось. Да и места все больше спокойные, благополучные, что ли: в той же Белоруссии заходишь в магазин и видишь три сорта мяса, самое дорогое — за рупь восемьдесят... А они комплексуют, спрашивают: «Как это вы приехали в центр застоя, Белоруссию, из такого демократического Екатеринбурга, из

такого прогрессивного Санкт-Петербурга?» Слава отвечал, что в Питере, по крайней мере, стало очень чисто на улицах, потому что людям просто совсем нечем сорить. Все тамшние демократы сразу обижаются. Они еще пребывают где-то в 86-м году, то есть они еще борются с кем-то, а не с самими собой.

— Я слышал, в Питере группа живет в интересном доме некой коммунальной?

— Коммуны там никакой нет, в противном случае, любое рабочее общежитие — это тоже коммуна. Есть двухэтажный железобетонный коттедж, который приобрела студия «Наутилус Помпилиус», на окраине города, в этакой полудеревне. Там

Думается, кроме преамбулы, интервью это требует большого комментария, поскольку читатель может кое-что недопонять из разговора двух профессионалов, который мы передаем без изменений. Белкин — гитарист Егор Белкин, после небольшого перерыва вновь вернувшийся в «Нау» (см. «УС» № 8, 1990 г. «О чем танцуются на цыпочках...»); Гога — Игорь Копылов, бас-гитарист; Джавад — Игорь Джавад-Заде, барабанщик; все — участники нового состава команды. Один из «основоположников» — Дмитрий Умецкий, по нашим данным, в него теперь не входит, а наоборот — конфликтует с В. Бутусовым. Жаль... Валерий Гаина — лидер известной группы «Крузиз»; ну, а «давать гари» — непереводимый, похоже, сленговый оборот, в «рок-среде» обозначающий что-то вроде «зажечь дурным пламенем».

Нужно добавить также, что за время подготовки этого номера в печать с группой действительно могут произойти самые непредвиденные перемены, поэтому за долговечность полученной нами информации поручиться крайне сложно. Увы, скорее всего не будет уже в Свердловском рок-клубе и книжки «Скованные одной цепью» (Москва, 1990 г., издание журнала «Советская эстрада и цирк»), о которой шла речь — судя по имеющемуся спросу. Но наверняка — во всяком случае, очень, очень хотелось бы верить этому — сохранится дух неподвластного ни сиюминутным модам, ни междоусобным страстям новаторского творчества, с которым всегда ассоциировались имена «Наутилус Помпилиус» и Илья Кормильцев. Подтверждением этому пусть будет подборка стихов Ильи из его книги.

Комментарий А. ПОНИЗОВКИНА

проживают — постоянно или в периоды записи, репетиций — все иногородние участники группы, поскольку в составе лишь два ленинградца. Такая неформальная гостиница, куда приходит человек с чемоданом, занимает свой угол, спускается пить чай, коньяк... Никакой коммуны, в слабом смысле этого слова, нет и в помине.

— Кто следит за порядком?

— Специальный администратор. Он же занимается топкой, приобретением продуктов. Это гораздо удобнее и дешевле, чем всякий раз бронировать гостиницу — меньше головных болей.

— «Наутилус» постоянно трансформируется: сейчас пятеро на сцене, ты — шестой, седьмой за пультом, восьмой у печки — какое количество людей объединяет сейчас это имя?

— «Наутилус» — это, в первую очередь, всегда Бутусов, был Бутусовым и Бутусовым остается. Остальные люди направляют «бутусовскую воду» в тот или иной канал.

— Вода принимает форму сосуда?

— До какой-то степени, пока, замерзнув, она не превратится в лед и не расколется этот сосуд. При всех сменах состава основа сохраняется, поскольку именно присутствие Славы делает «Наутилус» «Наутилусом». В целом, постоянно задействовано 10—15 человек, не считая тусовки. В Свердловске это энергетическое облако было более многочисленным. Тусовка была значительно круче, насыщенной, в ней было меньше людей случайных, больше — связанных одними корнями, одной почвой... Мне кажется, что Слава так долго сражался за свое одиночество, что скоро он его, похоже, получит — не знаю, переживет ли, вынесет ли, когда оно на него свалится?

— Книга стихов, которую ты мне сегодня подарил, помимо наутилусовских текстов и бутусовских рисунков, содержит много других занятных вещей. Где ее можно будет купить, скажем, в Свердловске?

— В рок-клубе...

Новый состав группы «Наутилус Помпилиус» (слева направо): Игорь Джавад-Заде, Вячеслав Бутусов, Егор Белкин, Игорь Копылов, Александр Беляев. Хорошо, если они жуют не яблоки раздора... А И. Кормильцева с ними нет. Он, как всегда, спокойно делает свое дело в родном Свердловске...

Фото И. Зиганишина

Илья КОРМИЛЬЦЕВ

Свежее утро

*свежее утро
разбудит нас порывами ветра
отбросит навечно
ненужные окна и двери
сорвет с нас одежды
и ржавые знаки различия
и только тогда
позволит нам выйти из дома*

*свежее утро
сметет наши урны и тюрьмы
погонит вдоль улиц
кучи хамского хлама
свежим утром
многого станет лишним
и трудно будет вспомнить
с кем шла битва*

*но свежее утро не может
тянуться вечно
свежее утро
не может тянуться вечно*

*свежим утром
мы выйдем из каждого дома
разобрать старый мусор
расчистить унылую землю
и слабому сердцу
многого станет жалко
и каждый спрячет
что-то себе на память*

*ведь свежее утро
не может тянуться вечно
свежее утро
не может тянуться вечно*

Иван Человеков

Иван Человеков был простой человек

*и просто смотрел на свет
и да его было настоящее да
а нет — настоящее нет
и он знал что будет завтра
с восьми до пяти
и что будет после пяти
и если на пути становилась гора
он не пытался ее обойти*

Иван Человеков возвращался домой на площадке там где мусоропровод он увидел как из люка тарачится смерть

*и понял что завтра умрет
он взял блокнот и написал ей
прийти
завтра ровно в двенадцать часов
он не мог терпеть несделанных дел
и попусту сказанных слов*

*я знаю эту женщину
одни ее зовут — свобода
а другие — судьба
и если для первых она раба
вторым она святая судьба*

Иван Человеков гладко выбрил лицо надел лучший галстук и ждет спокойный и светлый и струсила смерть

*и забыла где он живет
он долго ждал но потом он устал
попусту ждать и ушел
и встречая смерть он
не здоровался с ней
как со всеми кто его проколол*

*я знаю эту женщину
одни ее зовут — свобода
а другие — судьба
и если для первых она раба
вторым она святая судьба*

*и первые пытаются взять ее в плен
и заставить стирать им носки
но вторые знают
что тлен это тлен
и живут без особой тоски*

Мне снился Христос

*мне снилось что Христос воскрес
и жив как я и ты
идет неся незримый вес
а на руках — бинты
идет по вымершим дворам
тоскливых городов
и слово мыслит молвить нам
но не находит слов*

*мне снилось — он мне позвонил
когда искал уют
и безразлично обронил
что здесь его убьют
мне снилось что он пил вино
в подъезде со штангой
и били до смерти его
цепочкою стальной*

*звучал его последний смех
переходящий в стон
мне снилось — я один из тех
с кем пил в подъезде он
проснулся я и закурил
и встал перед окном
и был весь опустевший мир —
один сиротский дом*

НАРОДНОЕ ПОГОДОВЕДЕНИЕ

Георгий
РЫЖЕНКОВ

Десятки лет собираю я народные поговорки, поговорки и приметы, относящиеся к явлениям природы, к погоде. А когда работал лесничим, многие из них проверил на практике. И убедился в верности народного изречения: кто не верит приметам, нет тому житья на свете. Часть собранного предлагаю читателям журнала.

ЛУНА ПОГОДУ ДЕЛАЕТ

В пятый день по новолунию почти всегда сильный ветер. Выпадет снег в новолуние — скоро растает.

Если месяц в три дня облядится (т.е. покажется на ясном небе), так до ущерба будет ведро, а когда три дня дождь, то весь месяц ненастно.

Если в четвертый день по рождению месяца ясно, то и весь месяц ясно; если ненастно, то весь месяц ненастно.

Если зимою луна бледнее обыкновенного и на ней замечаются разно-

цветные полоски, то жди сильной бури со снежной метелью.

Если молодой месяц обвевается ветром — весь месяц будет ветренный.

Если молодой месяц обмывается дождем — весь месяц дождливый.

Если на шестой день новолуния месяц покажется огненно-красным, будет ветер.

Если перемена луны (нарождается луна) происходит утром — будет теплая погода, а если вечером — холодная.

Какова погода при рождении луны, такая простоят всю первую половину месяца; какая погода на полнолунии, такая простоят вторую половину.

Когда молодой месяц на рогу стоит, то называется «текун» и предвещает дождливую погоду.

Когда у месяца рога вверх, но нижний крутой, верхний пологий, то первая половина месяца будет летом ветренная, зимой — холодная; если верхний рог крут, нижний отложе, то та же примета относится ко второй половине месяца.

Месяц на копытцах — к холоду, на спине — к теплу, дождику или снегу.

Млад месяц долго дома не сидит.

Молодой месяц пологий — весь месяц дождь.

После рождения луны через семь дней перемена погоды.

Ясная круторогая луна летом — к вёдру, зимой — к стуже.

Вокруг луны появились два тусклых красноватых кольца — перед сильными морозом.

Если вокруг луны кольцо — погода будет холодной и суровой.

Если вокруг луны два круга или более, или только один, но туманный и неясный, то будет мороз.

Если круг около луны сперва большой, а потом постепенно уменьшается, то дождь или ветер будет наверняка; если круг расширяется и потом исчезает, то жди хорошей погоды.

Если круг образуется близко от луны — на другой день дождь; если далеко — через один, два, три дня зимою будет вьюга.

Если луна в большом синем кругу, то будет сильный ветер; если же луну окаймляет небольшой красный кружок, то будет мороз.

Если около луны появится кольцо и тотчас исчезнет, еще до утра погода испортится.

Кольцо около луны — к ветру; луна в кругу красноватом — тоже к ветру; бледном — к дождю, к ненастью.

Красноватый круг около луны, скоро пропадающий — к вёдру; два круга или один тусклый — к морозу.

Луна с окружаем или с «ушами» — к морозу.

Месяц в синеве — к дождю.

Месяц в тусклой дымке — к затяжному ненастью.

Огородь около месяца — к переменной погоде.

Радужный круг около луны — к ветрам и ненастью.

Светлый круг около луны при ясной погоде предвещает дождь.

Туманный круг около месяца (зимой) — к метели.

Во время полнолуния светлый и чистый месяц — хорошая погода, темный и бледный — дождь.

Если во время полнолуния появится вокруг луны круг, будет ненастье к концу месяца.

За три дня перед полнолунием — перемена погоды.

Строчкой лес руби в полнолуние, вырубленный на ущербе сгнивает.

Если луна темнеет, приближаясь к горизонту, ожидай дождя.

Если месяц кажется большим, красноватым — будет дождь; туманным — погода испортится; очень белым и блестящим — будет холодно. Зеленоватый месяц — на дождь.

Луна покраснела — жди ветра-пострела.

Перед дождем луна бывает мутновата или бледна, перед вёдром — чиста и ярка.

При новой луне и при ее исходе погода сменяется: сырая — сухой, теплая — морозной, пасмурная — ясной.

При новолунии бывают дождь или снег, на ущербе — тоже, в остальное время — осадки случайны и редки при полнолунии. Темный месяц, ненастье в новолуние — в конце месяца дождь будет, как из ведра.

Если луна висит на небе вниз рогами и вверх спиной (последняя четверть), то долго будет пасмурно и ненастно.

Какая погода на ущербе луны, такая будет и в течение всей четверти.

На переходе (конец последней четверти и начало новой) большей частью бывает ненастье.

На ущербе обыкновенно бывают дожди.

Перед ущербом луны за три дня — перемена погоды.

Последняя четверть луны — гнилая.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

**Николай
КУЛЕШОВ**

Рисунок
Сергея Григорькина

Истосковавшись по деревенской тишине и запахам свежего сена, спать я отправился на сеновал. Устроил приличное ложе, законопатил все большие щели сеном, чтобы не мешало занудное комариное племя, и быстро оку-

нулся в сладостный сон, не потревоженный даже ранним «традиционным сбором» буренок в стадо. И все же испить полной чашей прелести деревенской жизни не удалось. Помешали тому все те же деревенские «прелести» — сороки, устроившие ведомый только им веселый танец на коньке сеновала. Их утренний кураж разбудил меня. Вставать было явно рано, да заснуть сызнова не удалось. Чертыхнувшись, пришлось покинуть свое временное пристанище. Радуюсь ласковым лучам неяркого утреннего солнца, быстро я забыл эту незапланированную побудку. Но маленькие напасти поджидали меня и на земле.

Точно помню, что оставлял с вечера мыло на умывальнике, устроенном во дворе дома. И умывался я последним, и встал первым. А кусочка туалетного мыла на месте не было, как не оказалось его и поблизости. Как в воду канул. В воду? На всякий случай заглянул и внутрь умывальника. Нет, и там нету. Мистика да и только!

Пришлось доставать здоровенный кусок банного мыла, хоть и неудобно им пользоваться. Но утром история повторилась: и нового куска не стало. Ушел за первым. Шутка шуткой, но стало не по себе. И так полны газеты сообщениями преступной хроники...

Ворота были на ночь закрыты, и кому же придет в голову лезть через высокий забор на поиски мыла! В деревне, хоть и тоже подверженной мыльному дефициту, я убежден, никто до подобного грабежа не опустится — народ не тот. Но факт остается фактом: неизвестный похититель увел, что называется, из-под носа два куса и был таков. И ничего не попишешь. Не пойдешь же в милицию заявлять по такому случаю. Сам виноват: исчез первый кусок — второй не оставляй. Сам спровоцировал воришку, на себя и пеняй.

...Не знаю, что за надобность толкнула дочку заглянуть под широченный настил, перечеркнувший двор, но действие это оказалось для нас прямо-таки моментом истины: здоровенный кусок банного мыла лежал под настилом в целости и полной сохранности. Лишь следы клюва остались на нем, что и выдавало грабителя. Не было только туалетного мыла. Съели? Так вот чему я обязан ранним подъемом, вот кто устроил «веселый танец» на коньке сеновала. После сомнительного пиршества, однако, сороки-воровки все же припрятали банное мыло до лучших времен, памятуя, по-видимому, о дефиците. В сорочьем племени — совсем как в племени человеческом. Не знаю только, кто у кого учился дурным привычкам. А может, никто не виноват в этом маленьком ЧП, кроме бесконечного дефицита?..

ЗАЯЦ — НЕ ТРУС!

**Анатолий
ИГЛИН**

Когда разговор заходит о зайцах, то невольно появляются улыбки. Знаем, мол, этих зайчишек. Даже поговорка бытует — труслив, как заяц. А в сказках его так и называют — трус и хвостун.

У меня противоположное мнение о зайцах.

Эти зверьки, если хотите знать, храбры и смекалисты, к человеку доверчивы.

Как-то в августе мы с братом, взяв удочки, пошли на реку Уфу.

С нами побежал Тобик — дворняжка.

Вот и пойма реки Уфы, заросшая мелким березняком, слева — овсяное поле.

Вдруг из овса выскакивает и бежит к нам заяц, а над ним — ястреб.

Мы поняли, зверек ищет защиты. Зашумели на ястреба, замахали удилщами, стали бросать в него комья, отогнали, ястреб взмыл ввысь.

А зайчишко тем временем метнулся в сторону и по высокой траве помчался к березняку.

Тут Тобик опомнился и — за зайцем.

Мы бросились теперь уже отгонять собаку от зайца. Куда там, бегут они друг за другом в высокой траве, их не видно, видно только, как трава колыхается.

Вдруг слышим визг собаки. Мы — туда. Вбегаем в березняк и видим: сидит наш Тобик у разлапистой березы, скулит, правая передняя лапа на голове. Из головы идет кровь, из глаз — слезы. Видимо, от боли и досады. Вытерли у Тобика кровь, успокоили.

Что же произошло?

Зайчишко, убегая от собаки, косясь-косой, а не промазал, проскочил в узкий просвет между двух березовых стволов. А Тобик промазал. Со всего разбегу ударился головой в ствол, оставил на березе клок шерсти.

Вот вам и зайчишка. Всех поставил, всех обошел!

Однако марка эта не имела ничего общего с овальными марками на конвертах с таллиннской выставки — она была квадратной. Так началась эта почтово-детективная история. Но прежде несколько слов о земской почте вообще и Оханской в частности.

Еще в первой половине прошлого века государственная почта письма далее уездных центров не доставляла. Волостное население получало их только с оказией. Но после отмены крепостного права и введения высочайшего «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» появились уездные почты.

Сначала они перевозили только служебную корреспонденцию, но вскоре за плату стали принимать и частные отправления. Постепенно земство нашло средства, привлекло почтовых служащих, и земская почта стала ведать всем почтовым делом в уезде. Государственные почтовые тракты словно бы продолжались по проселочным дорогам почты земской. Простые и денежные письма, газеты и журналы, а во многих уездах даже посылки стали регулярно доставляться в далекую глубинку волостных поселений. Социальное значение земской почты в России трудно переоценить. Сельское население получило возможность взаимного общения, события общественной жизни стали быстрее будоражить деревенскую глухомань.

Для оплаты писем, удобства ведения почтовых операций и отчетности в 164-х уездах, в том числе Оханском Пермской губернии, были введены специальные земские почтовые марки. Теперь многие из них стали большой редкостью, а некоторые сохранились в единичных экземплярах. Но особенно дороги коллекционерам прошедшие через земскую почту конверты.

Каталог земских почтовых марок, изданный Советской филателистической ассоциацией (СФА) в 1925 году, датировал овальные марки, которые были в 1878 году на таллиннской выставке, 1871-м годом: № 1 — стоимостью в 3 коп. и № 2 — без указания цены. А под № 3 значилась квадратная марка, выпущенная в 1872 году. Та самая, которую председатель и члены земской управы освидетельствовали как первую марку Оханской земской почты. Но за ее описанием следовало примечание: «Фактическое обращение данной марки не установлено». Подробнее это прокомментировал в 1932 году коллекционер и исследователь земских марок К. Шмидт: «Чтобы продать эти марки, никогда фактически не употребившиеся, их наклеивали на старые конверты и гасили небольшим круглым штемпелем».

ОПЕРАЦИЯ ВАН ДЕР БЕКА

**Земско-
почтовый
детектив**

**Марк
МИНСКИЙ**

Осенью 1978 года в Таллинне состоялась международная филателистическая выставка СССР — ГДР. Печать сообщила о представленных на ней «редкостях мирового класса» — двух конвертах с первыми овальными марками Оханского уезда Пермской губернии.

А некоторое время спустя у меня оказался фотоснимок конверта с текстом: «Подлинный образчик первой земской марки 1872 года, что и свидетельствуем подписью и приложением печати 23 декабря 1893 г.» Далее следовали подписи председателя и членов Оханской земской управы.

лем, бывшим на земской почте в 1893 году... Подлинных писем с этими марками не существует...»

По его предположениям, Оханская земская управа с изготовлением квадратной марки торопилась и отдала заказ одновременно в Пермскую и Осинскую типографии. Но последняя, представив несколько изготовленных образцов, назначила более высокую цену. И заказ, вместе с одним из образцов в качестве эталона, передали в Пермь. Остальные со временем оказались в уездном архиве, где их в 1893 году и обнаружили.

В то время о вновь появляющихся земских марках коллекционеров извещал ежемесячный журнал «Le Timbre Poste», издававшийся фирмой Ж. Мозенса в Брюсселе. Представителем Мозенса в России был Ван дер Бек, живший в Москве. Он состоял членом Московского кружка филателистов. В поисках новых земских марок Ван дер Бек постоянно поддерживал контакты с уездными администрациями.

Уже в 1874 году в ноябрьском номере журнала появилась первая информация об оханской земской марке. А на следующий год в изданном той же фирмой каталоге — ее иллюстрация.

И когда в 1893 году были обнаружены осинские образцы, опытный филателист не мог не заметить их отличия от марки, показанной в каталоге.

Не прошло и трех месяцев со времени освидетельствования марки председателем и членами земской управы, как в журнале за март 1894 года появилось сообщение о найденной якобы первой марке Оханского уезда. Однако уже через год это почетное место ей пришлось уступить: журнал опубликовал «историю земских марок Оханского уезда» — о новых сенсационных находках во время чистки уездного архива. На сей раз были найдены конверты с овальными марками. Редакция уведомила читателей: материалы «любезно предоставил» Ван дер Бек. Он писал: «...В 1871 г. со стороны губернской власти высказывалась просьба к Оханской управе о введении марок с гербом уезда... оплата почтовыми марками была объявлена обязательной... Имея в виду, что в этом году в южной части уезда совершенно не было урожая, в противоположность северной его части, где урожай был превосходным, члены управления решили... освободить частную корреспонденцию южной части от платы... и изготовить следующие марки: а) для северной части уезда — ценой в 3 коп., б) для южной части — без цены... Оханское земство указание выполнило неточно и, выпуская мар-

ки, упустило воспроизведение герба уезда».

После сенсационной находки квадратную первую марку Оханского уезда сменила овальная — достоинством в 3 коп. 40 лет спустя, повторив версию происхождения двух овальных марок (с номиналом и без цены), К. Шмидт как бы узаконил их подлинность.

Без малого 100 лет овальные марки украшают крупнейшие собрания коллекционеров, среди которых были Ф. Феррари, А. Фаберже, К. Шмидт и Р. Богман. Они подвергались экспертизе самых представительных аукционов, где за огромные суммы переходили от одних владельцев к другим. Накануне второй мировой войны за рубежом были известны семь конвертов с маркой № 1 и шесть — с № 2. Кроме того, соответственно — одна и две гашеные марки. Встречаются они и в советских коллекциях: два конверта — № 1 и № 2 были показаны на таллинской выставке, имеется лицевая часть конверта с маркой № 1, один — с № 2 и две вторых гашеных марки.

Такова история. Изучив все эти материалы, я обратился к истокам — документам Оханской уездной управы. Земская почта в уезде открылась 1 января 1871 года, а первое упоминание о земских марках обнаружилось в докладе управы «О подводной повинности» — с указанием их расхода с августа 1872 года по сентябрь 1873-го и числа оставшихся марок. Это позволило определить тираж — 4293 штуки. Осенью 1875 года земское собрание постановило «принимать частную корреспонденцию из волостей не иначе как с наклеенными марками, для чего снабдить оными волостные правления». До 1876 года, когда был оплачен новый заказ, расходов на печатание марок не обнаружено.

Кстати, один из докладов управы показал, что неурожай в 1871 году был не только на юге уезда. Волости, в которых хлеба не хватало даже на пропитание, встречались и на севере.

Обнаружились и фамилии подписавших на конверте свидетельство — председателя Оханской уездной управы А. Ю. Зедергольма и ее членов — М. Н. Жукова и П. В. Попова.

Из земских документов можно заключить следующее: обращение оханских марок началось в августе 1872 года. До 1876 года марками франкировались только письма, посылаемые из Оханска в уезд. Отправления из уезда оплачивались тремя копейками наличных денег. Между 1872 и 1876 годами марки не издавались. Ко времени освидетельствования конверта председа-

тельский стаж А. Ю. Зедергольма в Оханском уезде составил лишь четыре с половиной месяца. Какие же выводы напрашиваются?

Первой маркой Оханского уезда была квадратная. Марки в обращении поступили в августе 1872 года и до 1876-го на земской почте оставались единственными. Следовательно, в ноябрьском журнале Мозенса 1874 года могла быть описана, а в каталоге 1875 года показана только эта марка.

Откуда же взялись и стали «первыми» овальные марки, датированные 1871 годом?

Прошло много месяцев, пока я неожиданно заметил, что на всех иллюстрациях овальными марками оклеены только «входящие» конверты, т. е. адресованные в Оханскую земскую управу. Хотя нам известно, что до 1876 года письма из уезда (волостных правлений) в центр (г. Оханск) оплачивались тремя копейками наличных денег и марки в волостных правлениях отсутствовали.

Гашения наклеенных марок, выполненные пером, — как это делалось на земских почтах в первые годы, «разоблачила» сохранившаяся на использованных конвертах почтовая обработка — штемпеля государственной почты, даты и различные надписи.

Как нам известно, земскими марками франкировались только частные письма, посланные из уездного центра не ранее августа 1872 года. Конверты со штемпелями других мест отправления внутри уезда или за его пределами (в случаях отсутствия на них марок государственной почты) — служебные. Их письма от оплаты земско-почтовым сбором освобождались. Равно как и письма волостных правлений. Однако сохранившиеся конверты с овальными марками таковыми не были.

Оказывается, овальные марки — это примитивно выполненные пробные оттиски. Некоторые (без указания номинала) — даже с незавершенного рисунка на литографском камне. Эти образцы земскую управу не удовлетворили. После чего и последовали обращения в Пермскую и Осинскую типографии.

Активная роль Эдмунда Петровича Ван дер Бека в качестве изготовителя конвертов с квадратной и овальными марками документального освещения не нашла. Но по совокупности упомянутых косвенных фактов совершенно очевидно: этой постыдной деятельности представитель международной фирмы не чуждался. Однако об этом никто не узнал. «Доброе» имя его дошло до нас незапятнанным.

Так завершилось расследование «редкостей мирового класса», оказавшихся фальсификатами.

Один из воинов Тетон-дакота — Орел-С-Красивым-Голосом. В его руке воинская палочка, к которой прикреплен скальп врага.

Дмитрий КОНОНОВ

Оружие в руках ЧЕИЕНОВ

— После публикации статьи Виталия Нестеренко «Завтрак с Соббикаше» («Уральский следопыт» № 4, 1989) редакция получила несколько писем с просьбой рассказать как о наших, «русских индейцах» — индейцах, так и об американских. Действительно, народ этот настолько интересен, что продолжает привлекать к себе внимание и сейчас, по истечении ста лет со времени окончания последней войны с кочевыми индейцами, когда в резервации Паин-Ридж у местечка Вундед-Ни было расстреляно около 300 индейцев.

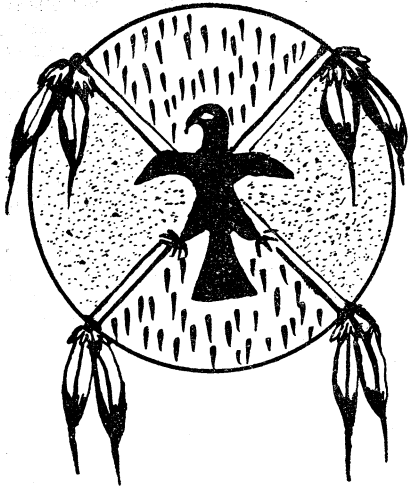
На протяжении многих веков общественные деятели, писатели не раз обращали свои слова в защиту и помощь этому народу. И среди них М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, А. И. Герцен... Первый перевод на русский язык книги Джона Тенера «Тридцать лет среди индейцев» — о жизни среди племен района Великих озер сделал Александр Сергеевич Пушкин. Вообще в традициях русского народа было заложено дружеское, братское отношение к американским индейцам. Очень обидно, что теперь оно утеряно, и этот прекрасный народ обычно представляют как каких-то недоразвитых туземцев. Как в истоках русской культуры было заложено православие, так и в истоках культуры индейских племен — их традиционное верование, и потому воспринимать индейскую культуру и философию нужно так же серьезно, как и культуру любого другого народа.

Предлагаемые заметки помогут осветить некоторые нетрадиционные стороны «индейских стереотипов» и ответят на некоторые вопросы наших читателей.

Основа материала — переводы с английских источников,

Воин-чейен из военного общества Лисиц. Исполняет танец Травы. В его правой руке — зеркало. Сзади, к спине прикреплен обруч из перьев — «Бастл». Как и колокольчики, подвязанные у колен и ступней воина, «Бастл» — неотъемлемая часть танцевального костюма индейцев степей. Фото 1880 г.

Щит дакота. Владелец этого щита так объяснил рисунок на его покрытии: Однажды, когда военный отряд вступил на тропу войны, старый человек предсказал ему, что он будет убит. Перед выходом отряда из лагеря этот человек пошел к шаману и попросил помощи и защиты. Тогда шаман взял щит и нарисовал на нем такой рисунок: по небу летит Сокол, защищенный громом от града, который вокруг него. Это открыло владельцу способ спастись в предстоящей битве.

Характерная черта многих щитов дакота — 4 орлиных пера в четырех углах Щита. В некоторых случаях их красили в тот же цвет, что и фон, к которому они присоединялись. Это помогало им нести защитную силу щита и распространять ее.

МАГИЯ ЩИТА

Однажды один человек держал четырехдневный пост на вершине священной горы. На второй день к нему пришел Дух и повелел следовать за ним. Они спустились к подножию горы и через пещеру попали внутрь. Человек оказался в палатке, на стенах которой висело множество прекрасных щитов. Старик, хозяин палатки, дал ему семь из них и показал, как ими пользоваться и делать их. Вернувшись в свой лагерь, человек рассказал, что с ним случилось, и передал слова

Старика. Потом он стал делать щиты, подобные тем, какие видел в прекрасной палатке и научил этому искусству людей. Так появились первые щиты».

Эта древняя легенда пришла к нам из палаток индейского народа чейенов и повествует о такой простой, на первый взгляд, вещи, как щит война. Что же в нем особенного? Обратимся к словарю С. И. Ожегова. Вот его толкование: «Щит — предмет старинного ручного вооружения в виде округлой или овальной плоскости (из кожи, дерева, металла). Предохранял от ударов, стрел». И все. Но если у большинства человечества щит выполнял только механические функции, то у американских индейцев, в частности индейцев степей, он играл еще и духовную, религиозную роль. Ни европейская, ни азиатская культуры подобного не знали, если не считать древней Спарты. Помните: «Со щитом или на щите!» Но в этом больше поэтического смысла.

Щит у индейцев, так же, как и головной убор из перьев, воинская рубашка или трубка, являл собой священную принадлежность воина. Процесс его изготовления наполнен молитвами, церемониальностью, особым тщанием. Обладать таким щитом мог не каждый, а, как правило, воин, умудренный жизнью, имеющий заслуги перед народом или получивший свыше право на изготовление щита.

Чем же щит заслужил такую честь? В условиях постоянной войны между племенами защитой человеку служила магическая сила. Она заключалась во всякого рода амулетах, в том числе и в щите. Для большей святости на покрывку наносили различные символы. Они наделяли владельца теми или иными качествами, оберегали его от стрел и даже пуль. Например, изображение ласточки помогало молниеносно передвигаться, чтобы не стать мишенью. Медведь — животное сильное, отважное и хитрое. Его изображали на щите, чтобы перенять эти качества. Изображали также бабочек, стрекоз, кузнечиков, летучих мышей, пауков, черепах — все имело особый смысл. Встречались символы звезд и целых созвездий.

На щит крепили амулеты. Это могли быть клыки и кости медведя, свинцовые шарики, предохранявшие от пуль, кремневые наконечники — от стрел. Щит украшали перьями. Их всегда было не менее пяти. Если перья орла — значит хозяин щита обладал быстротой и отвагой. Если овалы — хорошо видел в темноте и бесшумно передвигался.

Каждая племенная группа чейенов владела своим способом выделки кож и окраски щита. Перед боем

каждый щит церемонировали, вызывая к действию силу щита, его магию. Даже песни, связанные со щитами, были священны и исполнялись особыми людьми в особых случаях.

Широкое распространение щитов не могло не затеять американскую коммерцию, чутко реагирующую на спрос. Стали изготавливать железные щиты. Но они, к большому удивлению, не имели спроса, ибо шаманы отказывались их освящать. Эти щиты были тяжелы, неудобны и сделаны из «белого» металла, не способного хранить магическую силу.

ОРЛИНОЕ ПЕРО В УБОРЕ

Раз речь зашла о воинских атрибутах американских индейцев, нельзя не вспомнить о головном уборе из перьев. Том самом, без которого индеец — вроде и не индеец.

Перья далеко не всех птиц годились для такого убора. Обычно использовали перья ворона, совы и, конечно же, орла. Причем орла для этой цели нельзя было убивать из ружья или лука. Для добычи перьев существовали специальные Ловцы орлов. Это были старики или люди пожилые, но полные сил и мудрости. Они выкапывали яму на склоне холма, прятались в нее, закладывали ее ветками, а сверху оставляли приманку. Существовало много молитв, заговоров, песен, чтобы охота была удачной. Когда орел подлетал и садился к добыче, ловец просовывал руки сквозь прутья и, схватив птицу за ноги, утягивал в яму. Охота была тяжелой и опасной: орел — птица сильная. Но зато за такие перья хорошо платили лошадьми — главным богатством американских индейцев.

Стерженьки перьев обматывались красным сукном, бисером, украшались мехом, конским волосом и пухом. К ним подвязывали вышитые бисером ленты.

Неверно считать, что головной убор — сугубо военная деталь. Это еще и символ святости, власти. Такие уборы могли носить далеко не все воины, а только великие, совершившие много подвигов на тропе войны и пролившие кровь за свой народ.

Иногда головной убор украшали шлифованные рога бизона или антилопы. Это другая его разновидность — шаманская. Вот эпизод получения убора одним из духовных и военных лидеров чейенов Летучей Мышью, взятый из книги американского исследователя индейцев «Схороните мое сердце в Вундед-Ни!»: «Один старый шаман из племени чейенов Белый Бык советовал ему отправиться в одиночку к целебному озеру и побыть там недолго вместе

с духами воды. Летучая Мышь... четыре дня лежал на плоту и молился духам воды... После того, как он вернулся в лагерь, Белый Бык сделал ему боевое оперенье, в котором было так много орлиных перьев, что, когда Летучая Мышь садился на коня, оперенье почти достигало земли.

Такое оперенье, по индейским поверьям, обеспечивало воину неприкасаемость.

«Затем он ударил свою лошадь и поскакал прямо на солдат. Оперенье развевалось за его спиной... Когда Летучая Мышь был уже настолько близко, что мог видеть лица солдат, он повернул и поскакал вдоль солдатского фронта. И они, стреляя в него, не могли попасть на всем протяжении его пути. Он развернул свою лошадь и помчался назад. Так он проскакал три или четыре раза...»

Совиные и вороньи перья в уборе служили, в основном, для мирных и религиозных церемоний и празднеств. Иногда они были своеобразным отличительным знаком. Например, у команчей общество воинов-конокравдов украшало себя кисточками вороньих перьев.

Совсем необязательно было надевать целый головной убор. Иногда воин ограничивался двумя-тремя перьями, иногда — пятью-семью. На перьях делались отметки — по поводу какого подвига носится это перо. Вот и еще одна функция пера — значение ордена. По перьям можно прочесть, когда человек был ранен, чем — стрелой или пулей, сколько врагов он убил. Кстати, у индейцев решающую роль играло не количество убитых врагов, а храбрость, проявленная при этом. Известны случаи, когда отец сажал сына на своего лучшего скакуна, давал ему украшенную палочку и подводил к вражескому лагерю. Тот должен был проскакать по лагерю и коснуться палочкой врага. Это также являлось победой.

ПРЕВРАЩЕНИЯ ТОМАГАВКА

Рассказ о воинских атрибутах индейцев был бы не полным без томагавка. История этого оружия уходит корнями в глубокую древность. Это легкий метательный топорик своеобразной формы, используемый в военных целях. Но томагавк не сразу стал «метательным топориком». История томагавка своими корнями уходит в доколониальную эпоху американского континента и берет свое начало от военной дубинки. Постепенно она видоизменилась, обзавелась широким лезвием, напоминающим клиншек топора или ножа. Вытянутая форма сменилась плос-

кой, чуть загнутой, напоминающей широкую букву «Г».

С приходом европейцев, принесших топорик, дубинки-томагавки из употребления не вышли. Они оставались популярными среди племен восточного побережья США, района Великих озер — резиденции народов оджибве, кри, знаменитых ирокезов, фокс и сау, меномин; по правому берегу великой Миссисипи, у народов айова, омаха, канза, манданов. Постепенно к лезвию, которое было заменено железным, добавились еще несколько, иногда их дополняли шипы. Размеры томагавка-дубинки выросли в два-три раза. На старых гравюрах можно видеть изображение этого оружия, достигавшего винну до пояса и даже выше. Томагавк украшали полосками меха, гвоздиками с широкими медными шляпками, вбивавшимися в деревянный оств. Конечно же, вес древних томагавков много превосходил вес их европейских аналогов. Те никак нельзя было метать, но даже легкий удар таким оружием грозил стать роковым.

Легкие железные томагавки существовали трех типов: английского, французского и испанского. Форма испанского напоминала маленькую алебарду и имела хождение у знаменитых семинолов во Флориде и Алабаме. Французские томагавки, в форме лилии, получили распространение, наравне с английскими, ставшими впоследствии классическими, на всей оставшейся территории. Был еще и четвертый тип — русский. Он использовался в Русской Америке — на Аляске и части островов, среди тлинкитов и хайда.

Слово «томагавк» произошло из языка алгонкинов, к языковой группе которых принадлежало большинство племен района Великих озер, кроме ирокезов. В их руках это оружие стало метательным. «Они метают его с поразительной точностью, и нет никакой возможности уклониться от него... Будто бы какой-то дьявол направляет полет их томагавков...» — такие свидетельства оставляли участники освоения американского континента.

Но в американских степях томагавк продолжали использовать по старинке: наносили ручные удары и крайне редко метали его во врага. Об этом свидетельствуют ручки топориков. Их обматывали бисером, красиво оббивали медными гвоздиками, подвизывали перья — т. е. делали то же, что и с их древним собратом — томагавком-дубинкой.

Появлялись и томагавки-трубки. С одной стороны — лезвие, с другой — головка трубки, а в рукоятке просверлено отверстие. Покупил — и в бой! Ясно, что такое оружие метать не станешь.

О СКАЛЬПАХ

История скальпа, как и томагавка, уходит к тому времени, когда известный французский исследователь Шамплейн спустился на своем судне вниз по реке Святого Лаврентия. Именно тогда в источниках появляется первое упоминание о чем-то, по описанию похожем на скальп-кожу вместе с волосами, снятую с макушки головы противника. Автор, рассказавший о плавании Шамплейна, подводит к мысли, что скальп — продукт природной индейской кровожадности. Но тут дело гораздо сложнее. Обычай снимать кожу с волосами известен у южных скифов, в Китае, Сибири. Так что вопрос о происхождении этого жестокого обычая до сих пор остается открытым.

Во время войны между Англией и Францией в Новом Свете была установлена плата за один скальп для индейцев-наемников, воевавших за ту или иную сторону. Скальп приносили в доказательство победы. Таким образом, скальп стал обычным атрибутом воинов-индейцев.

Когда индейские войны переместились в степи, обычай и там нашел себе место. Только платили уже за скальпы индейцев. Были любители, которые делали на этом бизнес.

У дакотов существовал ритуал, в котором использовали кожу с волосами бизона. По поверьям, Святая Женщина, спустившаяся с небес и принесящая дакота трубку, носила локон бизоньей шерсти подвязанным к своим волосам. Возможно, что практика снимать скальпы с людей, перенятая в отместку у колонизаторов, также имела свой церемониальный смысл. Во всяком случае, об этом говорит тот факт, что скальп снимали не с каждого убитого врага, а только тогда, когда в этом была необходимость. Скальпы использовали в военных плясках. Они хранились в священных узлах, украшали шесты жилищ-типи. Локоны скальпов шли на бахромку священных рубах, подвизывались к уздечкам лошадей.

По индейским поверьям человек, победивший врага и снявший с него скальп, имел выгодный контроль над духом врага и мог использовать его силу. И потому везде, где применялся скальп или его часть, — все связывалось с военной магией. Индейцы, в отличие от белых, не снимали скальпов с детей, женщин, стариков.

Как бы то ни было, скальп — это продукт своего времени, а не порождение кровожадности индейцев. Индейская культура, сложная и многогранная, вызвавшая множество экзотических образов, требует внимательного рассмотрения и изучения. Но прежде всего она требует понимания и уважения.

Чеховский марафон

Сверхдальний комбинированный марафон Москва — Южно-Сахалинск (11 230 км) даже по времени совпал с юбилеем — 100-летием путешествия А. П. Чехова на остров Сахалин. В Свердловск команда (17 человек) прибыла в тот же день, что и Антон Павлович. И сразу же попала на открытие специальной выставки «Мир А. П. Чехова» в литературном музее.

Основные экспонаты ее — из Дома-музея А. П. Чехова в Ялте (книги, афиши, фотографии, личные вещи), а атмосфера местная, екатеринбургская (писатель пробыл здесь три дня). Прослежены литературные связи Чехова с уральскими литераторами К. Носиловым и Д. Маминым-Сибиряком. Кстати, выставка разместилась в толоку что отреставрированном доме Дмитрия Наркисовича (ул. Толмачева, 41) — с башенками, решетками, резьбой.

Но на сахалинских спортсменов особое впечатление произвела карта острова тех лет. Подробности ее — не чета нынешним туристическим схемам.

На снимке: нож для разрезания бумаги — экспонат выставки.

Евгений БИРЮКОВ

«Боинг» вызывает «Скорую»

Очередное дежурство по санитарной авиации Сыктывкара, которое несли опытный командир вертолета Ми-2 Евгений Александрович Зила и бортмеханик Виталий Лыткин, протекало сравнительно спокойно. День уже подходил к концу, солнце заметно склонялось к горизонту. И вдруг из республиканской санавиастанции поступил тревожный вызов-сигнал: в Усть-Вымском районе (это около 80 км от Сыктывкара) дорожное происшествие. Столкнулись два мотоцикла, пострадали три человека.

Вскоре на аэродром прибыли бортовые врачи: хирург И. Трапезникова и анестезиолог Л. Сметхов. Вылетели в 19.30 по московскому времени. Через 25 минут оказались над местом аварии, сделали круг. Условия для посадки сложные: вокруг лес, вдоль шоссе провода, рядом коровник, какая-то свалка. Словом, ни одного подходящего «пятачка». И тогда Е. Зила принял решение садиться прямо на дорогу.

Работники медпункта из находящегося неподалеку поселка Туискерос уже оказали первую помощь пострадавшим — двум мужчинам и женщине. Однако состояние раненых оставляло желать лучшего: у одного открытый перелом, двое без сознания. Экипаж доставил пострадав-

ших в районный центр Айкино. И здесь с условиями посадки не все было просто.

Посоветовавшись, врачи пришли к заключению, что мужчину, который потерял много крови, надо немедленно эвакуировать в Сыктывкар, чтобы там, в стационарных условиях, провести хирургическую операцию. Кроме того, на борт Ми-2 взяли из Айкино также молодую женщину, у которой были предпродовые осложнения. Запросив у диспетчера службы УВД (управление воздушным движением) разрешение, Евгений Александрович повел машину напрямую в столицу республики.

Раненый был в тяжелом состоянии, всю дорогу стонал. Бортовые врачи даже поставили ему капельницу, чтобы поддержать его силы на время полета. Короче говоря, каждая минута была на счету. Вот почему сразу после взлета Е. Зила попытался связаться по радию с Сыктывкаром: нужно обеспечить прибытие на аэродром машины «скорой помощи» для тяжелого больного. Но как назло диспетчер службы движения из-за плохого прохождения радиоволн никак не мог понять, о чем идет речь, несмотря на неоднократные попытки пилота.

Помощь пришла неожиданно-негаданно: в эту критическую ситуацию вмешался... экипаж «Боинга», пролетавшего над нашей территорией по северной международной авиатрассе. Он, правда, с заметным акцентом, но сумел все же продублировать для Сыктывкара радиовывоз командира Ми-2. «Скорая» встретила вертолет на аэродроме.

В общем, все закончилось классическим «хэппи эндом»: все остались живы, состояние здоровья удовлетворительное. А стало это возможным благодаря совместным усилиям медиков и авиаторов, в том числе и экипажа неизвестного «Боинга», верного принципу — милосердие не знает границ.

В. ДЕБЕРДЕЕВ

Сменили питание

В Панаме обнаружены пчелы, питающиеся... падалью! Таким образом, необходимый организму белок насекомые получают не из привычной для пчел цветочной пыльцы, а из падали. В связи с этим специальные устройства для сбора пыльцы, имеющиеся у них на лапках, почти исчезли. Об этом сообщил исследователь Смитсоновского института (США) Дэвид Рубик.

Е. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель
главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.12.90.
Подписано к печати 28.01.91.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,3.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 410 000.
(1-й завод: 1—200 000).
Заказ 349.
Цена 80 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620151, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки цветное фото
Алексея Чернецкого.

© «Уральский следопыт». 1991 г.

**Александр
СЕМЕНИН**

ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ

Папайя

Казалось бы, несложная задача — отличить дерево от травы. Однако есть на свете растения, которые как бы совмещают то и другое. Примером такой древовидной травы или травянистого дерева может служить папайя, или дынное дерево. Оно почти никогда не ветвится и имеет пальмовидный облик: крупные лопастные листья располагаются у него лишь на верхушке стебля. Но если спилить «дерево», то увидишь, что его «древесина» — мягкая и зеленая — образована нежными сочными тканями. Только тонкая, хотя и очень прочная кора придает стеблю некоторую прочность (в тропических странах из ее волокон изготавливают веревки и канаты).

У травы-дерева много причуд.

Уже к концу первого года жизни, начав развиваться из семени, оно достигает максимальной высоты и зацветает. А некоторые индонезийские сорта уже через три месяца после посева дают плоды (случай для деревьев едва ли не уникальный). Дав первый урожай, растение плодоносит еще лет пять — шесть, а затем погибает — еще одного дерева, так «спешащего» жить, сразу и не припомнишь!

Явление каулифлории — еще одна «странность» дынного дерева: цветки у него появляются не на тонких боковых ветвях, а прямо... на стволе. Мелкие, желтоватые, напоминающие нежным ароматом ландыши, пробиваются они сквозь слой коры и создают совершенно необычную для нас картину.

Затем завязываются плоды, размерами и формой похожие на дыню. В зависимости от сорта их вес колеблется от 0,5 до 10 кг. Вкус сильно изменчив, и даже с одного растения можно собрать разные «дыни». То с мякотью едкой и приторно сладкой, то с нежной и ароматной, как у малины, а чаше — с тающей

во рту, как у плодов растения, «в честь» которого и получила папайя второе название.

Но, пожалуй, главной «диковинкой» плодов дынного дерева является их млечный сок. В его состав входит фермент папаин. Это вещество аналогично пепсину, расщепляющему белковую пищу в желудке человека. Он получает в приятном для себя виде добавочный пищеварительный сок. Достаточно в небольшой объем воды добавить несколько капель сока, и политые этим раствором сырая рыба или мясо становятся мягкими, словно их отварили. А можно продукты просто завернуть в листья папайи — такой способ издавна используют индейцы Южной Америки.

Не перечислить всех вкусовых и лекарственных достоинств, которыми обладают плоды дынного дерева. Едят их в свежем виде, используют в приготовлении мороженого, перерабатывают на соки, компоты, джемы. Они помогают лечить тонзиллит и ларингит, дифтерит и радикулит, тромбозы и атеросклерозы. Прямо-таки растение-доктор.

В нашей стране климатические условия не позволяют выращивать папайю в открытом грунте. В оранжереях ботанических садов ее разводят как декоративное и плодое растение. А несколько лет назад недалеко от города Гагры создана лаборатория по изучению развития и лечебных свойств дынного дерева. В ее теплицах заложена небольшая промышленная плантация.

Уживается папайя и в комнатах, хотя добиться ее плодоношения здесь отнюдь не просто.

Размножают растение семенами и черенками. Семена заделывают в начале марта на глубину 1 см в легкую питательную почву (дерновая, листовая земля, торф, песок, взятые в равных объемах) и умеренно увлажняют. Через 7—10 дней появляются дружные всходы. Сеянцы быстро растут, и в первый год их 2—3 раза пересаживают — каждый раз в сосуды несколько большего размера.

Продолжение. См. «Уральский следопыт», 1990, № 7—8; 1991, № 1.

При размножении черенками используют 1—2-летние растения с толщиной стебля до 1,5 см. Стебли нарезаются на отрезки длиной 8—10 см. Поскольку их срезы очень сочные, то черенки перед посадкой подсушивают два-три дня в сухом теплом месте, а затем помещают для укоренения в плошки или ящики, заполненные хорошо промытым крупнозернистым песком. Оптимальная температура воздуха для укоренения +24—26 °С; корешки образуются через 1—1,5 месяца.

Дынное дерево очень светолюбиво, и недостаточная освещенность зимой и осенью стала, пожалуй, главным препятствием его широкому распространению в комнатах. Поэтому с октября по март растение нуждается в досвечивании, хотя бы лампами накаливания. Расстояние между лампами и верхним листом не должно быть меньше 30 см, а общее их количество таким, чтобы величина искусственной освещенности достигала 4—5 тыс. люкс. Годятся и другие электролампы — люминесцентные, дневного света, чья теплоотдача (а следовательно, и угроза ожога листьев) гораздо меньше.

Разумеется, в комнатах папайя не

отличается столь быстрыми темпами роста и развития, как в естественной природе, и зацветает лишь на 3—4-й год. И то, если не медлить с пересадками. Как только корни достигают стенок горшка, растение осторожно из него выбивают и сдают в новый сосуд (на 5—6 см объемнее предыдущего по диаметру). При редких пересадках рост папайи почти прекращается, и многие годы она не цветет, как бы замирая в своем развитии.

Как всякое быстрорастущее растение, дынное дерево очень отзывчиво на внесение удобрений. Подкармливают его с февраля по октябрь (с интервалом в 10 дней), весной — аммиачной селитрой и полным минеральным удобрением с микроэлементами, летом — нитроаммофоской и настоем коровяка (в разведении 1 : 10) и в начале осени — нитроаммофоской и суперфосфатом. Доза минеральных удобрений — 2—3 г/л воды.

Почву для взрослых растений (старше 2-х лет) составляют из смеси дерновой и листовой земли, торфа и песка (2 : 1 : 1 : 1). Корневая система у папайи поверхностная, поэтому для ее посадки особенно хороши сосуды неглубокие и широкие.

Как представитель тропиков дынное дерево нуждается в теплом содержании и не выносит резких колебаний температуры воздуха: +24—28 °С — летом, +16—20 °С — зимой.

Ткани стебля и листьев папайи очень сочные, поэтому поливают ее регулярно, но малыми дозами. Загнивание корневой шейки от переувлажнения почвы — пожалуй, главная причина гибели растения в комнатах у начинающих растениеводов.

Среди вредителей дынного дерева наиболее опасны тля и паутинный клещик. Борьбу с ними ведут, используя настои и отвары всевозможных инсектицидных трав (пиретрум, лук, чеснок, тысячелистник и др.). В прохладную и влажную погоду на листьях появляется белый налет («мучнистая роса») — болезнь, вызванная микроскопическим грибом. Чтобы избавиться от нее, необходимо обработать растение слабым раствором медного купороса или коллоидной серой.

Вырастить плоды папайи дома — задача архисложная. Добившиеся этого могут заслуженно считать себя профессионалами комнатного растениеводства.

Фото О. Капореико

уральский
СЛЕДОПЫТ

80 коп. ISSN 0134-241X Индекс 73413, Уральский СЛЕДОПЫТ, 1991, № 3, 1—80.

БУХТА КРАЙ СВЕТА